

ISSN 2225-5346

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

2018

Том 9

№ 1

Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2018

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2018
Том 9
№ 1

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2018.
111 с.

Точка зрения авторов
может не совпадать
с мнением учредителя

Издание
зарегистрировано
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации
СМИ ПИ
№ ФС77-46308
от 26 августа 2011 г.

Редакционная коллегия

Золян Сурен Тигранович, доктор филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — главный редактор; *Черняков Алексей Николаевич*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — ответственный редактор; *Автономова Наталия Сергеевна*, доктор филологических наук, Институт философии РАН (Россия); *Азарова Наталия Михайловна*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН (Россия); *Венцлова Томас*, профессор, Йельский университет (США); *Веселинов Димитр*, профессор, Софийский университет им. Святого Климента Охридского (Болгария); *Гамбье Ив*, доктор лингвистики, профессор, Университет Турку (Финляндия); *Данилевский Игорь Николаевич*, доктор исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Заботкина Вера Ивановна*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (Россия); *Ильин Михаил Васильевич*, доктор политических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Кронгауз Максим Анисимович*, доктор филологических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Лавров Александр Васильевич*, академик РАН, доктор филологических наук, Институт русской литературы РАН (Россия); *Лотман Михаил*, профессор, Таллинский университет, Тартуский университет (Эстония); *Осадчий Михаил Андреевич*, доктор филологических наук, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Россия); *Плунгян Владимир Александрович*, доктор филологических наук, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия); *Рассел Джеймс*, профессор, Гарвардский университет (США), Иерусалимский университет (Израиль); *Силантьев Игорь Витальевич*, доктор филологических наук, Институт филологии СО РАН (Россия); *Смирнов Игорь Павлович*, профессор, Констанцский университет (Германия); *Стайнер Питер*, профессор, Университет Пенсильвании (США); *Тульчинский Григорий Львович*, доктор философских наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Цвигун Татьяна Валентиновна*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Чалый Вадим Александрович*, кандидат философских наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Фидря Ефим Сергеевич*, кандидат социологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Фирсов Сергей Львович*, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции..... 5

Плунгян В. А. Лингвистика в XXI веке: проблемы, перспективы, точки роста 7

РУСИСТИКА ЗА РУБЕЖОМ

Стайнер П. «Which side are you on, boy?» Роман Якобсон в Праге межвоенного периода..... 13

Акопян К. С. Союзные функции частицы *только*: частица-союз vs. частица — союзный аналог..... 29

Кронгауз М. А. Конкуренция и взаимодействие языков: социолингвистический подход..... 45

СЛОВО И ДЕЛО: ЯЗЫК В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ

Согомонян В. Э. Трансформация коммуникативных характеристик политического дискурса в современном информационном пространстве..... 50

Говорухина Ю. А., Ступакова Е. Ю. Поздняя поэзия А. Башлачёва: вариативность исполнения и новые смыслы..... 77

Зрелова М. В. Языковые средства выражения аргументации в судебном дискурсе конца XIX века (на материале речи прокурора в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»)..... 86

Тренихина М. П. Искусство «левого неприличия» как способ дискредитации имперской власти: Эйзенштейн, Бабель, Луначарский..... 94

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Дорофеева Л. Г. II Международный научный семинар «Агиография в русском культурном пространстве»..... 103

CONTENTS

<i>Editors' Preface</i>	5
-------------------------------	---

<i>Plungyan V. A.</i> Linguistics in the 21 st Century: Problems, Prospects, and Growth Points	7
---	---

RUSSIAN STUDIES ACROSS THE GLOBE

<i>Steiner P.</i> «Which Side are You on, Boy?» Roman Jakobson in the Interwar Pragu	13
--	----

<i>Akopyan K. S.</i> The Conjunction Functions of the Particle <i>tolko</i> : A Conjunction Particle vs a Conjunction Analogue	29
--	----

<i>Krongauz M. A.</i> Competition and Interaction between Languages: A Sociolinguistic Approach.....	45
--	----

WORD AND DEED: LANGUAGE AND DISCOURSE

<i>Soghomonyan V. E.</i> Transformations in the Communicative Characteristics of Political Discourse in the Current Information Space	50
---	----

<i>Govorukhina Yu. A., Stupakova E. Yu.</i> The Late Poetry of A. Bashlachev: Changes in Performance and New Meanings.....	77
--	----

<i>Zrelova M. V.</i> Linguistic Means Expressing Argumentation in Judicial Discourse late 19 th : The Prosecutor's Speech in Dostoevsky's <i>The Brothers Karamazov</i>	86
--	----

<i>Trenikhina M. P.</i> The Art of «Leftist Obscenity» as a Way to Discredit the Imperial Regime: the Works of Eisenstien, Babel, and Lunacharsky	94
---	----

ACADEMIA

<i>Dorofeeva L. G.</i> The 2 nd Research Workshop «Hagiography in Russian Cultural Space».....	103
---	-----

ОТ РЕДАКЦИИ

В открывающем 2018 год выпуске представлены статьи, отражающие различные аспекты заявленной кардинальной тематики журнала. Основной акцент ставится на динамических аспектах функционирования языка в различных коммуникативных контекстах и применительно к различным дискурсивным практикам, на происходящих при этом смысловых и структурных инновациях и трансформациях.

Номер начинается со статьи академика РАН *В. А. Плунгяна* «Лингвистика в XXI веке: проблемы, перспективы, точки роста», где выделяются основные, по сравнению с прошлым столетием, концептуальные изменения рассмотрения языка методологии лингвистического описания.

В традиционном для журнала разделе «Русистика за рубежом» публикуются различные по направлению и тематике материалы, в своем разнообразии дающие представление о широком спектре ведущихся исследований. Статья известного американского слависта *Питера Стайнера* посвящена ранее не известным обстоятельствам биографии Романа Якобсона в наиболее драматический период его жизни (1920–1930-е годы). Армянский русист *К. С. Акопян* уточняет дискуссионные аспекты, связанные с логико-семантическими и прагматическими аспектами функционирования частиц. Это своего рода исследование микромира семантического синтаксиса русского языка. Рецензия *М. А. Кронгауза* «Конкуренция и взаимодействие языков: социолингвистический подход» на книгу М. Дж. Тагаева «Диалог языков и культур (на материале функционирования и взаимодействия культурно-языковых пространств киргизского и русского языков)» призвана привлечь внимание как к лингвистической ситуации русско-киргизского двуязычия, так и к проводимым в Киргизии социолингвистическим исследованиям.

Под рубрикой «Слово и дело: язык в дискурсивных практиках» публикуются статьи, в которых рассматриваются вопросы, связанные с функционированием языка в различных коммуникативных жанрах и контекстах и посвященные этим изменениям. Это статья *В. Э. Согомоняна* о трансформациях коммуникативных характеристик политического дискурса в современном информационном пространстве, статья *Ю. А. Говорухиной* и *Е. Ю. Ступаковой* «Поздняя поэзия А. Башлачёва: вариативность исполнения и новые смыслы», основу которой составили наблюдения над изменением словесного текста песни в процессе ее исполнения; а также статья *М. В. Зреловой* «Языковые средства выражения аргументации в судебном дискурсе (на материале речи прокурора в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»», излагающая наблюдения над особенностями имитации судебной речи в художественном

произведении. *М. П. Тренихина* в статье «Искусство "левого неприличия" как способ дискредитации имперской власти: Эйзенштейн, Бабель, Луначарский» приводит примечательный образец нарушения принятых норм, что используется как художественный прием и в политических целях.

Завершает номер информация о проходившем в БФУ им. И. Канта в октябре 2017 года II Международном научном семинаре «Агиография в русском культурном пространстве» (ряд материалов прошедшего в 2016 году первого семинара был опубликован в первом номере за прошлый год).

ЛИНГВИСТИКА В XXI ВЕКЕ: ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ, ТОЧКИ РОСТА¹

В. А. Плунгян¹

¹ Институт русского языка им. В. В. Виноградова
119019, Россия, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
Поступила в редакцию 02.12.2017 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-1

Предлагается выделить четыре ключевые проблемы, которые определяют дальнейшее развитие лингвистики. Это 1) проблема языкового многообразия; 2) понимание языка «как текста» или «как системы»; 3) роль количественных методов и 4) роль диахронического анализа. Делается вывод, что на смену системной, статичной, синхронной, качественной лингвистике, ориентированной на ограниченный круг языков, приходит лингвистика вариативности, внесистемная (или асистемная) лингвистика текста, ориентированная на квантитативные подходы, на изучение диахронии и на максимальное языковое разнообразие.

Ключевые слова: *языковое многообразие, квантитативные методы, асистемная лингвистика текста, корпусная лингвистика, лингвистика узуса.*

1. Можно выделить четыре ключевые точки, в которых лингвистика сегодня находится на распутье: это проблема языкового многообразия; понимание языка «как текста» или «как системы»; роль количественных методов (и, шире, квантитативных подходов) и роль диахронического анализа в изучении языка. В XX веке на эти вопросы давались одни ответы, сейчас — несколько другие, как это часто бывает в науке: обозначается определенный вектор, в этом направлении наука движется, но в какой-то момент становится понятно, что этот путь себя исчерпывает. Наука возвращается назад, в ту точку, где был сделан выбор, и

---

¹ *От редакции.* Четырнадцатого апреля 2017 года в БФУ им. И. Канта состоялся международный круглый стол на тему «Лингвистика в XXI веке: проблемы, перспективы, точки роста». Участниками разговора были лингвисты БФУ им. И. Канта, а также университетов-партнеров Гданьска и Ольштына. С докладами выступили академик РАН, профессор, заместитель директора по научной работе Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, заведующий сектором типологии Института языкознания РАН Владимир Плунгян и доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии НАН Армении, приглашенный профессор БФУ им. И. Канта Сурен Золян (он выступил с докладом «О трансдисциплинарном потенциале лингвистики»). После докладов состоялась дискуссия, в ходе которой участники предложили свое видение основной проблематики лингвистики XX века и перспектив ее дальнейшего развития. Приводим подготовленные Владимиром Плунгяном основные положения его доклада.

© Плунгян В. А., 2018

делает другой выбор. На мой взгляд, сейчас есть четыре таких развилки, о которых стоит поговорить. Список, безусловно, можно продолжить, но эти четыре проблемы в большей степени находятся в сфере моих собственных интересов.

2. Проблема языкового многообразия имеет два аспекта. С одной стороны, важность языкового многообразия всеми признается, но на практике многие лингвисты по-прежнему являются заложниками своих родных языков. Например, чтобы сегодня описать русский язык так, как этого требует современный уровень теоретической лингвистики, необходимо знать не только сам русский язык, не только другие славянские языки, «соседние» языки, с которыми русский вступал во взаимодействие и испытывал их влияние (как тюркские и финно-угорские), но, вообще говоря, и все другие языки человечества, в том числе совсем иных типов и от русского далекие.

В лингвистике, как, может быть, ни в какой другой науке, есть очень тесная связь между концептуальным аппаратом исследователя и его родным языком или теми языками, которыми он владеет. Этой связи нет ни в химии, ни в биологии, ни даже, например, в истории (если взять гуманитарную сферу). Может быть, отчасти сходная проблема есть в философии. Но в лингвистике эта связь безусловна. Эта проблема была осознана несколько столетий назад, на уровне деклараций ее все время хотели преодолеть, но в практической сфере мало что меняется. И то, что многие современные теории языка англоцентричны, — хорошо известно. Но не лучше обстоят дела и в других частных традициях: романистика, германистика, славистика и др. — они все развивались внутри тех языков, которые изучались. И тот универсализм, который провозгласил XX век (и в типологии, и в универсальной грамматике), был, если можно так выразиться, несколько поспешным. Часто он был не реальным обобщением свойств человеческих языков, а попыткой представить свойства ограниченного круга языков в качестве всеобщего эталона. Видимо, лингвистике необходима тщательная рефлексия этой проблемы.

С другой стороны, в наше время наблюдается массовое исчезновение малых языков, а более крупные языки испытывают сильное воздействие со стороны мировых языков, прежде всего английского.

В XXI веке мы оказываемся свидетелями стремительного исчезновения живых языков. Для нас, лингвистов, следствием глобализации стало то, что наш эмпирический материал съезживается как шагреновая кожа. Причем языки не только исчезают (это касается малых языков, когда уходит поколение, которое говорило на этом языке, а новые поколения уже выбирают другие, более распространенные языки), но и испытывают колоссальное давление крупных, мировых языков (языку может не грозить непосредственное исчезновение, но он утрачивает многие свои самобытные черты). Заимствования, интерференция, кальки, структурные сближения — эти явления лингвистам хорошо известны, но их масштаб постоянно увеличивается, потому что наша Земля оказывается все меньше и все теснее. Лингвистический ландшафт постоянно меняется. И наша задача — не упустить необратимого исчезновения языкового разнообразия.

3. Вторая проблема — это понимание языка «как текста» или «как системы». В начале XX века де Соссюр канонизировал представление о языке как системе: он противопоставил язык (абстрактную систему правил) и речь (индивидуальные и конкретные случаи использования языка) [3, с. 31—273]. Сейчас происходит некоторое перераспределение акцентов: лингвисты больше обращают внимание на индивидуальное, случайное, вариативное — узус, дискурс, конкретные речевые практики конкретных говорящих.

Это то, что в свое время Виктор Маркович Живов называл в известной статье (написанной совместно с А. Тимберлейком) расставанием со структурализмом [2, с. 3—14]. В XX веке, в общем, господствовала системная лингвистика. Это был значительный шаг вперед в науке о языке. Но все относительно, мы не можем стоять на месте. И теперь мы видим и недостатки этого подхода. Соссюр научил нас тому, что язык есть система правил, нематериальная, ненаблюдаемая, недоступная исследователю непосредственно — мы должны ее реконструировать, опираясь на тексты. Текст при таком подходе — нечто внешнее, то, что нам, так сказать, мешает проникнуть к объекту изучения — абстрактному языку. В результате мы изучаем воображаемое и отбрасываем реальное, считая его случайным, вариативным, индивидуальным и т.д. — это и есть то, что называется речью. Конечно, и в XX веке были попытки изучать речь, изучать узус, но все они были маргинальными и не входили в мейнстрим. Кажется, сейчас эта ситуация меняется: целый ряд влиятельных подходов говорит нам о том, что нужно переориентироваться с изучения абстрактной системы на изучение той единственной реальности, которая нам доступна. Текст — это наша единственная данность, и отвергать ее в пользу абстрактного языка методологически не всегда справедливо и правильно. Мы должны вернуться к изучению текста, к изучению случайного, вариативного, индивидуального — всей нашей текучей, неструктурированной, несистемной реальности.

По Соссюру, большее значение также имеет синхрония (рассмотрение состояния языка как установившейся системы в определенный момент времени), а не диахрония (развитие языка во времени). Сейчас в лингвистике преобладает обратный подход.

Лингвистика XXI века диахронична, а не синхронична. Это был один из важнейших постулатов Соссюра — синхрония важнее диахронии. Сейчас он пересматривается: скорее, диахрония важнее синхронии, потому что язык постоянно изменяется во времени, это одно из его наиболее существенных свойств. Нельзя описать язык, игнорируя эту его особенность. Синхрония (как и система) — это некоторая абстракция, даже можно сказать сильнее — это некоторая иллюзия. Можно лишь условно абстрагироваться от непрекращающихся процессов языковых изменений и считать, что в течение какого-то периода язык стабилен. Но это не всегда полезно делать. Огромное количество языковых явлений имеет диахроническое объяснение. Функционально-когнитивная лингвистика с самого начала обращала на это внимание, но и современные формальные школы (в большей степени идейно связанные со структурализмом) приняли этот вызов, и в настоящее время существуют, например, диахронические модели даже в рамках генератив-

ного синтаксиса. Любая серьезная теория языка должна быть теорией языковых изменений, потому что это в каком-то смысле главное, что есть в языке.

Изучению языка как текста способствуют языковые корпуса — крупные массивы текстов, обработанные по определенным правилам. Для нас, конечно, важен Национальный корпус русского языка, который появился в 2004 году и сейчас свободно доступен в интернете (ruscorpora.ru).

Корпус — это мощный инструмент, который позволяет нам изучать именно тексты, речь. Популярный сегодня класс теорий такого рода — «usage-based»-модели, разные варианты которых развиваются в работах Пола Хоппера, Талми Гивона, Рональда Лангакера, Джоан Байби, Майкла Томаселло и др. (из последних по времени работ см., например: [5]). Довольно близка к этому подходу и лингвистика конструкций Чарльза Филлмора, Адели Голдберг и др. «Usage-based» — буквально теория, основанная на узусе. Это часть, в широком смысле, функционально-когнитивного подхода. И если чуть-чуть утрировать, их постулат состоит в том, что вообще никаких правил нет, грамматики нет, это иллюзия. Человек пользуется языком, опираясь на шаблоны, то есть строит грамматику «на лету». У говорящих, как это в свое время сформулировал Хоппер, имеется только «emergent grammar» (одна из последних версий подхода Хоппера сформулирована в [6, р. 301–314]): у них в памяти огромное количество прецедентных текстов, своего рода личный корпус, и они строят свои высказывания более или менее по аналогии с уже существующими образцами. И таким образом знаменитый «творческий компонент» языка, гумбольдовская *energeia*, занимает на самом деле довольно малое место в повседневной речевой практике носителя. То есть наша речевая деятельность — это в той или иной степени непрерывное воспроизведение различных клише. И только в том случае, когда это по каким-то причинам невозможно, человек пускает в ход вот эти страховочные механизмы построения высказываний, опирающиеся на правила, на «грамматику». Это, кстати, имеет довольно много психолингвистических подтверждений: когда человек вынужден действовать по правилам, он делает это гораздо медленнее и гораздо менее уверенно. Вспомним: когда мы говорим на родном языке, наша речь довольно быстрая, но вдруг мы слышим незнакомое слово, например фамилию. Тут же происходит сбой: в нашей памяти нет этого образца, и мы просим несколько раз повторить незнакомое слово, желательно по слогам. У нас об этих проблемах в свое время писал Борис Гаспаров в яркой книге «Язык. Память. Образ» [1]. Сегодня такого рода идеи достаточно влиятельны.

4. Лингвистика XX века была качественной, а не количественной: квантитативный подход стал применяться относительно недавно. Квантитативные данные, статистика, частотность стали неотъемлемым атрибутом теоретических исследований.

Так, все языковые изменения очень сильно связаны со статистикой, с частотностью. В концепции Джоан Байби, одного из ведущих современных функциональных лингвистов, частотность, *frequency* — главный триггер языковых изменений [4]. Вокруг частотных форм враща-

ются все диахронические процессы: и инновационные явления, и консервативные зоны так или иначе с частотностью связаны. Без статистики мы вообще многого не можем понять в языковой системе. Это тоже очень непривычная для XX века точка зрения.

5. Таким образом, на смену системной, статичной, синхронной, качественной лингвистике, ориентированной на ограниченный круг языков, приходит лингвистика вариативности, внесистемная (или асистемная) лингвистика текста, ориентированная на количественные подходы, на изучение диахронии и на максимальный учет языкового разнообразия. Посмотрим, какие новые закономерности структуры и эволюции языка эти подходы смогут выявить.

Список литературы

1. Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
2. Живов В. М., Тимберлейк А. Расставаясь со структурализмом (тезисы для дискуссии) // Вопросы языкознания. 1997. №3.
3. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / пер. с фр. // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
4. Bybee J. Frequency of use and the organization of language. Cambridge, 2007.
5. Bybee J. Language, Usage and Cognition. Cambridge, 2010.
6. Hopper P. J. Emergent grammar // The Routledge handbook of discourse analysis / J. P. Gee & M. Handford (eds.). L., 2012.

Об авторе

Плунгян Владимир Александрович, доктор филологических наук, академик РАН, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Россия.

E-mail: plung@yandex.ru

Для цитирования:

Плунгян В. А. Лингвистика в XXI веке: проблемы, перспективы, точки роста // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №1. С. 7–12. doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-1.

LINGUISTICS IN THE 21ST CENTURY: PROBLEMS, PROSPECTS, AND GROWTH POINTS

*V. A. Plungyan*¹

¹ Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences
18/21, Volhonskaya Str., Moscow, 19019, Russia
Submitted on December 02, 2017
doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-1

This paper considers four problems that are most likely to affect the future development of linguistics: 1) linguistic diversity; 2) the text/system interpretation of language; 3) the role of quantitative methods; 4) the role of diachronic analysis. The author concludes that systemic,

static, synchronic, qualitative linguistics is replaced by linguistics of variability, which is asystemic and oriented towards quantitative approaches, diachrony, and maximum linguistic diversity.

Key words: *linguistic diversity, quantitative methods, asystem text linguistics, corpus linguistics, usage-based linguistics.*

References

1. Gasparov, B.M., 1996. *Yazyk. Pamyat'. Obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language. Memory. Image. Linguistics of language existence]. Moscow.
2. Zhivov, V.M., Timberleik, A., 1997. Parting with structuralism (theses for discussion). *Voprosy yazykoznaniya* [Issues of linguistics], 3.
3. Sossyur, F. de, 1977. Course of general linguistics. In: F. de Sossyur. *Trudy po yazykoznaniyu* [Proceedings on linguistics]. Moscow.
4. Bybee, J., 2007. *Frequency of use and the organization of language*. Cambridge.
5. Bybee, J., 2010. *Language, Usage and Cognition*. Cambridge.
6. Hopper, P.J., 2012. Emergent grammar. In: J.P. Gee and M. Handford, eds. *The Routledge handbook of discourse analysis*. London.

The author

Prof Vladimir A. Plungyan, Fellow of the Russian Academy of Sciences; Deputy Director for Research, Head of the Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics, V.V. Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: plung@yandex.ru

To cite this article:

Plungyan V.A. 2018, Linguistics in the 21st Century: Problems, prospects, and Growth Points, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 1, p. 7–12. doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-1.

УДК 81-116.3

«WHICH SIDE ARE YOU ON, BOY?» РОМАН ЯКОБСОН В ПРАГЕ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА¹

*П. Стайнер*¹

¹ University of Pennsylvania, 745 Williams Hall
255 S 36th St., Philadelphia, PA 19104—6305
Поступила в редакцию 22.06.2017 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-2

Рассматривается частная жизнь Романа Якобсона между 1920 и 1939 годами, когда он жил в бывшей Чехословакии сначала как советский дипломат, а затем как ученый, оказавшийся в хитросплетении политических интриг того времени. На основе архивных документов автор показывает сложные и зачастую противоречивые отношения с триадой политических учреждений, в орбитах которых вращался Якобсон: Министерство внутренних дел, Министерство иностранных дел и Миссия / Политическое представительство Красного Креста в Праге. Оценка лояльности Якобсона советской власти остается открытой и выносится на суд читателя.

Ключевые слова: Р. Якобсон, Пражский лингвистический кружок, биография, межвоенный период.

Два человека играют в шахматы, ты заинтересован игрой, но не заинтересован в результатах игры, смотришь с любопытством, сочувствуешь проигрывающему, радуешься ловкому шаху выигрывающего и продумываешь «ходы» и за белых, и за черных. На минуту можешь даже подсесть к столу поиграть за одного из них. Вот мое отношение к сегодняшней политике.

*Из письма Романа Якобсона Григорию Винокуру.
Ноябрь 1920 года*

Роман Якобсон, без сомнения, является одной из самых маститых фигур современной славистики. Но, будучи выдающимся ученым, он также принимал активное участие и в бурных событиях XX века. Сей-

---

¹ Доклад, представленный 19 ноября 2015 года на международной конференции «Роман Якобсон: Лингвистика и Поэтика», состоявшейся в Милане и Верчелли. Заглавие «Which side are you on, boy?» («На чьей ты стороне, парень?») заимствовано из песни жены профсоюзного лидера Сэма Риса Флоренс Рис, написанной в 1931 году в ответ на репрессии со стороны полиции. Песня стала неофициальным гимном профсоюзного движения и получила особую известность в исполнении Пита Сигера (Pete Seeger).

© Стайнер П., 2018

час, когда прошлое исчезает с головокружительной скоростью, кажется, что исследователи, изучающие его работы, все меньше и меньше довольствуются отвлеченным рассмотрением его мыслей как некоей автономной, внеисторической системой. Вместо этого они стараются уловить преходящий многоаспектный социальный контекст становления его идей — будь то идеологические подтексты научных теорий Якобсона, его отношения с русскими эмигрантами или его противостояние консервативному академическому сообществу Чехословакии. Мое исследование сосредоточено на исторических документах, иллюстрирующих сложные и часто противоречивые отношения Якобсона с тремя политическими учреждениями, в орбитах которых он вращался, находясь в Чехословакии в межвоенный период. Это 1) Министерство внутренних дел; 2) Министерство иностранных дел (также называемое по-чешски *Zamini* или, по-другому, *Černín* из-за его местонахождения в одноименном дворце в стиле барокко); 3) Миссия советского Красного Креста (трансформировалась в 1921 году в коммерческую делегацию, а в 1922 году стала де-факто политическим представительством).

Благодаря донесению анонимного агента чешской полиции, тайно посланного наблюдать за Миссией советского Красного Креста с того момента, как ее поезд из Берлина пересек границу, последующим поколениям точно известно, когда Якобсон (как переводчик) и шестеро других членов группы, возглавляемой доктором Соломоном Гиллерсоном, прибыли на Пражский вокзал Вудро Вильсона. Это произошло 10 июля 1920 года в 16.32. Поскольку правительство Чехословакии официально не признавало Советское государство, предполагалось, что цель Миссии исключительно гуманитарная — возвращение на родину русских военнопленных, застрявших на территории бывшей Габсбургской империи. Но из-за политической ситуации, идущей русско-польской войны и вдохновленных советской революцией коммунистических восстаний в Германии и Венгрии в воздухе царил атмосфера глубокого недоверия. Личные вещи путешественников были досмотрены, а десять больших ящиков, ввезенных из Берлина, были изъяты для дальнейшего изучения².

Якобсон и шестеро остальных прибывших временно расположились в центре города в отеле «Империял», где многокомнатный номер одновременно служил им рабочим кабинетом, а отряд сыщиков начал свое наблюдение. Но примерно две недели спустя местный Красный Крест предложил своим русским коллегам дополнительно три комнаты в его собственном здании на улице Некланова в районе пражского Вышеграда. Однако, как мы узнаем из конфиденциального доклада Министерства внутренних дел от 27 июля, это не было актом благотвори-

---

² В ящиках находилось 15 миллионов рублей, выпущенных Временным российским правительством после Февральской революции и все еще имевших хождение в России в то время, и 6 миллионов старых австрийских банкнот, которые, однако, без гербовой марки Министерства финансов Чехословакии, отличающей их от такой же валюты, использовавшейся в других государствах-преемниках Австро-Венгрии, не считались в стране законным платежным средством.

тельности. Очевидно, что этот шаг был мотивирован «подозрением Красного Креста Чехословакии в том, что [Советская миссия] занималась не только гуманитарной и общественной деятельностью, но также и политической, и коммерческой». Более того, вице-президент национального Красного Креста, доктор Прохаска, с которым МВД провело беседу за два дня до прибытия советской делегации, пообещал делиться с полицией своими внеслужебными наблюдениями.

Местонахождение жилых помещений членов Миссии и их служебных кабинетов в различных районах Праги в определенной степени осложнило скрытое наблюдение за ними. Расстояние в 3 км между отелем «Империал» и улицей Некланова, 34 потребовало увеличения команды детективов в два раза, о чем 30 июля пражская полиция просила в письме, адресованном господину Шлехте, советнику МВД. Благодаря этому все передвижения хитрых большевиков, с момента их выхода из гостиницы и до их возвращения, довольно хорошо известны. Но, увы, все эти доклады читать довольно скучно, они лишены описания непристойных, неблагоразумных поступков и вместо этого изобилуют подробностями о средствах передвижения, названиями посещенных мест и именами личностей, пытавшихся вступить в контакт с делегацией. Мы также знаем адресатов писем, отправленных Миссией из местного почтового отделения. Более того, все телеграммы специальным образом изучали, чтобы определить, можно ли их послать. Несколько сообщений, высланных Якобсоном Михаилу Левидову, главе Телеграфного агентства России, и описывавших политическую ситуацию в Центральной Европе, побудили полицию 21 июля уведомить дворец *Černín* о том, что «русская миссия, кажется, не занимается исключительно вопросами дружеской социальной помощи, но также преследует и иные цели».

Игра в кошки-мышки между полицией и Якобсоном приняла неожиданный поворот 24 января 1922 года в 11.30 утра, когда Якобсон умышленно запер Франтишека Бема, агента под прикрытием, в номере 64 отеля «Империал», предназначенного для размещения дипломатических курьеров. Полицейский протокол, составленный сразу после инцидента и должным образом подписанный Якобсоном, объясняет случившееся. Причиной столкновения стал член Московского лингвистического кружка Петр Богатырев, которого Якобсон оставил в номере на ночь (вероятно, в компании стенографистки Тамары Юльевны Ланге, на которой Богатырев женился в 1923 году) без регистрации в отеле. Узнав об этом, бдительный Бем, который в это время был на дежурстве, решил установить личность незнакомца и вошел в номер, спрашивая у Богатырева (который прибыл в Прагу 10 января, чтобы присоединиться к коммерческой делегации) его удостоверение личности. Якобсон был против этого действия, апеллируя к принципу экстерриториальности, а так как полицейский открыто проигнорировал его возражения, он выбежал и запер номер. Он поступил так, объяснял Якобсон в протоколе, потому что действия Бема противоречили юридическому статусу помещений, поэтому он вышел, чтобы позвонить в Министер-

ство иностранных дел и попросить прислать кого-нибудь сделать соответствующую запись об этом нарушении дипломатического протокола. Полиция не поверила его словам, и только вмешательство полицейского врача, объявившего, что Якобсон болен (у него была температура 38°C), спасло его от немедленного ареста. Два дня спустя президиум Министерства внутренних дел передал досье, содержащее изобличающие улики, Министерству юстиции с требованием, чтобы подозреваемому были предъявлены обвинения в уголовном преступлении — нарушении личной свободы Бема.

Но этого так и не случилось! Днем 1 февраля на письменном столе доктора Новака из отдела юстиции зазвонил телефон: на другом конце провода были доктор Бенеш, министр иностранных дел, и премьер-министр Чехословакии. Согласно заметке, которую Новак оставил об этом разговоре, Бенеш, несмотря на возражения Новака, что ни Якобсон, ни Богатырев не обладали дипломатической неприкосновенностью, утверждал, что Якобсон был прав в том, что помещения Миссии действительно были экстерриториальны. К этому премьер-министр добавил, что он также озабочен безопасностью чехословацких представителей в Москве, к которым советская милиция может применить такие же меры. В конце он настоял на том, чтобы обвинения были сняты, иначе «грубая ошибка, которую мы допустили, станет известна всему миру»³. Само собой разумеется, что пожелание премьер-министра было исполнено, и Якобсон остался безнаказанным.

Но не только МВД было озабочено деятельностью Якобсона в Праге. Тревожные сообщения, отражающие изменения обстоятельств жизни Якобсона, также приходили из Полпредства Чехословакии в Москве: первое — в середине 1922 года. Осенью 1920 года он покинул советскую делегацию, чтобы подать документы в Карлов университет и стать вольным слушателем⁴. При этом неясно, в какой мере он прекратил работать на Народный комиссариат по иностранным делам (Наркоминдел). Действительно, Якобсон переехал из отеля «Империял» в снятую им комнату 25 октября. Но в полицейском докладе от 26 января 1921 года сообщается, что он постоянно бывал в советском Полпредстве, почти каждый день общаясь с его членами до самого вечера, а также посещал квартиру Солодовниковой (предположительно русской шпионки). Перемены в карьере, однако, оказались непродолжительными. Факультет философии принял его заявление, но русские профессора-эмигранты препятствовали его зачислению, и ему разрешили приходить только на курсы преподавателей, давших свое согласие на

---

³ Прикличение, однако, не прошло незамеченным. О нем было сообщено в газете левого толка «Трибуна» 1 февраля под заголовком «Экстерриториальность и пражская полиция». Ошибка со злорадством приписывалась тому обстоятельству, что полицейский, вероятно, не понимал, что значит слово «экстерриториальность».

⁴ В письме, датированном 20 октября 1920 года, Гиллерсон сообщает министру иностранных дел, что Роман Якобсон «ушел со службы по собственному желанию и больше не является нашим сотрудником».

его посещение. Разочарованный результатом, Якобсон бросил академические занятия в конце 1921 года и стал пресс-атташе сформированной на тот момент Советской коммерческой делегации, возглавляемой Павлом Мостовенко⁵.

В Москве, кажется, так и не узнали всю эту историю. Глава Полпредства Чехословакии в Москве Йозеф Гирса предупреждал Прагу в «секретном» сообщении 1 июля 1922 года, что «согласно полученной нами информации... русский студент факультета философии, Якобсон, — доносчик русской советской делегации в Праге». Увы, предупреждение Гирсы не было своевременным, что становится ясным из написанного от руки указания на полях документа: «Сообщите полпредству», — приказывает адресат сообщения, — «что Якобсон — член делегации Мостовенко». Кажется, что приказ так и не был выполнен, так как 18 января 1923 года Гирса направил в Прагу вторую «совершенно секретную» записку, уточняющую положение Якобсона, потому что «[в Москве] ходят упорные слухи о том, что он шпион и провокатор». Из черновика ответа на это сообщение становится ясным, что МИД уведомило представительство в Москве о текущей ситуации с Якобсоном и в свою очередь попросило Гирсу уточнить, что является почвой для этих «упорных слухов».

Ответ был срочно отправлен. Пятнадцатого февраля Гирса объяснил МИДу, что его источником являются родители обучающихся в Праге русских студентов, которые просят его через дипломатические каналы уведомить своих детей о грязной игре Якобсона. Гирса открыто отказался поступить так из-за страха быть скомпрометированным, но так как просивших было много и это были надежные люди, он пришел к выводу, что «без всякого сомнения Якобсон — агент ГПУ, выполняющий секретное задание среди русских эмигрантов в Чехословакии». Пользующийся доверием сотрудник третьего отдела МИДа (разведка и пропаганда) Ярослав Папоушек, близкий знакомый Якобсона, написал опровержение на двух страницах, категорически отрицая все обвинения Гирсы. Письмо изобилует фактами, но в нем не упоминаются рабочие отношения с Якобсоном. Все же оно отражает некоторую двойственность его положения. «Поведение Якобсона, по моему общему впечатлению», высказывает свое мнение Папоушек 5 марта, «заключается в том, что он тщательным образом избегает не только политики, но также всего того, что может скомпрометировать его, и что он постепенно готовится поселиться либо в Чехии, либо в Германии и полностью посвятить себя научной и литературной деятельности, в то же время сохранив связи с Россией».

---

⁵ Не совсем ясно, когда Якобсон точно возобновил свое сотрудничество с Полпредством. Из служебной записки Министерства иностранных дел Министерству внутренних дел от 14 февраля 1922 года следует, что Якобсон, во время инцидента в отеле «Империал», не был сотрудником организации («nejsa v úředním poměru... k delegaci») Его имя появляется в приложении к списку новых членов представительства, который министерство иностранных дел передало министерству внутренних дел 22 апреля 1922.

Отель «Империял» в 1914 году
(предположительно Российская миссия Красного креста)

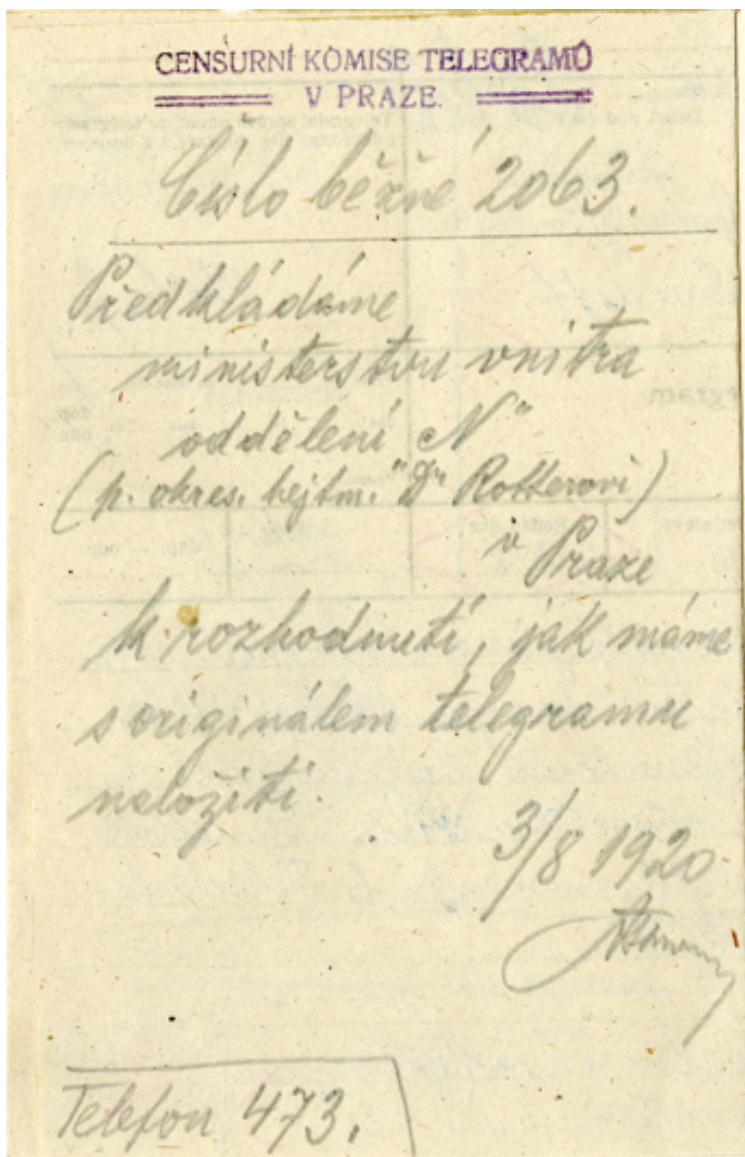
Држ: <i>Min. vnitra.</i> <i>Reval</i> Hotel Petersburg Lewidoff.		Diket pod čk. <i>2063</i> Telegramni spriava nemusi sa telegramy odpraviti j k doroceni.		
Stuzebni udani:	Telegram	Pripis: <i>April 1914</i> na lince čis. _____ dne. 19. 4. hod. _____ dop. _____ odp. _____ Podpis: _____		
Podání ústředí: <i>Leads</i>	Číslo: <i>5752</i>	Počet slov: <i>39</i>	Podání dne: <i>3/18</i>	hod. _____ dop. _____ odp. _____ min. _____
<p><i>Budapest: Embarkierung Reserveoffizieren begonnen unter der Aufsicht des k. u. k. Militärkommandanten. Die politische Lage ist sehr ernst. Gegen die Sozialdemokratie und die sozialistische Bewegung in Wien sind die russischen Truppen bereit, die russischen Truppen nach Wien zu schicken.</i></p> <p><i>Prague Hotel Imperial Th. Nette</i> <i>(Mijn, mijn, mijn, mijn, mijn, mijn)</i></p>				

*Jacobson. (Lewidoff) 4/19
 1914 x 6 1/2 min
 M. J. Nette*

A

Телеграмма Р. Якобсона Левидову по прибытию в Прагу: «Будапешт: начались призывы офицеров запаса. Полуофициальные новости Министерства иностранных дел. Венгерская "Кюльполитика" заявляет, что борьба с Советской Россией безнадежна. Освободить Вену от красного террора — кратчайший путь. Тогда крах Чехословакии неизбежен. Якоб. Отправитель: Прага, отель "Империял", Т. Нетте» (пер. с немецкого) (Национальный архив, Прага, из личного архива автора).

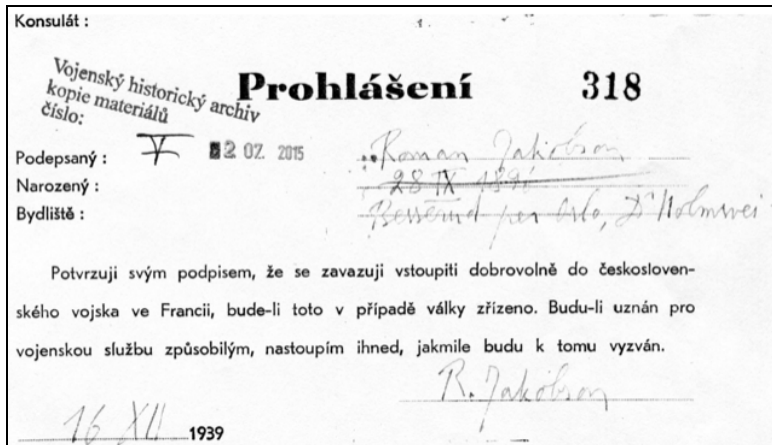

Донесение цензора:

«Комиссия по цензуре телеграмм в Праге. Общий номер 2063.
Отправлено в Министерство внутренних дел. Отдел "N"
(д-р Роттер, начальник округа в Праге). Решить, что делать с оригиналом
телеграммы. 3 августа 1920 г. [ПОДПИСЬ] Телефон 473» (пер. с чешского)
(Национальный архив, Прага, из личного архива автора)

Итальянская виза во временном чехословацком паспорте Р. Якобсона (получена для участия в 3-м Международном конгрессе лингвистов в Риме) (Архив сил безопасности, Прага, из личного архива автора)

Заявление, подписанное Р. Якобсоном в чехословацком консульстве в Осло 16 декабря 1939 года: «Этой подписью я подтверждаю свое обещание добровольно присоединиться к чехословацкой армии во Франции, если таковая будет создана в случае войны. Если буду признан годным к военной службе, я явлюсь служить, когда бы меня ни призвали» (пер. с чешского). Якобсон по ошибке написал свою дату рождения по старому календарю и потом ее перечеркнул (Военно-исторический архив, Прага, из личного архива автора)

Последний советский паспорт Р. Яковсона, выданный в Праге 19 декабря 1934 года (Национальный архив, Прага, из личного архива автора)

Первая известная утечка секретной информации в Чехию со стороны Яковсона случилась в 1924 году. В тот год Российская академия наук начала готовиться к празднованию своего двухсотлетнего юбилея, и высшие эшелоны советской власти выбирали почетных гостей из-за границы. Новый глава советского полпредства в Праге Владимир Антонов-Овсеенко по совету Яковсона 9 июня предложил Москве кандидатуру Томаша Г. Масарика — известного философа, но также на тот

момент и президента Чехословакии. Однако, пока Москва обдумывала эту идею, Якобсон, очевидно, рассказал об этом решении другому сотруднику третьего отдела МИДа Йозефу Шрому, который сообщил эту информацию самому Масарику. Остается догадываться, поступил ли Якобсон так, чтобы заслужить покровительство президента, но советские власти, узнав об утечке информации и оказавшись в неудобной ситуации, начали официальное расследование, чтобы выяснить, кто проговорился. Прежде чем результаты стали известны, нарком иностранных дел СССР Георгий Чичерин в отчете Секретариату ЦК РКП(б) указал на Якобсона, охарактеризовав его как «человека ненадежного, но абсолютно незаменимого для исполняемых им функций». В отчете Овсенко относительно сложившегося положения дел, посланном три дня спустя (9 июля), поясняется: «Якобсон нам чрезвычайно полезен, и реальная польза от него перевешивает возможный вред. До сих пор нет данных, уличающих его в двойственной игре. Хорошая половина нашей информации исходит от него и от его источников»¹.

Овсенко оправданно защитил Якобсона, потому что его «длинный язык» не следовало рассматривать только как помеху, но также можно было бы использовать и как удобный инструмент дезинформации. Позвольте мне объяснить. Одним из камней преткновения в чехословацко-советских отношениях было непризнание Прагой СССР. Кремль усилил давление в конце 1926 года, когда Наркоминдел угрожал закрыть чехословацкую миссию в Харькове, если она не будет повышена в статусе до консульства, а советскую миссию в Братиславе не наделят таким же статусом (см., напр.: [5, p. 21]). Секретный доклад Якобсона Папоушеку от 25 октября, несомненно, был частью этой кампании. Его целью было раскрыть ответный план Кремля на случай, если Чехословакия не признает советское правительство в течение нескольких недель: «В Москве набрали силу те, кто требуют решительных действий», — доверительно сообщает Якобсон с позиции осведомленного сотрудника и кратко перечисляет нарушенные обещания различных чехословацких партий изменить положение дел. «На основании всего этого, — заключает он, — по всей вероятности, было решено, что если в скором времени не последует признания, то [советское] политическое представительство будет отозвано в Москву, все коммерческие заказы аннулированы и отношения прекращены до тех пор, пока СССР не будет признан».

Однако в миссии Чехословакии в Москве, куда направили копию сообщения, сенсационная новость Якобсона не произвела никакого впечатления. Анонимный корреспондент, подвергнув ее резкой критике, отметил, что это предупреждение нельзя принимать всерьез, так как есть веские причины того, почему СССР не может позволить себе относиться с пренебрежением к Праге (в письме перечисляются три из них). Более того, он подверг сомнению намерения Якобсона: «Ранее я

¹ Для дальнейшей информации см: [2, с. 117–137]. Вероятно, что «чешский журналист Шромм», посредник между Якобсоном и Масариком, согласно Сорокиной, был Йозефом Шромом, который с 1921 по 1929 год работал в миссии Чехословакии в Москве как офицер разведки и пропаганды, а с 1930 года стал главой пресс-бюро в посольстве в Вене. Мы позднее вернемся к этой персоне.

уже уведомлял МИД об отношении Якобсона к нам и к советской власти. Прилагаемый документ убеждает меня еще раз, что они используют [его], чтобы неофициально сообщить министерству то, что они хотят, чтобы наше правительство знало. Не может быть ни малейшего сомнения в том, что "сообщение господина Якобсона" является не актом доброй воли с его стороны, а простым исполнением приказа свыше... Мне ясно, что через Якобсона советская власть оказывает давление на министерство и не исключено, что это их способ *ввести в заблуждение*².

Но если и подобного рода советская сфабрикованная информация служила его собственным целям, политическое руководство Чехословакии не стеснялось ее использовать. Я имею в виду любопытную историю «политического» генерала Радолы Гайды, набирающую обороты с 1926 по 1928 год, в которой двойность Якобсона сыграла свою роль. Президент Масарик с большим подозрением относился к этому участвовавшему в России во время Гражданской войны герою Чехословацкого корпуса из-за его профашистских взглядов. Масарик опасался, что Гайда может воспользоваться своим положением начальника Главного штаба и, повторив организованный Юзефом Пилсудским и успешно состоявшийся в соседней Польше в мае 1926 года правительственный переворот, прийти к власти. У СССР тоже имелся зуб на Гайду, и Союз был рад вступить в сговор с Чехией. Гайда был не только одним из инициаторов так называемого Челябинского инцидента (когда корпус отказался сдать оружие большевикам, что позволило чехословацким эшелонам пройти через Сибирь в порт Владивостока), но также и генералом в армии адмирала Колчака — одного из главных руководителей Белого движения, выступающих против красных в Гражданской войне. Сговор состоялся, и Гайду обвинили, помимо прочего, в том, что он, будучи советским шпионом, во время обучения в военной академии Франции в начале 1920-х годов передавал Советскому Союзу военные уставы, чему Овсенко поклялся предоставить убедительные доказательства.

В этом деле советская миссия, как следует из сохранившихся документов, использовала Якобсона двумя способами. С одной стороны, она оказывала давление на чехов, поскольку те не были полностью уверены в том, что обвинения против Гайды убедят суд. Он якобы «уведомил начальника третьего отдела МИДа, Яна Гаека, а затем повторил то же самое на приеме у министра Бенеша... 4 июля, что Гайда знает о том, что против него выдвинуты обвинения, и вошел в контакт с теми, кто будет давать против него показания, чтобы склонить их на свою сторону. Он также предупредил, что французы уже осведомлены об этом деле и существует опасность того, что они так или иначе опубликуют [материалы, которые у них есть]». Поэтому, рассуждал он, «желательно ускорить решение и расследование». С другой стороны, Якобсон пытался объяснить местным скептикам, почему доказательства вины Гайды, изначально обещанные советской миссией, могут вообще не быть предоставлены. Примерно 28 июля он, вероятно, объяснял Арне Лаурин, главному редактору «Prager Tagblatt», полуофициальной газеты, выходившей в Праге на немецком языке, одним из читателей которой

---

² Интересно заметить, что в оригинале письма автор пишет эту идиому на русском языке.

был Масарик, что существуют «довольно напряженные отношения между Министерством обороны и Министерством иностранных дел СССР... и высказал мнение, что Овсеенко может быть трудно получить разрешение от советского правительства опубликовать документы... потому что Минобороны едва ли передаст эти документы МИДу, если в результате этого станут известны имена советских шпионов» (цит. по: [4, р. 91–92, 114]). Обещанные доказательства так и не были предоставлены, так что в 1928 году отчаявшийся Масарик послал упомянутому выше Йозефу Шрому срочную депешу с просьбой к Чичерину о «разрешении переписать материалы, касающиеся Г., от руки. Чичерин слушал с интересом», сообщил в ответ Шром, «и пообещал ответить позже» (цит. по: [4, р. 188]). Но так и не ответил.

Дипломатическая карьера Jakobsona подошла к концу в 1928 году. Несмотря на смелые попытки Овсеенко оставить его на должности, во время повсеместных кадровых перестановок в пресс-службах во всех важных для СССР миссиях за границей он был уволен, поскольку не состоял в коммунистической партии (см. об этом: [1, с. 120–125]). Однако это увольнение не причинило вреда Jakobsonу – решив остаться в Чехословакии, он не отказался от гражданства СССР, а полпредство регулярно выдавало ему советские паспорта (последний – в 1934 году). Согласно полицейскому отчету от 1 февраля 1933 года (я вернусь к этому документу позднее), «Jakobson, даже после того как были прерваны официальные отношения, часто посещал советское полпредство... и коммерческую делегацию». В дополнение к этому, несмотря на «отказ Jakobsona повиноваться приказу и вернуться в Москву... он не стал выступать против советского правительства и не подвергался никаким репрессиям со стороны СССР». В это же время МИД Чехословакии выдало ему повторную въездную визу, чтобы он смог поехать в Германию. Позже он регулярно получал временные паспорта Чехословакии для путешествий за границу, в которых его национальность была указана как «неопределенная». Также ему позволили остаться в Праге до 10 декабря 1932 года.

Несмотря на значительные перемены в статусе Jakobsona, он все равно находился под прицелом аппарата государственной безопасности. Но хотя аппарат оценивал его негативно, считая неблагонадежным человеком, это компенсировалось вмешательством МИДа. Так, например, в феврале 1929 года МВД проинформировало соответствующие правительственные органы, что в советской газете «Пролетарская правда» появилась статья, критикующая политическую ситуацию в Закарпатье, подписанная инициалами А.Г., за которыми, весьма вероятно, скрывался Jakobson³. Однако управление полиции Праги, откуда поступила эта информация, заставили отказаться от таких выводов 3 июля после активных возражений МИДа о том, что это не соответствовало действительности. В отчете Министерства от 10 июня настаивали на том факте, что тогда Jakobson все свое время посвящал подготовке к докторскому экзамену и редактировал академический журнал «Slavi-

³ Скорее всего, скрывшимся под инициалами А. Г. автором инкриминируемой статьи был Владимир Александрович Антонов-Овсеенко, который отбыл из Праги в Литву в 1928 году и публиковался под псевдонимом А. Гальский (см. [3]).

sche Rundschau», издаваемый Францом Спиной, который, следует упомянуть, на тот момент был не только научным руководителем Якобсона, но и министром здравоохранения и физического воспитания.

Эта постоянная борьба из-за Якобсона между МВД и МИДом усилилась в 1930-х годах, после того как Якобсон, получив степень доктора наук в Немецком университете Карла-Фердинанда, был приглашен работать на недавно созданный факультет славистики в Масариков университет в Брно. Профессор Богуслав Хавранек, член Пражского лингвистического кружка и ярый сторонник Якобсона, возглавлял комитет по приему на работу. Неудивительно, что реакция двух министерств, проверяющих принимаемые кадры, была совершенно противоположной. Позиция МВД, высказанная Министерству образования в служебной записке 18 октября, была сдержанной, если не сказать откровенно враждебной: «В виде исключения мы не возражаем против назначения Романа Осиповича Якобсона профессором русской филологии на контрактной основе», при условии, что для этой работы не найдется подходящего кандидата, имеющего гражданство Чехословакии.

МИД, как и ожидалось, было больше готово сотрудничать. Следует также отметить, что ранее корреспонденция министерства касательно Якобсона была благосклонной, но отстраненной, однако с этого момента стала полна энтузиазма, представляя его союзником министерства и ценным сотрудником. Отвечая на запрос Хавранека 6 марта насчет позиции МИДа по поводу назначения Якобсона, уже упомянутый выше Ян Хайек отрицал, что его министерство каким-либо образом препятствовало Якобсону, когда тот подавал заявление на обучение в Карлов университет в 1920 году. Напротив, заявил он, мы «готовы, в случае необходимости, поддержать кандидатуру [Якобсона], если Масариков университет ее предложит». И его коллега, Папоушек, которому было адресовано письмо Хавранека, пометил на полях копии ответа Хаека следующее: «Pro domo: Министр Бенеш был проинформирован по этому вопросу. Он согласился, что ответ должен быть положительным и благосклонным».

«Положительный и благосклонный ответ», адресованный Министерству образования, составил 16 октября второй по важности человек в МИДе — историк Камил Крофта, подписавший письмо «от имени министра». «Министерству иностранных дел, — не смягчал он слова, — не известно ни одного случая вероломства или некорректного поведения доктора Якобсона по отношению к нашему государству; напротив, нам известны многие случаи, когда доктор Якобсон очевидно хотел помочь нашему народу и действительно помогал». Таким образом, «Министерство иностранных дел не сомневается в том, что доктор Якобсон сможет оказывать услуги нашему государству также и в будущем; поэтому мы не только не возражаем против его назначения профессором на контрактной основе в Масариков университет в Брно, но и, руководствуясь интересами министерства, мы это рекомендуем».

Рекомендация Крофты была принята во внимание, и Якобсон был назначен в Брно. Однако, чтобы окончательно получить эту должность, ему пришлось пройти через предусмотренную процедуру хабили-

ции, что состоялось в 1932–1933 году и стало причиной еще одной конфронтации между двумя министерствами. В докладной записке, занимающей четыре листа и подготовленной директором Пражской полиции для президиума МВД 1 февраля (из которой я уже ранее приводил цитаты), перечислялись все случаи, свидетельствующие о криминальном, подрывном и предательском поведении Яковсона, и в довершение всего был нанесен решающий удар: «Приняв во внимание все перечисленные обстоятельства, наше учреждение считает Яковсона политически неблагонадежным (подчеркнуто в документе. — П. С.) и не без основания подозревает, что он проживает в Чехословакии по приказу Третьего интернационала, который поручил ему политическое задание. Вероятно, что он, по их инициативе, пытается получить влиятельную должность именно в славистике, так как, будучи профессором университета, в этой области он прежде всего может насаждать коммунистические принципы и продвигать интересы СССР». Может служить небольшим утешением то, что даже в этом документе есть комичные места: пятая страница, прикрепленная к нему, содержит дополнительные обвинения некоего доктора Фишера, должностного лица в Министерстве внутренних дел, который «в связи с назначением доктора Романа Яковсона профессором в университете Масарика в Брно заявил, 1) что его брат преподает в Берлине и [Яковсон] туда часто ездит; 2) что он живет не по средствам, посещает бары и недавно в одном баре в Праге он устроил сцену, ударив кого-то по лицу».

Однако МИД не позволило МВД оставить за собой последнее слово в этой конфронтации. Двадцать первого февраля Йозеф Шром, чешский дипломат, о котором я упоминал ранее, послал Хавранеку из Вены собственные свидетельские показания, отрицающие связи Яковсона с коммунистами. Шром подчеркнул в своем письме, что он не только знает Яковсона на протяжении 10 лет, но также знаком с его женой и родственниками в Москве. Он категорично писал, что в связи с этим «я мог бы, уважаемый господин профессор, подтвердить торжественно и перед любой комиссией, что Яковсоны никогда не являлись членами коммунистической партии, никогда не оказывали ей особых услуг и никогда не прекращали испытывать к Чехословакии чувство благодарности за гостеприимство, оказанное им. Доктор Яковсон, благодаря своим знаниям и доброжелательному отношению к Чехословацкой Республике, будет гордостью любого из наших университетов».

В связи с ростом влияния Гитлера в соседней Германии в середине 1930-х годов политическая ситуация в Центральной Европе изменилась кардинальным образом. Угроза распространения нацизма в значительной степени вытеснила страх перед подрывной деятельностью коммунистов, и в 1935 году Чехословакия полностью признала советское правительство. В сложившихся обстоятельствах научная деятельность Яковсона была одобрена третьим отделом МИДа как ценный интеллектуальный вклад в «культурную борьбу» с немецкой пропагандой. МИД оплачивало его расходы на посещение научных мероприятий за границей и финансировало его поездки по стране. Также министерство советовалось с ним в делах, касающихся России, таких как, например,

составление программы для делегации советских журналистов, посещавших Чехословакию в октябре 1935 года. Однако старые подозрения не исчезли полностью даже после того, как в 1937 году Якобсон получил гражданство Чехословакии, что позволило ему занимать должность профессора в университете в Брно на постоянной основе. Двенадцатого июня он даже почувствовал необходимость написать доктору Яну Йину (Jína), высокопоставленному лицу в МИДе, и попросил того предупредить ставшего уже министром иностранных дел Крофту, что его работа все еще под угрозой, так что в случае необходимости пусть Крофта вмешается от своего имени. В качестве своего источника информации Якобсон назвал выдающегося чешского журналиста Губерта Рипку.

Немецкая оккупация Чехословакии 15 марта 1939 года побудила Якобсона отправиться в его вторую, скандинавскую, ссылку. Если раньше его преданность Чехословацкой Республике была под сомнением, теперь, после того как это государство перестало существовать, он безоговорочно признался в ней. В письме из Чарлоттенлунда (Дания) от 27 апреля 1939 года Якобсон уведомил Рипку, который на тот момент находился в Париже, занимаясь созданием Национального комитета Чехословакии, что он предоставляет себя «в полное распоряжение» (подчеркнуто Якобсоном. — П. С.) этого органа. Шестнадцатого декабря, после переезда в Норвегию, он подписал в консульстве Чехословакии в Осло следующую декларацию: «Этой подписью я подтверждаю свое обещание добровольно присоединиться к чехословацкой армии во Франции, если таковая будет создана в случае войны. Если буду признан годным к военной службе, я явлюсь служить, когда бы меня ни призвали».

Список литературы

1. Генис В. «Якобсон, конечно, возмутится...» // Вопросы истории. 2008. №12.
2. Сорокина М. «Ненадежный, но абсолютно незаменимый»: 200-летний юбилей Академии наук и «дело Масарика — Якобсона» // In Memoriam: Исторический сборник памяти А.И. Добкина / под ред. Владимира Аллоя и Татьяны Притыкиной. СПб. ; Париж, 2000.
3. Шубин А. В. Антонов-Овсеенко В. А. URL: <http://1937god.info/node/1689> (дата обращения: 15.09.2015).
4. Klimek A., Hofman P. Vítěz, který prohrál: Radola Gajda. Paseka, 1995.
5. Lukeš I. Czechoslovakia between Stalin and Hitler: The Diplomacy of Edvard Beneš in the 1930s. Oxford, 1996.

Об авторе

Стайнер Питер, доктор филологии, заслуженный профессор (emeritus professor) Университета Пенсильвании, США.
E-mail: psteiner@sas.upenn.edu

Для цитирования:

Стайнер П. «Which Side Are You on, Boy?»: Роман Якобсон в Праге межвоенного периода // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №1. С. 13–28. doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-2.

«WHICH SIDE ARE YOU ON, BOY?» ROMAN JAKOBSON
IN THE INTERWAR PRAGUE

P. Steiner¹

¹ University of Pennsylvania
Philadelphia, PA 19104, USA
Submitted on June 22, 2017
doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-2

The author describes the private life of Roman Jakobson between 1920 and 1939 when he lived in the former Czechoslovakia, first as a Soviet diplomat and later as a scholar caught in a thick web of political intrigues. Using archival documents, the author illustrates Roman Jakobson's complex and often contradictory relations with the trio of political institutions within whose orbits he was moving: 1) the Ministry of Interior; 2) the Ministry of Foreign Affairs; 3) and the Soviet Red Cross Mission/Political Representation in Prague. The reader is invited to assess Jakobson's loyalties: whether to concur with Georgii Chicherin's opinion that Jakobson is perhaps "an unreliable but absolutely indispensable" because, as the chief of the Soviet delegation, Antonov-Ovseenko, put it, "a good half of our information comes from him," or to give credence to the Prague Police Directorate's portrayal of Jakobson as the resident of "the Third International... charged... with a political mission," or to accept as fact a testimonial letter by the Czechoslovak Ministry of Foreign Affairs according to which Jakobson not only "wished to help our nation and did help" but "will be able to render very good services to our state also in the future."

Key words: Roman Jakobson, Prague Linguistic Circle biography, interbellum.

References

1. Genis, V., 2008. "Of course, Jakobson will be outraged...". *Voprosy istorii* [Issues of History], 12.
2. Sorokina, M., 2000. "Unreliable, but absolutely indispensable": the 200th anniversary of the Academy of Sciences and the "Masaryk-Jakobson case". In: V. Alloi and T. Pritykina, eds. *In Memoriam: Istoricheskii sbornik pamyati A.I. Dobkina* [In Memoriam: Historical collection by memory of A.I. Dobkin]. St. Petersburg, Paris.
3. Shubin, A. V. *Antonov-Ovseenko V.A.* Available at: <http://1937god.info/node/1689> [Accessed 18 August 2015].
4. Klimek, A., Hofman, P., 1995. *Vítěz, který prohrál: Radola Gajda*. Paseka.
5. Lukeš, I., 1996. *Czechoslovakia between Stalin and Hitler: The Diplomacy of Edvard Beneš in the 1930s*. Oxford.

The author

Dr Peter Steiner, Professor Emeritus, University of Pennsylvania, USA.
E-mail: psteiner@sas.upenn.edu

To cite this article:

Steiner P. 2018, 'Which Side Are You on, Boy?' Roman Jakobson in the Interwar Prague, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 1, p. 13 – 28. doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-2.

СОЮЗНЫЕ ФУНКЦИИ ЧАСТИЦЫ ТОЛЬКО: ЧАСТИЦА-СОЮЗ VS. ЧАСТИЦА — СОЮЗНЫЙ АНАЛОГ

К. С. Акопян¹

¹ Российско-Армянский (Славянский) университет
0051, Армения, Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123
Поступила в редакцию 09.11.2017 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-3

Рассматриваются союзные функции логико-модальной частицы *только*. Изучение функционирования логико-модальных частиц привело к установлению базовых синтаксических позиций, определяющих функционально-грамматический статус изучаемых лексических единиц: частица — частица-союз — союзный аналог. Степень «союзности», выражаемой частицами, может быть большей или меньшей, следовательно, отношение «частица — союз» может быть представлено как шкалообразное, градуированное. Исследуемая лексема при актуализации в высказывании, в зависимости от синтаксической позиции и от сферы действия, реализует свою первичную функцию логико-модальной частицы либо вторичную союзную функцию, становясь частицей-союзом или союзным аналогом. Был описан способ дифференциации частицы-союза и союзного аналога. Анализ союзных функций лексемы *только* (без обращения к темпоральным значениям) выявляет интересную закономерность: функциональная семантика скрепы у данного слова образуется благодаря синтезу двух (или более) из четырех потенциальных значений — ограничительности, противительности, уступительности и результативности. Были выделены частица-союз *только*₁ с противительно-ограничительным значением и союзные аналоги *только*₂ с противительно-уступительным, *только*₃ с уступительно-результативным и *только*₄ со значением тотального результата, которые, в свою очередь, характеризуются семантическими и конструктивными подтипами.

Ключевые слова: логико-модальные частицы, союзные функции частиц, частица *только*, частица-союз, союзный аналог, ограничительность, противительность, уступительность, результативность.

Изучение функционирования логико-модальных частиц (*только*, *даже*, *хоть*, *просто* и др.) привело нас к необходимости установления трех базовых синтаксических позиций, определяющих функционально-грамматический статус изучаемых лексических единиц: частица — частица-союз — союзный аналог. При актуализации в высказывании названные лексемы — в зависимости от синтаксической позиции и от сферы действия, то есть от типа коррелируемого с ними компонента семантико-синтаксического ядра высказывания: актантов, предиката или самой пропозиции, — реализуют свою первичную функцию логико-модальной частицы либо вторичную союзную функцию, становясь частицами-союзами или союзными аналогами.

Речь идет о специфическом разряде частиц, которые в русской грамматической традиции получили название *модальных* [12; 13; 28]. Со временем частицы типа *даже, только, хоть, еще, уже* и некоторые другие стали называться в лингвистической литературе *логическими* [6; 8; 10; 18; 34–36 и др.], что объясняется довольно просто: часто рассматриваются лишь семантико-синтаксические свойства этих частиц и никак не освещается их богатый прагматический мир (ср.: «...модально-экспрессивные компоненты значения мы оставляем в стороне» [6, с. 14]). В нашем исследовании они названы *логики-модальными*, поскольку и первое, и второе названия обедняли представление о данных частицах, характеризуя их односторонне, указывая либо на сугубо модальные аспекты их функционирования, либо только на вносимые ими смыслы, в то время как одна и та же частица оказывается способной передать несколько коммуникативных линий одновременно: «Они выражают отношение говорящего к слушающему, его установки, отношение к обсуждаемой ситуации, его внутренние предпосылки, его намерения, его эмоции... частицы обладают способностью выражать минимальной ценой весь комплекс прагматических значений»².

Современная лингвистика соотносит их с так называемыми *дискурсивными словами*; под ними «имеются в виду единицы, которые, с одной стороны, обеспечивают связность текста и, с другой стороны, самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего: то, как говорящий интерпретирует факты, о которых он сообщает слушающему, как он оценивает их с точки зрения степени важности, правдоподобности, вероятности, и т.п. Именно эти единицы управляют процессом общения: они выражают истинностные и этические оценки, пресуппозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом и проч.», — считают авторы «Путеводителя по дискурсивным словам русского языка» А.Н. Баранов, В.А. Плунгян и Е.В. Рахилина [5, с. 7] и продолжают: «Такому классу слов в традиционной терминологии нет названия (с некоторой осторожностью можно указать на определенную близость дискурсивной лексики к классу (модальных) частиц)» [там же]. В то же время К.Л. Киселева и Д. Пайар включают данные частицы непосредственно в состав дискурсивной лексики; более того, считают их, наряду с модальными словами, ее ядром [14, с. 7, 8].

Два предварительных замечания.

1. Анализу лексемы *только* посвящено значительное количество исследований, она неоднократно становилась предметом изучения лингвистов: см., например, работы [6–10; 30–32] и, конечно, [33], коллективную монографию [14], диссертацию [29], многочисленные статьи, в том числе наши: [1–3]; следует упомянуть и об одной из самых последних работ [20], в которой лексема *только* (наряду с *только-только* и

² Wierzbicka A. Particles and linguistic relativity // Intern. Rev. of Slavic Linguistics. 1976. Vol. 1, №2/3. P. 327; цит. по: [25, с. 7].

только что) рассматривается в наречном временном значении недавнего прошлого, а также исследуется взаимодействие указанных лексем с результирующей семантикой. В связи с этим отметим, что из сферы нашего рассмотрения «сознательно выведены употребления, связь в которых с временными и аспектуальными значениями» [20, с. 56] очевидна, поскольку они были подробно проанализированы в указанной работе. Кроме того, в нашей статье не рассмотрены темпоральные значения союза непосредственного следования как *только* и его синонимов (см.: [28, § 2983–2988]).

2. В современных исследованиях и *частицы-союзы*, и *союзные аналоги*, а также *союзные сочетания*, *союзные сцепления*, *частицы в роли союзов* и другие наряду с самими *союзами* включаются в общее понятие «скрепы» [17, с. 11–25; 27, с. 37–50; 29], или «коннекторы» [19, с. 113–122; 15, с. 78–115]. Однако в нашей статье мы используем перечисленные понятия, поскольку вводим между ними разграничение, основанное на скалярности отношения «частица – союз».

Итак, в качестве вводящего в работу примера рассмотрим различные типы отношений лексем *только*, *даже* и *хоть* со следующей пропозицией: активный субъект + предикат со значением действия-процесса:

I тип³:

1) *Только он занимается*⁴.

2) *Даже он занимается*.

3) *Хоть он занимается*.

II тип:

4) *Он только занима́ется*.

5) *Он даже занима́ется*.

6) *Он хоть занима́ется*⁵.

III тип:

7) *Только* / [*он занимается*]⁶.

8) ?*Даже* / [*он занимается*].

9) (*Хоть он (и) занимается, но...*)

³ В примерах не указаны случаи инверсии частиц, частотной в разговорной речи, например: I 1а) *Он только занимается* — или более кардинальная инверсия всей синтаксической структуры, когда рема оказывается в привычной позиции — в конце высказывания: I 1б) *Занимается только он*.

⁴ В примерах глагол *заниматься*¹ реализует следующие значения: 2) 'работать (об умственном занятии), учиться' и 3) 'иметь что-нибудь предметом своих занятий, деятельности'; правда, в последнем случае имеет место незаполнение объектной/пропозициональной валентности (значения приведены по [26, с. 213]).

⁵ Частица *хоть* в первой и второй базовых позициях пресуппонирует положительную оценку «хорошо, *хоть...*», которая обычно эксплицирована в высказывании; в русском языке — часто фразой «слава богу, *хоть...*».

⁶ Частица *только* отличается от частицы — союзного аналога *только* и с точки зрения их функционирования в разных интонационных конструкциях (ИК): частица *только* функционирует в ИК-2 с положением центра на гласной ядерного слова (1), в то время как союзный аналог *только* употребляется в ИК-1 обычно с положением центра на гласной предиката (при прямом порядке слов) (7). Учитывая, что основное различие этих интонационных конструкций заключается «в более высоком уровне тона на гласном центра ИК-2 и усилении словесного [акцентного, логического] ударения» [23, с. 9], мы считаем, что функциональная связь данных лексем с указанными интонационными конструкциями очевидна (см. также: [23, с. 109–111]). О различении акцентного выделения, или логического, контрастного ударения, — единицы тексто-коммуникативной и фразового ударения — единицы собственно интонационной см. в [24, с. 7–42].

Семантико-прагматические возможности различных частиц отличаются неодинаковой способностью актуализировать все три функции и коррелировать со всеми указанными компонентами. Среди представленных лексем наиболее «продуктивна» частица *только*; *даже*, как правило, не функционирует как союзный аналог. Что касается слова *хоть*, то в первых двух примерах перед нами логико-модальная частица, а в третьем — подчинительный союз со значением уступки⁷. Как можно заметить, в первых двух позициях частицы соотносятся либо с актантом, либо с предикатом — реализуется функция частицы (для *только* — это ограничительное знание, «которое, безусловно, следует считать основным» [20, с. 56]). В третьей же базовой позиции, когда частица коррелирует с пропозицией в целом, реализуется функция частицы-союза (*только* и *даже*) либо союзного аналога (*только*), причем в последнем случае частица с изменением своего грамматического статуса может изменить и значение (*только* — с недифференцированным противительным значением, аналогичным значению союзов *но*, *однако*). В этой базовой структуре лексема занимает инициальную позицию и нередко отделяется от высказывания паузой, то есть получает самостоятельный фразовый акцент.

Представление всех трех базовых структур в качестве самостоятельных высказываний несколько условно: их реализация в письменном либо устном дискурсе предполагает отнюдь не автономное употребление, а окруженное контекстом. При этом базовые структуры связываются с ним посредством частиц присоединительными отношениями. Тем самым частицы реализуют одновременно вторичную союзную функцию, становясь частицами-союзами либо даже переходя в многочисленный разряд союзных аналогов, выражающих разные виды несобственно-соединительных отношений. По существу, в дискурсе может происходить некий синтез основных смысловых и модальных функций частицы с добавочными союзными функциями, налагаемыми синтаксической структурой текста либо коммуникативной организацией речевого акта. В первой и второй базовых позициях связь, которую устанавливает *только* с окружающим дискурсом, преимущественно смысловая: в зависимости от сферы действия лексемы осуществляется семантическая связь предложений с доминантой либо на актанте, либо на предикате; частица функционирует в качестве пресуппозиционного маркера. В третьей же позиции частица связывает предложение и семантически, и синтаксически, то есть значение частицы осложняется типично союзным значением. И если раньше осуществлялась внутрипропозитивная связь, то теперь связь очевидно межпропозитивная.

Функционально в третьей базовой позиции мы различаем *только*₁ — частицу-союз и *только*₂ — союзный аналог. Дело в том, что степень «союзности», выражаемой частицами, — указание на связь данной пропозиции-ситуации с более широким событийно-дискурсивным контекстом — может быть большей или меньшей. Следовательно, отношение

⁷ В армянском языке на месте *хоть* функционируют различные лексемы: в первой и второй позициях — *գնիւն*, а в третьей — *թէկնուց*, *թէն*, *թէպէտեւ*.

«частица — союз» может быть представлено как шкалообразное, градуированное (ср. сходные наблюдения, без дальнейшего разграничения на частицу-союз и союзный аналог, в [25]). В нашем случае частица-союз *только*₁ менее «союза», чем союзный аналог *только*₂, что подтверждается и семантически, и функционально-синтаксически. Точнее, частица-союз *только* сохраняет в полной мере свои функции частицы, сочетая их с новыми союзными функциями, а союзный аналог *только* сохраняет лишь основную ограничительную функцию частицы, которая уходит вглубь союзной семантики, в частности противительности.

Частица-союз *только*₁, противопоставляя содержанию первой пропозиции содержание второй (это могут быть как части сложного предложения, так и самостоятельные предложения), характеризуется **противительно-ограничительным** значением. Было выделено два подтипа этого значения. В первом случае нарушается стремление предшествующей пропозиции Р к всеобщему, полному охвату действия, состояния и т. д. посредством актуализации не соответствующей ей (точнее, ограничивающей, частично отрицающей ее) второй пропозиции Q:

10) *А в дачной местности стояла тишина, только лаяли от скуки сторожевые псы в писательском поселке...* [Бахыт Кенжеев. Из Книги счастья (2007)].

11) *В первом дворе ничего не было, только пес с кошкой валялись на солнце* [Михаил Гиголашвили. Чертово колесо (2007)].

12) *Пухлые ее ручки мгновенно обвилась вокруг его шеи, голова прижалась к его груди, и все замолкло. Только слышались ее прерывистые всхлипывания* [И. С. Тургенев. Отцы и дети (1862)].

Второй подтип противительно-ограничительного значения предполагает сохранение статус-кво: актуализация Q вводит дополнительную пропозицию, не нарушающую непосредственно предшествующую (часто отрицательную) пропозицию Р, но противопоставленную ей по степени реализации предикативного признака. В этом случае мы можем говорить о противопоставлении гипотетического и реального положения дел: когда на фоне ожидаемой говорящим, но нереализованной пропозиции Р актуализируется меньшая по степени реализации предикативного признака пропозиция Q:

13) *На ее огромные миндалевидные глаза навернулись слезы, губы задрожали, но Наташа ничего не сказала, только молча взяла раскрытую книгу и принялась за решение задачи* [Александра Маринина. Иллюзия греха (1996)].

14) *Ничего не сказала, только молча на меня посмотрела...* [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)].

В принципе, противительно-ограничительное союзное значение *только*₁ есть не что иное, как вариант основного значения частицы *только*, актуализируемого в первой и второй базовых позициях, — с той разницей, что, во-первых, в дискурсе эксплицируется и теневое высказывание, с которым частица устанавливает не только семантические, но и синтаксические отношения; а во-вторых, в третьей базовой позиции мы наблюдаем, за редким исключением, отношение «частица — пропо-

зия». Хотя иногда (как в примерах (13) и (14)) речь может идти не о сентенциональном, а о внутрифразовом союзном употреблении частицы *только*, объединяющей однородные члены (отношение «частица — предикат»), что несколько не влияет на степень ее «союзности».

Значение **союзного аналога *только*₂** можно определить как **противительно-уступительное**. Тут также выделяется несколько подтипов. Первый, чрезвычайно распространенный подтип, правда, стоящий несколько особняком и объединяющий в себе семантические характеристики противительно-ограничительного и противительно-уступительного значений, можно обозначить как **уступительно-ограничительный**:

15) *Между тем до цели оставалось совсем ничего — может, каких-нибудь полсотни футов. Только эти футы были самыми трудными — как их преодолеть?* [Василь Быков. Камень (2002)].

16) *Вообще-то в этом отношении он был прав, люди понимали его и старались из последних сил. Только силы их катастрофически убывали, а ужасающе трудный путь становился еще более трудным* [Василь Быков. Камень (2002)].

17) *Малый умный, умный, очень даже неглупый, только какой-то склад мысли особенный...* [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)].

Отношения, которые выражаются лексемой *только*₂ в данном значении, описываются следующим образом: 'признавая действительность/истинность обычно (но не всегда) положительной пропозиции Р (зачастую она обозначает не ситуацию, а **оценку**), говорящий указывает на актуализацию противоположной (и в таком случае — нежелательной) пропозиции Q, ограничивающей содержание Р'; причем ограничение напрямую связано с основным значением *только*: 'Р, **единственное**, что не сходится с Р, — это Q'.

Лексема *только*₂ в уступительно-ограничительном значении часто сопровождается частицей *вот*, образуя вместе с ней сращение *вот только*:

18) *Симпатичен, спору нет, вот только ножки у него слабенюкие* [Андрей Тимофеев. VolvoS40/V40 (1996—1999) \$9500 (2002)].

19) *Его можно приобрести и сейчас: жесткий материал с высокой износостойкостью, экологически чистый, не выделяет токсичных веществ — всем хорош, вот только стоит около 500 рублей за квадратный метр и возят его под заказ* [Елена Волкова. Тот самый линолеум (2002)].

Уступительно-ограничительное значение лексемы *только*₂, в принципе, находится на стыке между типовыми противительно-ограничительным и противительно-уступительным значениями, а представили мы его как подтип второго значения, исходя из следующих соображений.

Только, помимо самостоятельного употребления в союзной функции, может выступать также в качестве **конкретизатора** при сочинительных союзах недифференцирующего типа: с одной стороны, при союзе *и — и только*, а с другой — при союзах *но, а, да: но только, а только, да только*. В таком случае «собственно союз занимает позицию конкретизируемого компонента (как правило, первую, открывающую), тогда как аналог союза выполняет конкретизирующую функцию и следует за

союзом» [28, §3147]. При этом конкретизатором присоединительного союза *и* выступает **частица только**, поскольку с ее элиминированием в семантической структуре предложения происходят нарушения:

20) Прокуратор при этом сидел как каменный, **и только** губы его шевелились чуть-чуть при произнесении слов [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита. Ч. 1 (1929–1940)].

21) Жизнь в самом деле становилась прекрасной, **и только** глупые волки не могли оценить преимуществ коллективной жизни [Василь Быков. Лесное счастье (1985–1995)].

20_а) ?Прокуратор при этом сидел как каменный, **и** губы его шевелились чуть-чуть при произнесении слов.

21_а) ?Жизнь в самом деле становилась прекрасной, **и** глупые волки не могли оценить преимуществ коллективной жизни.

Заметим, что конкретизатор в данных структурах может обойтись и без самого присоединительного союза *и*, становясь тем самым **частицей-союзом только**:

20_б) Прокуратор при этом сидел как каменный, **только** губы его шевелились чуть-чуть при произнесении слов.

21_б) Жизнь в самом деле становилась прекрасной, **только** глупые волки не могли оценить преимуществ коллективной жизни.

Конкретизатором противительного союза *но* выступает **частица — союзный аналог только₂** (в данном случае союзы *а* и *да* нас интересуют в меньшей степени, поскольку именно *но* выражает непосредственно значение противительности):

22) Я сам видел, как он за нею наблюдал и следил, **только** я ему помешал, и он теперь все ждет, когда я уйду [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)].

23) Набожная, а откровеннее сказать — суеверная, Анфиса так напрямик и заявила очень расстроенной Анне Францевне, что это колдовство и что она прекрасно знает, кто утащил и жильца и милиционера, **только** к ночи не хочет говорить [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита. Ч. 1 (1929–1940)].

24) Движение кентуриона было небрежно и легко, **но** связанный мгновенно рухнул наземь, как будто ему подрубили ноги, захлебнулся воздухом, краска сбежала с его лица и глаза обесмыслились [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита. Ч. 1 (1929–1940)].

Каждый из трех последних примеров может быть дополнен и заменен одним из возможных вариантов с *но / только / но только*.

Теперь ответ на вопрос, почему мы представили уступительно-ограничительное значение как подтип противительно-уступительного, очевиден: примеры (15–17) могут быть заменены вариантами с союзным аналогом **только₂** в качестве конкретизатора при сочинительном союзе *но*, а не *и* (иначе союз *и* выступит в противительном значении, аналогичном союзу *но*).

Противительно-уступительное значение является, по-видимому, семантически наиболее сложным из числа рассмотренных нами союз-

ных значений *только*. Противительно-уступительное значение — в общих чертах — можно определить как «совмещенность несовместимого»: конструкции с *только*₂ объединяют в себе два компонента квалификации сообщаемого: 1) констатируется **существование, совмещение** двух ситуаций-пропозиций, отношения между ними представляются как соединительные ('и — и'); 2) утверждается **несовместимость** этих ситуаций-пропозиций, между ними устанавливаются отношения взаимоисключения ('либо — либо'). Если существование двух ситуаций-пропозиций фиксируется просто их эксплицированностью в двух частях предложения либо в двух самостоятельных предложениях (есть Р и есть Q), то несовместимость этих ситуаций-пропозиций имеет более сложную природу.

Наличие уступительности в значении союзного аналога предполагает — в качестве семантической пресуппозиции — **условно-каузальную** связь между пропозициями Р и Q: 'если имеет место ситуация типа Р, то **не** имеет место ситуация типа Q'. Причем речь идет не просто о сближении уступительного и условного значений, что вполне традиционно в грамматике⁸, а зачастую о причинной обусловленности двух ситуаций. (Дело в том, что не каждое *если* выражает каузальную связь; так, Е. В. Урысон, выделяя четыре основных типа контекстов с союзом *если*, отмечает и такие, в которых «нет никакой каузальной связи» [37, с. 49].)

Так или иначе противительно-уступительное значение союзного аналога *только*₂ не есть простая комбинация значений отрицания, причины и условия⁹. Семантика несоответствия, противительности подразумевает также обязательную обрамляющую **эпистемическую модальность**, вводящую прагматическую пресуппозицию знания, которая может быть как генерализованной (а), так и индивидуально-конкретной (б), независимо от того, каковы источники формирования этого знания — перцептивное знание, отражающее результат непосредственного наблюдения, либо знание «из вторых рук», либо, наконец, выводное знание: 'обычно (а) или по мнению говорящего либо слушающего (б), если имеет место ситуация типа Р, то не имеет место ситуация типа Q'. Благодаря данной эпистемической пресуппозиции союзный аналог *только*₂ сигнализирует о нарушении некоторой закономерности, естественного порядка вещей:

Р, только Q = 'при **нормальном** (следовательно, **ожидаемом**) развитии событий Р не должен был привести к Q; имеет место **ненормальное** (→ **неожиданное**) Q':

24а) Движение кентуриона было небрежно и легко (Р), *только* связанный мгновенно рухнул наземь, как будто ему подрубили ноги, захлебнулся воздухом, краска сбежала с его лица и глаза обесмыслились (Q).

⁸ Связь условного значения с уступительным прослеживается и в ходе диахронического анализа. Отметим лишь, что вопрос историко-генетической связи условных и уступительных предложений рассмотрен в [38, с. 37] и [11, с. 158–161].

⁹ В лингвистических работах значение уступительности, с логической точки зрения рассматривается как производное от смыслов отрицания и условия [40, с. 105; 4, с. 259] либо отрицания и причины [21, с. 70; 38, с. 45].

25) *И трава похуже здешняя, / И вода не так светла (P), / Только в сердце радость веиная / Даже больше, чем была (Q)* (пример из [25, с. 74]).

В приведенных примерах союзный аналог *только*₂ может быть заменен как на синонимичные противительные союзы *но* и *однако*, так и на уступительные союзы *хотя* и *несмотря на то что* (с возможным применением конверсии). В них мы фиксируем нарушение закономерной каузальной связи двух пропозиций, поэтому данный подтип противительно-уступительного *только*₂ можно обозначить как ***только*₂ аномального следствия** (или ***только*₂ обманутого ожидания**).

Но семантический спектр отношений между P и Q гораздо многообразнее, особенно с учетом возможности обогащения дополнительными оценочными значениями: это может быть и **отрицание истинности характеристики P**:

26) *Многие считают его талантливым писателем, только, по-моему, он заурядный графоман;*

и выражение **противоречивого отношения к P**:

27) – *Славная она, – говорил он, – у ней всегда можно денег достать... Только стерва ужасная...* [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)];

и довольно своеобразное «**квалификативно-оценочное ограничение**» P:

28) – *Фу, какие вы страшные вещи говорите! – сказал, смеясь, Заметов. – Только все это один разговор, а на деле, наверно, споткнулись бы...* [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]

– P характеризуется-оценивается как незначительная. Ср. также: P, *только все это вздор и ерунда*; или: P, *только это (уже) не имеет значения*;

29) *Были споры с клиентами, собрания с работникам. <...> Было все. Только это уже было не так важно...* [Запись в *LiveJournal* (2004)].

В ходе анализа союзного употребления *только* было выявлено еще одно значение – ***только*₃**, которое мы условно обозначили как **уступительно-результативное**. Союзный аналог *только*₃ функционирует, как минимум, в трех конструкциях – разных поверхностных структурах, которые сближаются на уровне глубинной семантики: их объединяет модально-эпистемическая рамка – **незнание** говорящим достоверной причины P, каузирующей Q. Различаются же данные конструкции способом оформления этой модусной информации.

Первая конструкция довольно специфична с синтаксической точки зрения: мы имеем дело с полипредикативным сложным предложением, минимальный состав которого – три предикативные единицы. Первая часть представляет собой две пропозиции, связанные разделительными союзами (*ли ... или (ли), не то ... не то, то ли ... то ли* и др.), выражаю-

щими альтернативно-предположительное значение; она присоединяется посредством союзного аналога *только*₃ (или союзного сочетания *но только*, или союза *но*) с уступительно-результативным значением к третьей предикативной основе:

30) *Оттого ли, что я провел ночь под его кровом, по другой ли какой причине, только* Хорь гораздо ласковее вчерашнего обошелся со мной [И. С. Тургенев. Хорь и Калиныч (1847)].

31) *Узнал ли он его, стыдно ли ему стало чужого человека, только он вдруг повернулся на пятках, по-медвежьи, и, закусив бороду, заковылял в станционную избу* [И. С. Тургенев. Дым (1867)].

32) — *Вот что, Тёркин, на неделю / Можешь с орденом — домой... / Тёркин — понял ли, не понял, / Иль не верит тем словам? / Только дрогнули ладони / Рук, протянутых по швам* [А. Т. Твардовский. Генерал (Василий Тёркин, 15) (1941–1945)].

Суть альтернативно-предположительного значения заключается в том, что пропозиции, обозначенные двумя предикативными основами, мыслятся как предполагаемая причина (реже — условие, как в примере (32)) пропозиции, обозначенной третьей предикативной единицей: P^1 ли, или P^2 , только Q .

В литературе мы обнаружили два наименования указанного типа предложений. Н. Н. Холодов, а вслед за ним и некоторые другие лингвисты называют их альтернативно-противительными [16; 39], хотя между компонентом с разделительными союзами и третьей предикативной единицей наблюдаются семантические отношения не противопоставления, а следствия, результата. Правда, союз *но* стремится сохранить семантику противительности; в подобных случаях довольно часто употребляются два союзных элемента — один в начале конструкции, чтобы вызвать значение противопоставления, а другой — между компонентом с разделительными союзами и третьей пропозицией:

33) *Но то ли вода была не совсем водой, то ли она — не совсем собой, только ничего страшного не произошло...* [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого (Путешествие в седьмую сторону света) (2000)].

34) *Она легко проходила за кулисы, держала себя накоротке с молодыми звездами, и уже отставники видели ее на «Мосфильме» под ручку с проишумевшим актером. Но то ли ей на время приелась актерская среда, то ли киноактер уехал на очередные съемки, только* Зина, встретив меня во дворе, долго не отпускала, восхищалась моим мужественным видом и просила непременно зайти в гости [О. Михайлов] (пример заимствован из [22, с. 26]).

Поиски Е. В. Макаренко ответа на вопрос о названии исследуемых предложений не увенчался успехом: «Эта особая семантика данных предложений еще не получила четкого соответствующего наименования» [22, с. 27]. При этом автор не соглашается и с РГ-1980, где эти предложения названы альтернативно-уступительными. «Известно, что уступительные отношения связаны с выражением причины, вопреки которой совершается действие, а в данных предложениях именно одна из предполагаемых причин может быть реальной причиной того, о чем

сообщается во второй части» [22, с. 27]. Тем не менее мы считаем, что союзный аналог *только*₃, наряду с результативным значением, выражает и уступительное. Просто уступительность смещается в сферу эпистемической модальности: **‘несмотря на то, что говорящий достоверно не знает (или — обобщенно — неизвестно) истинной причины: P¹, либо P², либо Pⁿ, — каузируется Q’.**

Именно этот скрытый смысловой блок эксплицируется в следующей трехкомпонентной синтаксической конструкции, в которой также функционирует *только*₃:

35) *Никому не известно, какая тут мысль овладела Иваном, но только, прежде чем выбежать на черный ход, он присвоил одну из этих свечей, а также и бумажную иконку* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита. Ч. 1 (1929–1940)].

36) *Не знаю, то ли оттого, что ворота на крыльце не были заперты, то ли мы с Евгенией слишком заговорились, но только вдруг дверь подалась назад, и я увидел ее...* [Федор Абрамов. Деревянные кони (1969)].

37) *Так ли, нет — сказать, — не знаю, / Только мне от мысли той / Сторона моя родная / Показалась сиротой...* [А. Т. Твардовский. О герое (Василий Тёркин, 14) (1941–1945)].

Рассмотренные трехкомпонентные конструкции могут быть сведены к стандартной — двухкомпонентной — структуре посредством введения в высказывание модального элемента с персуазивным значением сомнения говорящего в причине, каузирующей Q:

38) *Опять-таки виновата была, вероятно, кровь, прилившая к вискам и затучавшая в них, только у прокуратора что-то случилось со зрением* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита. Ч. 1 (1929–1940)].

Завершая анализ рассмотренных нами союзных функций, выражаемых *только*, укажем также на союзный аналог *только*₄ со значением **абсолютного, тотального результата**, с двумя противоположными подтипами:

а) с **интенсивно-результативным значением**:

39) *Должно быть, убитые. Руки, ноги раскинуты. Остальных не видно. Пулемет сечет прямо по брустверу, только пыль клубится. Дело дрянь...* [Виктор Некрасов. В окопах Сталинграда (1946)];

б) с **лимитативно-результативным (или ограничительно-результативным) значением**:

40) *Он думает про себя: «Ведь знает же Краснов, что у меня в нотате ноль... что же спрашивает? — только мучит!»* [Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы (1862)].

Таким образом, анализ вторичных союзных функций лексемы *только* (без обращения к темпоральным значениям) выявил интересную закономерность: функциональная семантика скрепы у данного слова образуется благодаря синтезу двух (или более) из четырех потенциальных значений — ограничительности, противительности, уступительности и результативности. В работе были выделены частица-союз

*только*₁ с противительного-ограничительным значением и союзные аналоги *только*₂ с противительного-уступительным, *только*₃ с уступительно-результативным и *только*₄ со значением тотального результата, которые, в свою очередь, характеризуются семантическими и конструктивными подтипами.

Список литературы

1. Акопян К. С. Семантико-прагматический мир логико-модальной частицы *только* // Русский язык в Армении. 2004. №1–2. С. 60–66.
2. Акопян К. С. К вопросу о союзных функциях частицы *только* // Русский язык в Армении. 2008. №6. С. 17–28.
3. Акопян К. С. Семантико-прагматические пресуппозиции логико-модальных частиц (на примере анализа частицы *только*) // Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике : сб. науч. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. (22–25 сентября 2015). Ереван, 2016. С. 50–58.
4. Апресян В. Ю. Уступительность: языковые связи. // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура : сб. ст. / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2004. С. 255–266.
5. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
6. Богуславский И. М. О соотношении семантических и синтаксических свойств некоторых ограничительных частиц в русском языке. АКД. М., 1979.
7. Богуславский И. М. Семантика частицы *только* // Семиотика и информатика. Вып. 14. М., 1980. С. 134–158.
8. Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.
9. Богуславский И. М. О некоторых типах семантического взаимодействия между словами со значением 'достаточно' и частицами // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989. С. 197–215.
10. Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
11. Брутян Л. Г. Анализ языковых выражений импликации. Ереван, 1992.
12. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 53–87.
13. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
14. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М., 1998.
15. Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Текстовые коннекторы в разных языках: французское ENEFFET и русское В САМОМ ДЕЛЕ // Семиотика и информатика. Вып. 37. М., 2002. С. 78–115.
16. Ишханова Д. И. Противительные отношения на различных ярусах синтаксиса : дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007.
17. Колосова Т. А., Черемисина М. И. Некоторые закономерности пополнения фонда скреп // Служебные слова : межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1987. С. 11–25.
18. Кривоносов А. Т. Система «взаимопроницаемости» неизменяемых классов слов (на материале немецкого языка) // Вопросы языкознания (далее – ВЯ). 1975. №5. С. 92–103.
19. Левецкий Ю. А. О маркерах и коннекторах // Семантика служебных слов : межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1982. С. 113–122.
20. Летуший А. Б. Русские наречия со значением времени *только*, *только-только*, *только что*: значение недавнего прошлого и результативное значение // ВЯ. 2017. №1. С. 53–73.

21. Ляпон М. В. Структура отношения и ситуативные условия его реализации в сложном предложении // Русский язык: текст как целое и компоненты текста. (Виноградовские чтения XI). М., 1982. С. 63–77.
22. Макаренко Е. В. О значении и функции разделительных и противительных союзов в полипредикативном сложном предложении // Неполнозначные слова как средства связи : межвуз. сб. науч. тр. Ставрополь, 1985. С. 24–28.
23. Муханов И. Л. Пособие по интонации (для филологов старших курсов) : учеб. пособ. М., 1983.
24. Николаева Т. М. Семантика акцентного выделения. М., 1982.
25. Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании. М., 1985.
26. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2005.
27. Прияткина А. Ф. Союзная конструкция и сложное предложение // Служебные слова : межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1987. С. 37–50.
28. Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.
29. Селина Н. П. Структурно-семантические и функциональные особенности слова *только* в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2003.
30. Стародумова Е. А. Функции ограничительного слова *только* в современном русском языке // Синтаксические связи в русском языке. Владивосток, 1974. С. 32–52.
31. Стародумова Е. А. Акцентирующие частицы в современном русском литературном языке. АКД. Л., 1977.
32. Стародумова Е. А. Акцентирующие частицы в русском языке. Владивосток, 1988.
33. Стародумова Е. А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток, 2002.
34. Торопова Н. А. Роль логических частиц в формировании смысла предложения // Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единств. Калинин, 1980. С. 126–135.
35. Торопова Н. А. Семантика и функции логических частиц (на материале немецкого языка). Саратов, 1980.
36. Торопова Н. А. Предикатные актанты немецких логических частиц // Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985. С. 65–68.
37. Урысон Е. В. Союз *ЕСЛИ* и семантические примитивы // ВЯ. 2001. №4. С. 45–65.
38. Урысон Е. В. Союз *ХОТЯ* сквозь призму семантических примитивов // ВЯ. 2002. №6. С. 35–54.
39. Холодов Н. Н. Сложносочиненные предложения в современном русском языке : учеб. пособ. Смоленск, 1975.
40. Храковский В. С. Универсальные уступительные конструкции // ВЯ. 1999. №1. С. 103–122.

Об авторе

Акопян Карен Суренович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и профессиональной коммуникации, Российско-Армянский (Славянский) университет, Армения.

E-mail: karen.hakobyan@rau.am

Для цитирования:

Акопян К. С. Союзные функции частицы *только*: частица-союз vs. частица — союзный аналог // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №1. С. 29–44. doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-3.

THE CONJUNCTION FUNCTIONS OF THE PARTICLE *TOLKO*: A CONJUNCTION PARTICLE VS. A CONJUNCTION ANALOGUE

K. S. Akopyan¹

¹ Russian-Armenian (Slavonic) University
123, Hovsep Emin St, Yerevan, 0051, Armenia
Submitted on December 09, 2017
doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-3

This article considers the conjunction functions of the logical and modal particle tolko. A study into the functioning of logical and modal particles led the author to identify the basic syntactic positions that determine the functional and grammatical status of the lexical units studied: the particle, the conjunction particle, and the conjunction analogue. The conjunction behaviour of a particle can be manifested to a greater or lesser degree. The particle/conjunction relation forms a gradient. In an utterance, the lexeme studied fulfils either the primary function of a logical and modal particle or the secondary one of a conjunction. In the latter case, the lexeme becomes a conjunction particle or a conjunction analogue. The author proposes a new method for differentiating between a conjunction particle and a conjunction conjunctive. The analysis of the functions of the lexeme tolko (without considering the temporal meanings) revealed an interesting pattern. The lexeme's functional semantics of the connector stems from four potential meanings – restrictiveness, adversativeness, concessiveness, and resultativeness. The author identifies the following variants of the lexeme tolko – an adversative-restrictive conjunction particle, an adversative-concessive conjunction analogue, a concessive-resultative conjunction analogue, and a conjunction analogue conveying the meaning of the total result. All these variants have semantic and constructive subtypes.

Key words: logical-modal particles, conjunction functions of particles, particle *tolko*, conjunction particle, conjunction analogue, restrictiveness, adversativeness, concessiveness, resultativeness.

References

1. Akopyan, K.S., 2004. The semantic-pragmatic world of the logical-modal particle only. *Russkii yazyk v Armenii* [Russian language in Armenia], 1–2, pp. 60–66.
2. Akopyan, K.S., 2008. To the question of union functions of a particle only. *Russkii yazyk v Armenii* [Russian language in Armenia], 6, pp. 17–28.
3. Akopyan, K.S., 2016. Semantic-pragmatic presuppositions of logic-modal particles (by the example of particle only analysis). In: *Russkii yazyk na perekrestke epokh: traditsii i innovatsii v rusistike. II Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (22–25 sentyabrya 2015). Sbornik nauchnykh statei* [Russian language at the crossroads of the epochs: traditions and innovations in Russian studies. II International Scientific and Practical Conference (22–25 September 2015). Collection of scientific researches]. Erevan. pp. 50–58.
4. Apresyan, V. Yu., 2004. Pliability: language relations. In: Yu. D. Apresyan, ed. *Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura*. Sb. statei v chest' N. D. Arutyunovoi [The hidden meanings: Word. Text. Culture. Collection of articles in honor of N. D. Arutyunova]. Moscow. pp. 255–266.
5. Baranov, A. N., Plungyan, V. A., Rakhilina, E. V., 1993. *Guide to the discursive words of the Russian language* [Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka]. Moscow.
6. Boguslavskii, I. M., 1979. *O sootnoshenii semanticheskikh i sintaksicheskikh svoistv nekotorykh ogranichitel'nykh chastits v russkom yazyke*. AKD [On the relationship between the semantic and syntactic properties of certain limiting particles in the Russian language. AKD]. Moscow.

7. Boguslavskii, I.M., 1980. Semantics of a particle only. *Semiotika i informatika* [Semiotics and informatics], 14, pp. 134–158.
8. Boguslavskii, I.M., 1985. *Issledovaniya po sintaksicheskoi semantike* [Studies on syntactic semantics]. Moscow.
9. Boguslavskii, I.M., 1989. About some types of semantic interaction between words with meaning 'enough' and particles. In: *Logicheskii analiz yazyka. «Problemy intensional'nykh i pragmaticheskikh kontekstov»* [Logical analysis of the language. "Problems of Intensional and Pragmatic Contexts"]. Moscow, pp. 197–215.
10. Boguslavskii, I.M., 1996. *Sfera deistviya leksicheskikh edinit* [Scope of lexical units action]. Moscow.
11. Brutyan, L.G., 1992. *Analiz yazykovykh vyrazhenii implikatsii* [The analysis of language expressions of implication]. Erevan.
12. Vinogradov, V.V., 1975. On the category of modality and modal words in Russian language. In: V.V. Vinogradov. *Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike* [Selected works. Studies in Russian grammar]. Moscow. pp. 53–87.
13. Shvedova, N. Yu., eds., 1970. *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Russian literary language]. Moscow.
14. Kiseleva, K., D. Paiar, D., 1998. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discourse words of the Russian language: experience of contextual-semantic description]. Moscow.
15. Iordanskaya, L.N., Mel'chuk, I.A., 2002. Text connectors in different languages: French ENEFFET and Russian INDEED. *Semiotika i informatika* [Semiotics and informatics], 37, pp. 78–115.
16. Ishkhanova, D.I., 2007. *Protivitel'nye otnosheniya na razlichnykh yarusakh sintaksisa* [Adversative relationships on different tiers of syntax]. Cand. philol. sci. diss. thesis. Stavropol.
17. Kolosova, T.A., Cheremisina, M.I., 1987. Some regularities of replenishment of bracings. In: *Sluzhebnye slova. Mezhdouzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Service words. Interuniversity collection of scientific works]. Novosibirsk, pp. 11–25.
18. Krivonosov, A.T., 1975. System of "inter-permeability" of immutable classes of words. (On the material of the German language). *Voprosy yazykoznaniya* [Issues of linguistics], 5, pp. 92–103.
19. Levitskii, Yu.A., 1982. On markers and connectors. In: *Semantika sluzhebnykh slov. Mezhdouzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Semantics of service words. Interuniversity collection of scientific works]. Perm. pp. 113–122.
20. Letuchii, A.B., 2017. Russian adverbs with the meaning of time only, only just, just that: the meaning of the recent past and the resultant meaning. *Voprosy yazykoznaniya* [Issues of linguistics], 1, pp. 53–73.
21. Lyapon, M.V., 1982. The structure of the relationship and the situational conditions for its implementation in a complex sentence. In: *Russkii yazyk: Tekst kak tseloe i komponenty teksta. (Vinogradovskie chteniya XI)* [Russian language: Text as a whole and text components. (Vinogradov readings XI)]. Moscow. pp. 63–77.
22. Makarenko, E.V. On the meaning and function of separative and adversative unions in a polypredicative complex sentence. In: *Nepolnoznachnye slova kak sredstva svyazi. Mezhdouzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Incomplete words as a means of communication. Interuniversity collection of scientific works]. Stavropol, pp. 24–28.
23. Mukhanov, I.L., 1983. *Posobie po intonatsii (dlya filologov starshikh kursov)* [The manual on intonation (for the philologists of senior courses)]. Moscow.
24. Nikolaeva, T.M., 1982. *Semantika aktsentnogo vydeleniya* [Semantics of accentuation]. Moscow.
25. Nikolaeva, T.M., 1985. *Funktsii chastits v vyskazyvanii* [Particle functions in utterance]. Moscow.
26. Ozhegov, S.I., Shvedova, N. Yu., eds., 2005. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow.

27. Priyatkina, A.F., 1987. Union construction and a complex sentence. In: *Sluzhebnye slova. Mezhdvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Service words. Interuniversity collection of scientific works]. Novosibirsk. pp. 37–50.
28. Shvedova, N. Yu., ed., 1980. *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow.
29. Selina, N.P., 2003. *Strukturno-semanticheskie i funktsional'nye osobennosti slova tol'ko v sovremennom russkom yazyke* [Strukturno-semanticheskie i funktsional'nye osobennosti slova tol'ko v sovremennom russkom yazyke]. Cand. philol. sci. diss. thesis. Stavropol.
30. Starodumova, E. A., 1974. Functions of the restrictive word only in modern Russian. In: *Sintaksicheskie svyazi v russkom yazyke* [Syntactic connections in the Russian language]. Vladivostok. pp. 32–52.
31. Starodumova, E. A., 1977. *Aktsentiruyushchie chastitsy v sovremennom rus-skom literaturnom yazyke. AKD* [Accenting particles in the modern Russian literary language. AKD]. Leningrad.
32. Starodumova, E. A., 1988. *Aktsentiruyushchie chastitsy v russkom yazyke* [Accenting particles in the Russian language]. Vladivostok.
33. Starodumova, E. A., 2002. *Chastitsy russkogo yazyka (raznoaspektnoe opisanie)* [Particles of the Russian language (diversified description)]. Vladivostok.
34. Toropova, N. A., 1980. The role of logical particles in the formation of the meaning of the sentence. In: *Kommunikativno-pragmaticheskie i semanticheskie funktsii rechevykh edinstv* [Communicative-pragmatic and semantic functions of speech unities]. Kaliningrad. pp. 126–135.
35. Toropova, N. A., 1980. *Semantika i funktsii logicheskikh chastits (na materiale nemetskogo yazyka)* [Semantics and functions of logical particles (based on the German language)]. Saratov.
36. Toropova, N. A., 1985. Predicate logic actants German particles. In: *Tipologiya konstruktsii s predikatnymi aktantami* [Typology of constructions with predicate actants]. Leningrad. pp. 65–68.
37. Uryson, E. V., 2001. Union IF and semantic primitives. *Voprosy yazykoznaniiya* [Issues of linguistics], 4, pp. 45–65.
38. Uryson, E. V., 2002. Union THOUGH through the prism of semantic primitives. *Voprosy yazykoznaniiya* [Issues of linguistics], 6, pp. 35–54.
39. Kholodov, N. N., 1975. *Slozhnosochinennye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Complex sentences in the modern Russian language]. Smolensk.
40. Khrakovskii, V. S., 1999. Universal concessive constructions. *Voprosy yazykoznaniiya* [Issues of linguistics], 1, pp. 103–122.

The author

Dr Karen S. Akopyan, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Professional Communication, Russian-Armenian (Slavonic) University, Armenia.

E-mail: karen.hakobyan@rau.am

To cite this article:

Akopyan K.S. 2018, The Conjunction Functions of the Particle *tolko*: A Conjunction Particle vs. a Conjunction Analogue, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 1, p. 29–44. doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-3.

КОНКУРЕНЦИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

*М. А. Кронгауз*¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20
Российский государственный гуманитарный университет
125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6
Поступила в редакцию 26.05.2017 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-4

Рецензируется монография: Тагаев М. Дж. Диалог языков и культур (на материале функционирования и взаимодействия культурно-языковых пространств киргизского и русского языков). Бишкек: Изд-во КРСУ, 2015. 240 с. Отмечается актуальность исследованной автором проблемы, характерной для постсоветских государств. Анализируются особенности функционирования государственного и официального языков в Киргизии.

Ключевые слова: *Киргизская Республика, государственный язык, официальный язык, языковое сообщество, межязыковые коллизии, диалог языков.*

Монография Мамеда Джакыповича Тагаева посвящена социолингвистическому сопоставлению бытования и функционирования русского и киргизского языков в Киргизской Республике (Кыргызстане). Рассмотрение именно двух языков — официального (русского) и государственного (киргизского) — обеспечивает полноту и стереоскопичность лингвистической картины.

Очевидно, что на постсоветском пространстве в каждом из государств сложилась особая языковая ситуация. В отличие от подавляющего большинства стран постсоветского пространства, в Киргизии русский язык имеет особый статус, но не государственного языка, как в Беларуси, а официального. Противопоставление официального и государственного языков может принимать различные формы; разъяснению этого противопоставления посвящена, по существу, первая глава монографии — «Языковое сообщество Кыргызстана» (с. 14–42). Важность русского языка подчеркивается тем, что 59,4% населения в возрасте 15 лет и старше активно используют два языка и более. Разрыв с третьим по значимости языком — узбекским — велик: на нем общаются 3,7% населения в возрасте 15 лет и старше. Это, с одной стороны, означает устойчивость позиции русского языка, а с другой — обострение его конкуренции с государственным языком страны, киргизским. Вот что пишет по этому поводу М. Дж. Тагаев:

В Основном Законе Кыргызстана заложена правовая основа для равноправного функционирования киргизского и русского языков. Однако этот

юридический акт не привел к тому, что два языка стали гармонично функционировать и взаимодействовать, а все жители Кыргызстана стали двуязычными. Скорее, наоборот, их конституционное признание создало новые коллизии во взаимоотношениях языков, стало правовым основанием для обострения отношений и возникновения соперничества между ними, привело к стремлению вытеснить соседствующий язык из сферы его традиционного бытования (с. 18).

Активную позицию, отмечает автор монографии, занимает именно киргизский язык, продвигаемый как символ государства, как способ выражения национально-культурной самобытности киргизского народа. Такое противопоставление деклараций и реально складывающейся практики в области языковой политики, к сожалению, в целом характерно для постсоветского пространства.

Отношения между языками рассматриваются в первой главе в историческом контексте. М. Дж. Тагаев касается различных тенденций языкового строительства в разные периоды советской эпохи.

Во второй главе «Межъязыковые коллизии и проблемы безопасности Кыргызстана» (с. 43–68) тема взаимодействия языков исследуется на разных уровнях, в том числе на уровне отдельных слов. Особый интерес представляет лингвистический конфликт, связанный с названиями страны, языка и народа. В русских текстах, публикуемых в Киргизии, предпочитают варианты «Кыргызстан» (и производное от него «кыргызстанец»), «кыргыз» и «кыргызский». Последние два россиянам вовсе не знакомы. М. Дж. Тагаев, используя название страны «Кыргызстан», все-таки предпочитает традиционное русское написание «киргиз» и «киргизский», обосновывая это лингвистическими аргументами. Интерес представляет и противопоставление слов «кыргыз» и «киргиз», существующее в Киргизии. Вот как описывает его автор монографии:

История со словами «кыргыз» и «киргиз» не ограничилась орфографическими предписаниями. Она получила продолжение на социальном уровне, закрепив за каждым из них разные понятия. В сознании национал-патриотической части общества эти выражения дифференцировали и легли в основу выстраивания оппозиции из обозначившихся социальных групп «кыргыз» и «киргиз». Слово «кыргыз» призвано было подчеркнуть индивидуальность и самобытность «истинного» киргиза, в то время как «киргиз» ассоциируется, как правило, с языковой личностью, для которой русский язык практически стал родным, а окружающий мир воспринимается и оценивается ею через призму русской культуры. <...> Между этими слоями общества уже вызревают семена противоречий и возможных конфликтов (с. 44).

Данное семантическое противопоставление, довольно неожиданное для носителей русского языка, живущих не в Киргизии, представляет собой яркий пример воздействия социолингвистических механизмов на лексическую систему языка.

В этой же главе анализируется дисбаланс в функционировании двух основных языков Киргизии и отмечается, что его причины кроются как в политике, так и в социально-экономическом устройстве стра-

ны. В конце второй главы автор дает практические рекомендации по укреплению позиций киргизского языка, которые можно и нужно реализовать, учитывая ряд принципиальных обстоятельств. Например, М. Дж. Тагаев считает приоритетным направлением развития киргизского языка «утилитарно-прагматические сферы, связанные с обеспечением непосредственной жизнедеятельности людей, независимо от их национальной принадлежности» (с. 68).

Третья глава монографии «Языковое существование кыргызстанцев» (с. 69–141) имеет совершенно другой характер. В ней рассматриваются, прежде всего, образы мира, лингвокультурные типажи и другие компоненты концептуальной сферы, что приводит к отходу от изначальной социолингвистической направленности исследования. Тем не менее безусловный социолингвистический интерес представляет анализ понятий «кыргыз» и «киргиз», выделяемых на основании отношения той или иной группы жителей страны к билингвизму. Автор отмечает, что существование лингвокультурных типажей оказывается не только лингвистической, но и глубоко социальной проблемой. Оно ведет к расслоению общества на социальные группы, имеющие ярко выраженные различия в языке, культуре и ментальности.

В четвертой главе «Киргизский и русский языки в образовательном и коммуникативном пространстве» (с. 142–198) М. Дж. Тагаев снова возвращается в русло социолингвистики. Анализ образовательного пространства следует считать во многом ключевым для определения положения языка в обществе и для построения прогноза его будущего. Автор называет проблемы, связанные с преподаванием русского языка в Киргизии, особенно вне столицы и крупных городов:

Основная масса выпускников не имеет навыков продуктивной русской речи, обладая в лучшем случае знаниями компетенциями о дискурсивно-логическом устройстве русского языка. Отсутствие русской речевой среды в сельской местности делает невостребованными знания и навыки по русскому языку.

Однако далее отмечается:

Иной статус обретает русский язык для многих выпускников нерусских школ после завершения школьного образования. Стоя перед дилеммой выбора жизненного пути, они остро ощущают дефицит знаний по русскому языку и русской культуре. Оказавшись в столице страны, где социально-экономическая жизнь проходит в основном на русском языке, бывшие школьники, чтобы стать успешными, стараются общаться на русском языке.

М. Дж. Тагаев также обращает внимание на то, что рекламная деятельность в Киргизии более чем на 90 % осуществляется на русском языке. Отсюда понятно, что образовательное пространство должно рассматриваться в контексте окружающего коммуникативного пространства, предоставляющего стимулы для изучения языка или, напротив, демотивирующего.

Безусловный интерес представляет также взаимодействие и конкуренция русского и киргизского языков в сфере административно-

управленческого дискурса. Автор пытается определить условия, необходимые для расширения сферы бытования государственного языка. На сегодняшний день киргизский язык в качестве государственного выполняет две основные функции: является символом нации и государства, связанным с интеграцией титульной нации и других народов Киргизии, а также используется в сферах государственного управления, обучения и судопроизводства. Эта вторая функция, строго говоря, и представляет собой функцию государственного языка.

В последней, пятой главе «Диалог языков и культур как основа формирования гармоничного языкового сообщества и языковой личности» (с. 199–224) автор обращается к перспективам совместного бытования различных языков на территории Киргизии. Среди них рассматриваются (в числе прочих) английский, турецкий, китайский и даже корейский языки. Очевидно, что поддержка каждого из них связана с определенными политическими тенденциями и борьбой за экономическое и идеологическое влияние. Отмечается также усиление воздействия религиозных организаций. В монографии рассматриваются проекты продвижения разных языковых стратегий, имевших и не имевших успеха при реализации. В заключение еще раз отмечается важность образовательного пространства. М. Дж. Тагаев пишет:

...дошкольное воспитание и школьное образование средствами двух или нескольких языков может рассматриваться как путь формирования билингвальной языковой личности и способ создания гармоничного языкового сообщества (с. 224).

Очевидно, что опыт сопоставительного социалингвистического описания двух языков имеет значительную ценность для понимания как микро-, так и макролингвистических процессов.

Особо следует отметить объективную и неангажированную позицию автора, не пытающегося поддержать один из конкурирующих языков за счет другого. Следует признать, что, находясь внутри социалингвистического процесса, сделать это не так-то просто.

Об авторе

Кронгауз Максим Анисимович, доктор филологических наук, профессор, заведующий лабораторией лингвистической конфликтологии и современных коммуникативных практик, профессор-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», заведующий кафедрой русского языка, Российский государственный гуманитарный университет, Россия.

E-mail: mkronhaus@yandex.ru

Для цитирования:

Кронгауз М.А. Конкуренция и взаимодействие языков: социалингвистический подход // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №1. С. 45–49. doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-4.

COMPETITION AND INTERACTION BETWEEN LANGUAGES:
A SOCIOLINGUISTIC APPROACH

M. A. Krongauz¹

¹ Higher School of Economics National Research University
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia
Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russia
Submitted on May 26, 2017
doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-4

The author offers a review of M. J. Tagaev's monograph "Dialogue of Languages and Cultures" (the functioning and interaction of cultural and linguistic spaces of the Kyrgyz and Russian languages). Bishkek: Kyrgyz Russian Slavic University Publishing House, 2015. 240 p. The reviewer notes the acute character of the problem, typical of the post-Soviet states and analyzes the functioning of the state and official languages in Kyrgyzstan.

Key words: *the Kyrgyz Republic, state language, official language, language community, interlingual collisions, the dialogue of languages.*

The author

Prof Maxim A. Krongauz, Head of the Laboratory of Linguistic Conflict Studies and Contemporary Communicative Practices, Higher School of Economics National Research University; Head of the Department of Russian Language, Russian State University for the Humanities.

E-mail: mkronhaus@yandex.ru

To cite this article:

Krongauz M. A. 2018, Competition and Interaction between Languages: A Sociolinguistic Approach, *Slovo.ru: baltiiskij accent*, Vol. 9, no. 1, p. 45–49. doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-4.

СЛОВО И ДЕЛО: ЯЗЫК В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ

УДК 32.019.5
304. 4

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ¹

В. Э. Согомонян¹

¹ Институт философии, социологии и права НАН Армении
375010, Армения, Ереван, ул. Арами, 44
Поступила в редакцию 08.11.2017 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-5

Предпринята попытка выявить основные причины и проанализировать генезис трансформаций политического дискурса, а также продемонстрировать компаративную картину различий между предшествующим и современным политическим дискурсом. В статье рассмотрены вопросы, касающиеся его онтологии, и сущностные характеристики; обозначены «исходные позиции» ПД до того момента, когда этот дискурс начал подвергаться трансформациям в силу изменившихся условий; обозначены основные проблемы общественно-политической коммуникации в современном обществе и связанные с ними общественные явления. Рассматривая усиление популизма как результат таких проблем, автор приходит к выводу, что в основе их генезиса лежат трансформации коммуникативного взаимодействия, вызванные развитием новых информационных технологий. В частности, акцентируются аспекты разрушения обособленности публичного пространства как сферы легитимного продуцирования политического дискурса, а также наблюдаемый в современном обществе «конфликт интерпретаций» маркеров и символов «языка» политики. Для выявления произошедших метаморфоз и понимания их генезиса анализируются особенности когнитивного механизма ПД и его трансформации, демонстрируется оформление изоморфизма семиотических систем политики/власти и массовой культуры, в результате чего семантическое пространство ПД заполняется референтами массовой культуры.

Ключевые слова: политический дискурс, политический язык, популизм, трансформация публичной коммуникации, смыслообразование в политическом дискурсе, элементарные смыслы политики, «стихийное информирование», «культура *highlights*».

---

¹ Работа выполнена при поддержке Государственного комитета по науке МОН РА в рамках совместного с РГНФ армяно-российского научного проекта 15-РГ 24 «Семиотика политического дискурса: трансдисциплинарный подход».

© Согомонян В. Э., 2018

1

Фиксирование значительных изменений, произошедших в политическом дискурсе (ПД)² постиндустриального общества за последнее десятилетие (2007–2017), сегодня практически является общим местом научных исследований в различных смежных обществоведческих дисциплинах — в политологии, социологии, политической лингвистике и социальной психологии. Многие авторы наблюдают и описывают существенные и в значительной степени идентичные по сути (вне зависимости от страны — от Западной Европы до Латинской Америки) изменения концепций³ участия в политическом дискурсе его основных акторов, указывают на очевидные проблемы взаимодействия в политической коммуникации между политиками и избирателями. В частности, подчеркивается критический рост склонности граждан к позитивному восприятию очевидного популизма (подчас в самых крайних его проявлениях [21]), отсутствие адекватного ответа на существенные политические характеристики и качества действующих или потенциальных лидеров. Отмечается также возрастающая предпочтительность электоратом либо внесистемных, либо — как с иронией называли журналисты и политологи одного из недавно избранных в Западной Европе президентов — синтетических лидеров. Действительно, принятая и понятная до недавнего времени классическая концепция (концепции) продуцирования эффективного, априорно рассчитанного на определенную (хочется сказать — традиционно-конвенциональную) оценку избирателей, в каком-то смысле профессионального ПД, с одной стороны, и система измерения общественного мнения — с другой, стала давать в современных обществах серьезные сбои. Самым значительным из них можно считать историю с фиаско Хиллари Клинтон в контексте безусловной (почти непрерывно фиксируемой различными авторитетными организациями на всем протяжении избирательной кампании 2016 года) социологической победы над Дональдом Трампом. При этом, как известно, данная «американская трагедия» стала лишь вершинным моментом, венцом десятилетия политических сюрпризов. Упомянутые метаморфозы и происходящие вследствие этого исторические события еще задолго до последних президентских выборов в США успели сотрясти основы традиционных политических систем разных стран. Это и так называемый *Brexit*, и победа «безгалстучного популиста» Алексиса Ципраса в Греции, и успех партии «Пять звезд» комика

---

² Во избежание разночтений и перманентных оговорок по ходу изложения материала отметим, что наше понимание ПД имеет в своей основе определение термина «дискурс», данное С. Золяном, согласно которому дискурс — это комплексный объект, представляющий собой взаимопроекцию правил языка и поведения, социального взаимодействия [17, с. 50]. Соответственно политический дискурс есть взаимопроекция конвенциональных для социума правил политического языка, «политического поведения» и социально-политического взаимодействия.

³ Под термином «концепция» здесь понимается совокупность форм и моделей участия в политическом дискурсе.

Джузеппе Грилло в Италии [27, с. 291], испанской партии «Подемос» («Мы можем») и ее тридцатисемилетнего лидера писателя и телеведущего Пабло Турриона, и т. д.

В этом контексте примечательны практически все европейские электоральные процессы 2017 года: парламентские выборы в Нидерландах (15 марта), президентские выборы во Франции (в два тура, 23 апреля и 7 мая), выборы в германский Бундестаг (24 сентября), парламентские выборы в Австрии (15 октября), парламентские выборы в Чехии (21 октября). Как известно, по результатам всех этих выборов был зарегистрирован ряд политических рекордов и сюрпризов [7; 14; 19; 33].

Существует множество предположений и гипотез относительно того, в чем причина происходящего; расширяющаяся география и масштаб возникших проблем естественным образом стали перемещать их в центр внимания как политиков, так и ведущих политологов и социологов разных стран. Многие авторы (например, Ал. Громько [11], В. Ачкасов [4], Н. Баранов [5], Д. Зегерт [15], К. Вейланд [46], С. Левитски и Дж. Локстон [43], О. Варенцова [8] и др.) видят в основе генезиса наблюдаемых процессов следующее: коллапс партийной системы, имеющий место в некоторых странах; кризис госуправления, присущий переходным периодам отдельных государств; экономические проблемы; неудовлетворительные результаты интеграционных процессов (в частности — евроинтеграции); недовольство глобализационными процессами, которые усиливают националистические настроения и создают благоприятные условия для развертывания популистскими лидерами псевдоборьбы за независимость и суверенитет своих стран; неоднозначные результаты многолетних реформ, плоды которых оказались «сладкими» лишь для части населения развивающихся стран, и т. д.

Еще одна гипотеза выдвинута в шестом по счету аналитическом докладе Национального разведывательного совета (НРС) США «Глобальные тенденции: парадокс прогресса» (*Global Trends: The Paradox of Progress*) [40], который готовился широким кругом специалистов различных профессий на протяжении четырех лет (2012–2016) и представляет тенденции мирового развития на ближайшие годы. Авторы доклада заявляют о том, что сегодня мы являемся свидетелями парадокса: *достижения научно-технического и информационного прогресса формируют во многом более опасный мир* (здесь и далее выделено мной. — В. С.) и в то же время открывают гораздо больше возможностей для его развития. Специалисты НРС подчеркивают, что, с одной стороны, наблюдается процесс объединения различных групп людей, расширение их прав и возможностей, повышение уровня жизни. Однако этот же прогресс вызывает такие потрясения, как мировой финансовый кризис 2008 года, «Арабская весна», *глобальный рост популистской, антиинституциональной политики*. Эти потрясения демонстрируют всю хрупкость достижений прогресса и в то же время подчеркивают необходимость глубоких изменений в картине мира, что предсказывает нам туманное и непростое будущее. Кроме того, по мнению экспертов НРС, хотя «материальная сила» и сохранит свое важное значение в решении вопро-

сов на геополитическом и государственном уровнях, наиболее влиятельные акторы в целях как конкурентной борьбы, так и кооперации будут делать акцент на сетевую и информационную сферу, так же как и на область общественных отношений [40].

Имеющее место в данном докладе акцентирование информационно-коммуникативных аспектов в объяснении наблюдаемых перемен в политической жизни современных обществ в целом и в ПД в частности видится нам совершенно оправданным. Ведь, по сути, значительная часть тех беспрецедентных изменений, которые вошли в нашу жизнь вместе с научно-технической революцией начала XXI века⁴, в первую очередь коснулась именно сферы публичного взаимодействия — межличностной и публичной коммуникации, — что уже само по себе становится поводом для предположений относительно причин названных выше изменений в ПД развитых обществ. Очевидно, что драматические перемены в общественной коммуникации привели к изменениям в человеческой и социальной психологии, сравнимым с теми, которые произошли в результате изобретения книгопечатания [26, с. 207]. Как отмечает главный редактор российского журнала «Власть» А. Лапшин, «социокультурная образующая цивилизации оказалась неспособной адаптировать современного человека к прессу компьютерно-сетевых отношений» [22, с. 16]. Именно поэтому, наряду с исследованиями экономического и институционально-политологического характера, одним из наиболее перспективных направлений в выявлении генезиса обозначенных проблем, на наш взгляд, может быть комплексное трансдисциплинарное изучение политического дискурса до-современного и современного (с 2007 года) постиндустриального общества. При этом внимание необходимо сконцентрировать на произошедших в результате наступления определенных условий **трансформациях символического универсума ПД** как «матрицы всех социально объективированных и субъективно реальных значений» [6, с. 66] политики. Целесообразным будет параллельное исследование **трансформаций публичного пространства**, в котором (в силу хранимых им определенных «условий мира») смыслы данной матрицы обретают конвенциональное для участников политической коммуникации значение и которое является легитимным и единственно возможным пространством для символического обмена в рамках ПД.

2

Чтобы выявить основные причины и проанализировать генезис трансформаций политического дискурса, а также наиболее полно продемонстрировать компаративную картину различий между предшествующим и нынешним ПД, на наш взгляд, следует в первую очередь обратиться к вопросам, касающимся его онтологии, и представить некоторые существенные характеристики политического дискурса, имевшиеся до настоящего времени, обозначить «исходные позиции» ПД до

---

⁴ Ее называют также «четвертой информационной революцией».

того момента, когда этот дискурс начал подвергаться трансформациям в силу изменившихся условий. Конкретнее: следует описать механизмы продуцирования ПД; выделить некоторые особенности «политического языка» как основного инструмента продуцирования ПД, а также представить систему смыслов ПД, некоторые аспекты конвенциональности этих смыслов и структурированные в социуме механизмы их экстерииоризации и оценки. Такая методика исследования видится нам наиболее эвристичной в плане решения затрагиваемых научных задач. Ведь под современной эпохой мы, как понятно из вышесказанного, имеем в виду не очередной этап эволюционного развития общества, а переживаемый сегодня период так называемого *исторического разрыва*, который отделяет как современные социальные институты от традиционных социальных порядков в целом [9, с. 117], так и ряд современных политических практик от релевантных до недавнего времени традиций осуществления политической деятельности в частности. Наличие такого разрыва в политической жизни сегодняшнего общества и в ПД очевидно. Например, практика непосредственного, информативного по характеру и неритуального, при этом самостоятельно организованного ежедневного общения политического или государственного лидера с гражданами (отметим хотя бы те же периодические записи президента Трампа в своем личном аккаунте в *Твиттере*), по ряду признаков не имеет аналогов в прошлом и, в силу некоторых характеристик, значительно девальвирует традиционные ритуалы и существующие практики подобного общения. Похожих примеров множество: формы и виды современной политической коммуникации со временем все меньше и меньше соотносятся с палитрой средств публичности традиционной политики. С учетом этих реалий видится необходимым создание нужного компаративного контекста, базиса для представления трансформаций и процесса метаморфоз традиционного ПД; в противном случае, по нашему мнению, истинная природа произошедших изменений останется неясной.

В первую очередь обратимся к двум аспектам «политического языка» (речь идет и о естественном языке, используемом в той или иной политической модальности, и о символическом универсуме политики в целом, включающем в себя несколько «языков» [18, с. 12], например «язык тела» — публичное аутодафе, сидячая забастовка и т.д.; «язык жестов» — поднятые вверх указательный и средний пальцы, образующие латинскую букву V, поднятый кулак, вскинутая ладонь, рука, прижатая к сердцу, и т.д.; «язык локуса» — дворцовый балкон, с которого обычно выступает правитель, зал заседаний парламента, площадь, где, как правило, проходят массовые митинги, некий адрес, по которому расположена чья-то резиденция, и т.д. Во-первых, определим, что ПД в силу ряда функциональных характеристик обладает статусом институционального/профессионального дискурса. Знаки «политических языков», способы «говорения» с их использованием, как и те или иные сочетания знаков (от простых жестов и лозунгов до сложных текстов или дискурсивных фреймов), которые осмысливаются и становятся

ся «культурными самоочевидностями» (Хабермас) в разного рода политически маркированных ситуациях, понимаются индивидами в достаточной для обеспечения успешной коммуникации мере и являются для них социальными *данностями* [44, с. 8], посредством которых в обществе перманентно осуществляется политическая коммуникация.

В то же время следует проводить разграничение между знанием системы этого языка и умением *понимать* его в полной мере и (тем более) *использовать* его в тех или иных политических целях; продуцирование ПД и участие в нем стратифицировано в силу многоуровневости этого дискурса, в котором каждый следующий уровень предполагает более подготовленное и профессиональное участие. Определить наступление коммуникативной «ситуации политики», как и маршировать на митинге, умеют многие; другое дело, если индивид хочет правильно интерпретировать некую политическую ситуацию, выявить ее истинный смысл и предугадать последствия или принимает решение стать субъектом политики и намечает для себя достижение неких политических целей. Понятно, что в этих случаях приходится задействовать универсум «языка политики» в полном объеме, что требует намного большего, чем просто владение политическим «алфавитом»; это уже сфера деятельности профессиональных политологов и политиков. Если провести аналогию между универсумом смыслов ПД и филморовской «библиотекой фреймов», то в данном случае речь идет о том, в какой мере индивид и профессиональный политик/политолог владеют «пакетами знаний, дающих описание типовых объектов и событий» [13, с. 190]. Уже в силу такой взаимосвязанности степеней политической активности с уровнями сложности понимаемого и используемого «политического языка» символический универсум ПД можно отнести к разряду профессиональных языков/символических систем — наподобие латыни в медицине или метаязыка программирования. Генезис такого статуса, помимо ряда исторических причин, очевидно находится в сложности интерпретации ПД в плане корреляции с его референтами в объективной действительности.

Во-вторых, подчеркнем институциональную, конституирующую роль «языка локуса» в ПД. По сути, объекты-знаки политического локуса обнаруживаются индивидами как данности в качестве «институциональных местоположений» (Фуко), которые являются *легитимными пространствами продуцирования* ПД. Совершенный вне этих местоположений политический акт может расцениваться обществом (оговоримся — мог расцениваться до-современным обществом) в качестве нелегитимного или, по крайней мере, неудачного; и наоборот: актуализация таких пространств в ПД в ряде случаев не просто легитимизирует тот или иной акт политики либо акт политической коммуникации, но и обеспечивает удачные условия для реализации политических и властных перформативов. Можно с уверенностью утверждать, что именно трансформации политического локуса, разрушение его обособленности в публичном пространстве и слияние с ним, девальвация его значения в

плане источника *origine legitime* политики и легитимного публичного пространства для продуцирования ПД привели к революционным трансформациям этого дискурса.

Отметим наличие еще одной сущностной характеристики ПД, которая остается константной, несмотря на все «разрывы» современности, и играет значительную роль в эвалюации членами социума феномена ПД и политической деятельности как таковой; мы упомянули о ней только что. Это априорно объективируемые и периодически подтверждаемые социально-политическими практиками воображаемые представления о *характере политики* в плане сомнительной отнесенности (или не-отнесенности вообще) к объективной действительности ее речевых актов и иных актов политической коммуникации, проще говоря — о ее лживости. Сомнения по поводу истинности любых намерений политиков, декларируемых ими, стали постоянными спутниками любого политического дискурса в любом обществе по той понятной причине, что референциональная пустота ПД является неизменным и общеизвестным «логическим атрибутом» (Делез) политического языка, сущностным свойством политики.

С. Золян отмечает:

В отличие от обычного референтного высказывания, критерием (политического высказывания. — В.С.) оказывается не истинность/ложность высказывания, а его успешность... Истинностная оценка высказывания оказывается либо невозможной... либо нерелевантной... Это — Речь как действие (а не просто описание действия), смыслом и значением этого действия станут не столько смысл и значение сказанных слов, сколько имевшие место последствия сказанного [17, с. 51].

Именно этим обусловлена ограниченность формулировок политического языка, повторяемость фраз в ПД, неоднозначность высказываемых мыслей — в точном подобии со знаменитым оруэлловским *doublespeak*; ведь, по сути, один из самых важных моментов в «профессиональной» политической риторике — по возможности не создавать отсылку к абсолютно точному референту, при этом сохранить иллокутивную силу речи и добиться конкретных перлокутивных результатов. В работе «О популистском разуме» Э. Лакло, рассматривая механизм популизма как способ понимания онтологического строения политической сферы в целом, в качестве одной из ключевых категорий для анализа популизма указывает так называемое «плавающее означающее», которое появляется по причине необходимости назвать объект, который одновременно невозможен и необходим [41, с. 72]. Лакло также указывает и на константную, онтологическую тропологичность ПД:

Если репрезентация чего-то нерепрезентируемого является собственно условием репрезентации как таковой, это означает, что (искаженная) репрезентация этого условия включает в себя *субституцию* (курсив автора. — В.С.), являясь, таким образом, тропологической по своей природе [42, с. 158].

У. Эко пишет об этом:

Существует искусственный семиозис вербального языка, который либо показывает себя недостаточным для того, чтобы отдавать отчет о реальности, либо хитроумно используется для того, чтобы замаскировать ее, практически всегда в политических целях [39, с. 466].

Определение постоянно актуальной коммуникационной дилеммы *истина-ложь* в ПД изначально не выступает предметом опыта, а познается контекстуально (объективируется как логический атрибут политики) и актуализуется сразу же, как только актуализуется ПД; эта дилемма как бы обрамляет данный дискурс и является его эксплицитной и конвенционально принятой сущностной характеристикой. При процессировании политического дискурса ответы на вопросы по поводу истинности/ложности в силу объективных причин становятся отложенными во времени, и в силу этого аспекта внимание адресатов к продуцируемым в ПД смыслам ослаблено и более направлено на внеязыковые (паралингвистические) атрибуты дискурса, которые могут создавать определенные ожидания в плане отнесенности к действительности референтов отдельных актов ПД. Кроме того, ПД, благодаря ряду правил политического языка/речи (яркий пример — «плавающее означающее» Лакло) имеет внутреннюю саморазрушающую силу — этот дискурс в подавляющем большинстве случаев устремлен к презентированию в качестве *не-того-дискурса*; он часто маскируется под другой, не-политический дискурс.

Скажем несколько слов и об аспектах смыслообразования в ПД. Здесь особого внимания заслуживает аспект соотносительности «мира» политики с феноменом *конечной области значений*⁵ — то есть со сферой коммуникативно-символической социальной деятельности, находящейся вне окружающей «высшей реальности» и являющейся анклавом иной действительности, отмеченным характерными для него значениями и специфическими способами восприятия [6, с. 20].

П. Бергер и Т. Лукман пишут:

Блестящая иллюстрация (феномена конечной области значения. — В.С.) — театр. Переход из одной реальности в другую отмечен тем, что поднимается и опускается занавес. Когда занавес поднимается, зритель «переносится» в другой мир со своими собственными значениями и устройством, не имеющими ничего или, напротив, много общего с устрой-

---

⁵ Интересен целостный отрывок из произведения А. Шюца, впервые представившего это понятие: «Именно значение наших переживаний, а не онтологическая структура объектов, конституирует реальность. Каждая область значения — верховный мир реальных объектов и событий, в который мы можем встраиваться своими действиями, мир воображений и фантазмов, как, например, игровой мир ребенка, мир сумасшедшего, а также мир искусства, мир сновидений, мир научного созерцания, — обладает своим особым когнитивным стилем. И именно этот особый стиль, характеризующий некоторую совокупность наших переживаний, конституирует их как конечную область значения» [38, с. 510].

ством повседневной жизни. Когда занавес опускается, зритель «возвращается к реальности», вернее, к высшей реальности повседневной жизни, по сравнению с которой реальность, представленная на сцене, теперь кажется незначительной и эфемерной, сколь бы живым ни было представление несколько минут назад. Эстетический и религиозный опыт богат такого рода переходами, поскольку искусство и религия создают конечные области значений [6, с. 20].

Соотнесенность этого феномена с ПД и политической деятельностью в целом кажется очевидной: «занавесом», начинающим актуализацию политически маркированной ситуации в публичном дискурсе, может быть, например, некий конвенциональный «стартовый» элемент политической риторики, обычно используемый субъектами дискурса (*My fellow americans*, *Братья и сестры*, *Дорогие сограждане* и т.п.). На политической «сцене» на протяжении конкретного временного отрезка может происходить некое действие, тем или иным образом в своих конституирующих элементах подпадающее под конвенциональные для социума категории «разрешенных» или легитимных действий для разворачивания политического «спектакля» (выступления, дебаты, безмолвные акты с использованием «языка тела» и др.). Политически активные граждане («присутствующая публика») могут принимать участие в этом действе через выражение одобрения/порицания. Наконец, вместе с окончанием «спектакля» «публика» перестанет быть таковой (сочувствующими, партийными активистами, избирателями, митингующими и т.д.) и вернется в категорию высшей реальности — в категорию граждан-обывателей, более или менее смыслящих в политике и пассивно «переживающих навязываемые трансценденции Природы и Общества» [38, с. 501]. Понятно, что ряд таких аналогий можно продолжать очень долго (например — отдавая дань моде — сравнить политический процесс с телесериалом), что лишь подтверждает высказанное выше предположение об указанном характере «мира политики». Так, конечные области значений, согласно определениям А. Шюца, характеризуются особой напряженностью сознания (более или менее постоянным процессом потребления индивидом политически значимой информации на политически значимом временном отрезке), особой временной перспективой (политический кризис, предвыборный этап, поствыборный этап), особой формой самопереживания индивида (я — гражданин, я — патриот, я — демократ) и, наконец, специфической формой социальности (участие во временных конъюнктурных группах поддержки и др.) [38, с. 510].

Если «мир» политики, имеющий «рамку потенциальностей» и ограниченный «диапазон всех возможностей» деятельности в этом «мире» [38, с. 501], есть конечная область значений, то политический дискурс, как единственный инструмент «творения» этого «мира», соответственно, «способен» (или «имеет право») продуцировать лишь те смыслы, которые не выходят (не должны выходить) за некие конвенциональные рамки. Иными словами, в политике не должно совершаться некое действие, смысл которого выходит за рамки признанного обществом универсума политических смыслов; точно так же, как и на сцене театра не

должно происходить нечто, что не присуще театральному искусству. Контроль за таким порядком по умолчанию устанавливает само общество посредством различных социальных институтов, этических норм и законодательных механизмов. М. Фуко отмечает по этому поводу:

Я полагаю, что в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых — нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его события [36, с. 21].

В свою очередь Х. Арендт отмечает:

Общество на всех стадиях своего развития... исключает действие в виде свободного поступка. Его место занимает поведение, которое в различных по обстоятельствам формах общества ожидается от всех его членов и для которого оно предписывает бесчисленные правила, все сводящиеся к тому, чтобы социально нормировать индивидов, сделать их социальными и воспрепятствовать спонтанному действию [3, с. 55].

Здесь перед нами вырисовывается известный комплекс рестрикций, запретных установлений общества, призванных сохранить конечную область значений ПД в конвенциональном виде и социальный институт политики, скажем так, в надлежащем и приемлемом (закрепленном в социальной воображаемости данного социума) состоянии. Это, например, задействие всякого рода цензов, только при строгом соответствии которым индивид получает доступ к конвенциональным локусам политики и возможность легитимного продуцирования ПД: возрастной ценз, образовательный ценз, ценз оседлости, гражданства, ценз так называемой «карьерной (партийной, номенклатурной) проходимости» и др. Здесь важно отметить, что контроль за «соблюдением жанра», контроль над смыслами ПД имеет два уровня: *контроль по допуску к пространству* — это регулирование права использования легитимного авторитетного пространства-сцены, политического локуса (имеется в виду ряд указанных выше цензов, а также различных процедур инициации); и *контроль над совершением действий и продуцированием смыслов* в уже достигнутом пространстве, по сути — это контроль над политическим языком («художественная цензура»); основными механизмами здесь, безусловно, являются политическая этика и так называемая «политкорректность».

В контексте логики сказанного возникает необходимость сформулировать следующий вопрос: а можно ли вывести некую, хотя бы условно конечную гамму, оформленный и конечный репертуар смыслов политического дискурса? Или (если поднять вопрос до более высокого уровня обобщений): можно ли редуцировать политическую деятельность как таковую к «производству» ограниченного количества политических смыслов и оперированию ими в публичном пространстве?

В силу очевидной действенности ряда вышеперечисленных факторов ответ может быть однозначно утвердительным. Как мы убедились

из предыдущего анализа, репертуар результатов политической деятельности объективно ограничен, известен из *над*-индивидуального опыта и закреплен в социальной воображаемости. Все, что ни делали бы политики, укладывается для акторов — адресантов и адресатов — политического дискурса в рамки уже известных ожиданий и, одновременно, исторических сюжетов. Так, в свете Уотергейта практически любой скандал с участием политиков получает в публичном дискурсе название-заголовок с окончанием *-гейт* и создает определенные ожидания в плане логики развития событий; более того, заверения политиков об их непричастности к конкретным событиям, связанным с нарушением действующих законов, так или иначе рассматриваются преимущественно в контексте истории с президентом Никсоном. Или: любой поствыборный митинговый «марафон» с целью оспаривания подтасованных (в кавычках или без) результатов выборов создает ожидания по всему известному спектру развития событий — от постепенного угасания либо жесткого подавления волнений до «оранжевой революции» с бескровной сменой власти или вооруженного восстания. При этом в любом случае действующие лица автоматически ассоциируются в публичном дискурсе с наиболее известными в данном конкретном плане «персонажами» — Че Гевара, Горбачев, Саакашвили и т. д. В этом контексте интересно вспомнить одно из наблюдений Ю. Лотмана относительно особенностей *линейного времени культурного сознания*:

Лежащие в основе миропорядка «первые» события не переходят в призрачное бытие воспоминаний — они существуют в своей реальности вечно. Каждое новое событие такого рода не есть нечто отдельное от «первого» его протобраза — оно лишь представляет собой обновление и рост этого вечно-го «столбового» события. Каждое убийство братом брата не представляет собой какого-либо нового и отдельного поступка, а является лишь обновлением каинова греха, который сам по себе вечен [23, с. 108].

Фактически мы наблюдаем *этернизацию значений политических событий* (отдельных актов ПД или целостных политических «сюжетов») в восприятии общества. Напомним, явление *этернизации истинностного значения предложений* описывалось В. Куайном для тех случаев, когда то или иное предложение (например: «Дверь его комнаты была открыта всю ночь») релятивировалось с его контекстом и становилось «вечным» — условия его истинности, «поглотившие» его контекст, становились контекстно-независимыми. В этих случаях, согласно В. Куайну, позицию выражает не предложение «Дверь открыта», а *вечное предложение* «Такая-то дверь в такой-то момент открыта» [16, с. 43]. В плане политической деятельности фактически *этернизируется целостное политическое событие вкупе с ситуацией, в которой оно произошло, и результатами, к которым оно привело*. И уже поэтому есть основания полагать, что ПД сводится к некоему ограниченному универсуму смыслов-сюжетов, что любой фрагмент политического дискурса можно свести к одному из известных из социального опыта «вечных» смыслов, а дискурс как таковой — к «жонглированию» этими смыслами в публичной сфере. Не случайно комментирование, интерпретация политических

событий (редуцирование их «частных смыслов» к некоему глобальному политическому смыслу или известному сюжету) при помощи инструментов политологической герменевтики стало одной из самых распространенных политических и политологических практик и основной функцией так называемой «объяснительной политологии» — самого популярного жанра в новостных средствах массовой информации.

Кроме того, на поставленные вопросы позволяет ответить утвердительно и структура семантики естественного языка (понятно, что этот аспект акцентируется нами с учетом преимущественно языкового характера ПД).

Ю. Апресян отмечает:

Говоря о разных способах выражения одной и той же мысли, или о семантическом тождестве внешне различных высказываний, мы имеем в виду, что существует некий, не данный нам в прямом наблюдении семантический язык, или «язык мысли». Если допустить существование такого языка, то производство осмысленного предложения можно представить как перевод с семантического языка на естественный, а понимание предложения — как перевод с естественного языка на семантический. Значение слова в общем случае не является элементарной семантической единицей; оно делимо на более элементарные смыслы. Небольшое число элементарных смыслов дает большое число возможных комбинаций [1, с. 253].

На наш взгляд, именно из элементарных смыслов политического дискурса состоит инструментарий ПД. При этом каждый из данных элементарных смыслов политики в процессе дискурсивного «развертывания» становится одной из парадигм продуцирования ПД в пределах возможностей экстерииоризации политики в публичном пространстве. Так, элементарные смыслы *быть, мочь, долженствовать, уметь и желать*, использующиеся в качестве ансамбля (эксплицитно или имплицитно, в прямых или коннотативных значениях), являются основами внутривполитического дискурса, как минимум — при регулировании властных отношений: *Эта власть не может управлять страной; В стране фактическое безвластие; Президент здоров, и у него сильное рукопожатие; В это сложное время никто не смог бы управлять страной лучше нас; Мы сможем вывести страну из кризиса; Это тот лидер, который нужен нам сейчас; Сегодняшняя власть нелегитимна; Он не сумел уберечь страну от потрясений; Власть не желает работать во благо народа; Власти должны решить этот вопрос; Мы не хотим, чтобы он сидел в президентском кресле и т.д.* В то же время складывающиеся из различных комбинаций этих смыслов «молекулы» значений, как видим, во множестве случаев становятся креаторами конкретной политической позиции в зависимости от того, используются они теми или иными акторами в положительных либо отрицательных значениях.

В данном контексте интересно также заметить, что транслируемые участниками ПД смыслы (практически в любых актах, которые можно продуцировать в границах этого дискурса, в том числе — неязыковых) по выполняемым ими функциям в дискурсе совпадают с четырьмя типами отношений, участвующими в логико-синтаксической организа-

ции нарративного предложения [2, с. 357]: это *экзистенция* (утверждение/демонстрирование существования), *номинация* (называние/именование и/или эвалюация посредством называния), *идентификация* (утверждение тождества; дифференциация; обособление или включение) и *предикация* (характеризация). В ПД подтверждениями *экзистенции* актора-субъекта (например, носителя власти) являются различного рода ритуалы (с озвучиваемыми в процессе текстами или без): посещение памятных мест, присутствие на массовых парадах и шествиях, публичных мероприятиях и т.д. Заявления на данную тему, как понятно, затрагивают вопрос существования, «присутствия» власти в стране в плане ее дееспособности (*Такое ощущение, как будто у нас в стране нет ни президента, ни правительства; Президент прервал отпуск и вернулся в столицу*). Актами *номинации* и *одновременной эвалюации* можно назвать, например, использование собственных имен в их так называемой событийной или исторической интерпретации (*Товарищ Сталин – это Александр Невский наших дней*). *Страна начала разваливаться именно при Горбачеве; Именно благодаря его усилиям сегодня мы не находимся в состоянии войны, а занимаемся мирным строительством* – вот примеры отношения *идентификации*. Здесь важно отметить, что *идентификация* в актах ПД может иметь различный характер в зависимости от поставленной перед отправителем сообщения цели. Это может быть либо прямое утверждение самотождества (*Я, как истинный патриот своей страны*), либо разнонаправленная индивидуализация: отмежевание от некоей социальной/политической группы (*Я не люблю коммунистов, но я и не маккартист*), обособление среди «других» (*Только он понимал ошибочность выбранного пути*), указание на принадлежность к некоей социальной или политической группе (*Я был одним из первых, кто записался добровольцем и ушел на фронт; Будучи парнем из простой рабочей семьи, он сумел выбиться в люди*) и т.д. Наконец, *характеризацией* является любое очередное действие актора ПД или символическое представление данного действия в политическом дискурсе; по сути, это вся остальная деятельность актора ПД вне вышеперечисленных трех отношений. «Отношения характеризации, – отмечает Н.Д. Арутюнова, – семантически многообразны и допускают бесконечное количество реализаций» [2, с. 367]. При этом те или иные действия актора ПД, обобщаясь в диахронии, могут влиять на его существующую номинацию, порождать для него иные эвалюации, как и менять характеристики его *идентификации*.

3

Говоря об изменившихся правилах взаимодействия в публичном пространстве, мы имеем в виду перемены, произошедшие за последнее десятилетие в самой публичной сфере развитых обществ, которая выступает основным пространством осуществления политической деятельности. Эти перемены, по сути, в первую очередь касаются скорости, качества/количества и унификации символического обмена в публичной сфере, которая сегодня лишь отчасти принадлежит какому-либо отдельно взятому обществу – это во многом публичная сфера

глобализированного мира (отсюда и возникла потребность унификации, некоего приспособления знаковых систем к наиболее общим коммуникативным конвенциям разных обществ). Понятно, что тотальное распространение Интернета и смартфонов, подключенных к социальным сетям, с возможностью получения/транслирования видео/телевизионного сигнала в любой момент и в любом месте, как и получение push-up сообщений от информационных медиа (можно называть это явление стихийным информированием), в разы повысили значение коммуникативного аспекта в жизни социума, придав этому аспекту принципиально новые характеристики и наделив его особой важностью. Если ранее сфера публичной коммуникации была параллельным реальному «лучшим» миром, локусом для *origine legitime* публичного дискурса, для попадания в который индивиду нужно было получить основанный на общепризнанном авторитете (политическом, культурном, научном и др.) или личностных достижениях особый доступ (при этом в случае утраты оснований доступа публичная среда выталкивала, как бы низводила индивида в непубличную среду), то сегодня публичная коммуникация — это естественная среда жизни развитого общества, не отделенная границей в буквальном и переносном смысле этого слова от повседневного «жизненного мира». Инструментарий (язык и иные знаковые системы), как и навыки вхождения в опосредованную Сеть межличностную и полностью открытую общественную коммуникацию, из области факультативных знаний перешли в область обязательных (с точки зрения социализации индивида). Кроме того, — и это особенно важно в контексте интересующих нас вопросов, — деятельность в публичной сфере более не является результатом привилегированного доступа, а есть один из естественных видов повседневной деятельности индивида, живущего в современном обществе. В наши дни феномен *социального измерения* как критерий детерминирования социальных и общественных действий человека практически утратил свою функциональность: действия членов сегодняшних развитых обществ в той или иной мере, тем или иным образом, но все же предполагают некую интеракцию и/или становятся следствием некой интеракции. Так, например, феномен фотографии из инструмента памяти трансформировался в инструмент коммуникации, и сам акт фотографирования сегодня направлен на предстоящее демонстрирование результатов *Другим* по различным каналам коммуникации. При этом различные модусы фотографирования в подавляющем большинстве случаев представляют собой результат предыдущих известных в публичной сфере интеракций посредством фотографии и учитывают аспекты их успеха (трендовости, «хайповости», модности и др.).

Все это в наиболее полной мере и, может быть, в первую очередь повлияло на политику: традиционные акторы ПД, обладающие привилегированным доступом и своеобразным правом наделяния таким доступом новых «заслуженных» акторов, потеряли свою эксклюзивность, а публичная сфера утратила сакральность. Вследствие этого значение коммуникативных аспектов в осуществлении политической деятельности в обществе изменилось самым значительным образом, что оказало

столь же значительное воздействие на характер феномена политики как таковой. Всего один пример: в современном развитом обществе политический процесс стал почти полностью совпадать со своей экстерииоризацией. Политического процесса вне публичного дискурса сегодня практически не существует — «частность» политики (в терминах ван Дейка — «кабинетные встречи» [12, с. 31]) все больше и все чаще становится достоянием публичного. Если в предыдущую эпоху политический процесс в рамках общепризнанной рациональности должен был экстерииоризироваться в привилегированных моментах, и такой *modus operandi* был одним из важных конституирующих элементов его морфологии, прерогативой аполитетов политики, то сегодня не существует не только такого модуса, но и, пожалуй, такой возможности: *какое-угодно-мгновение* политической жизни потенциально экстерииоризируется (нередко вне зависимости от интенции возможного адресанта) и тем самым становится элементом и креатором политического процесса. Достаточно изучить информационную картину политического процесса в любом современном развитом обществе, и мы увидим, каким образом перед нами — в синхронии или диахронии — будет поступательно вырисовываться актуальный политический процесс в чуть ли не в каждом (значимом или нет в политическом смысле) действии каждого из субъектов данного процесса, в целом с достаточной степенью точности отражая его суть. Следует заметить, что при изучении данного процесса мы будем наблюдать разнонаправленное — в плане интенций адресантов — распространение информации: наряду с действиями «постановочного» характера (когда информация изначально направлена на опубликование) в равной или даже большей мере информационную картину будут составлять сообщения, появляющиеся помимо желания (в кавычках или без) политиков.

Нетрудно представить, насколько это обстоятельство меняет один из базовых интерфейсов политики — образ политического лидера. Сегодняшнему политическому лидеру необходимо обладать своего рода синкретическими качествами — политика, шоумена, блогера, селебрити и т. д. (здесь уместно вспомнить описанных Дж. Фрээрером в «Золотой ветви» царей-жрецов, одновременно обладающих практическими навыками руководителя и аморфными способностями служителя культа [34, с. 72]). В то же время шоуменам, селебрити и блогерам открыта дорога в политику благодаря обладанию навыками деятельности в публичной сфере, с одной стороны, и в силу размытости границ между «просто публичной» и политически значимой деятельностью — с другой; ведь экстерииоризация из средства превратилось в одну из возможных целей продуцирования ПД. В современных условиях теневой или не особо жалующий публичность лидер, наделенный сильными управленческими качествами, в зависимости от конкретных политических обстоятельств может быть обречен на поражение в политической борьбе с кандидатом, умеющим в полной мере использовать современные технологии экстерииоризации, — вне зависимости от своих управленческих навыков, опыта и знаний. Кажется, уже в этом контексте засилие популизма в современном ПД и повышенный интерес к нему в электро-

ральной среде вполне может расцениваться как прямое следствие произошедших перемен в системе символического обмена в публичном пространстве.

4

Мы уже писали о том, что в силу ряда вызванных современными процессами изменений в системе общества, и конкретно в ее коммуникативной системе, исторически закрепленная конвенциональность по поводу отдельных знаков «языка» политики оказалась утерянной; однако множество интеракций в рамках ПД, в частности дискурса власти, продолжает в наши дни осуществляться при помощи тех же знаков так, как будто никаких изменений не происходило. Наиболее ощутимым следствием этого стало то, что закладываемые политиками и властью в те или иные акты публичности смыслы стали непонятными для адресатов (либо их интерпретация изменилась самым существенным образом), и фактически ряд актов публичности политики/власти трансформировался в череду коммуникативных несоответствий [32, с. 137]. Так, сообщения о зарубежных визитах главы того или иного государства и политических результатах этих визитов традиционно продолжают транслироваться многими администрациями через СМИ как важные, а порой и ключевые события в политической жизни страны. Но в условиях доступности глобальных транснациональных медиа, которые ежедневно демонстрируют репортажи о двух-трех визитах глав разных государств, данный фрейм публичности рутинизируется, а в контексте неоднозначности политических результатов этих визитов для современных обывателей адресаты сообщения (если не произошло ничего экстраординарного) могут и не уловить сути достигнутого. При этом в контексте слабой с точки зрения событийности (в современном понимании) и значимости темы, а также типичности подобных событий благодаря множеству легкодоступных в любой момент в Интернете популярных исторических материалов зарубежный визит главы государства (сообщения о нем в рамках ПД) в подавляющем большинстве случаев декодируется адресатом не как нечто важное, а лишь как утверждение экзистенции власти и простой факт ее дееспособности, причем лишь в той или иной мере, в зависимости от эмоциональной окраски визита и характера оценок наиболее популярных комментаторов в СМИ и социальных сетях.

Так, сообщения о выступлении политического деятеля перед той или иной аудиторией на конкретную тему с затрагиванием наиболее актуальных вопросов политики прежде было одним из наиболее действенных механизмов экстерииоризации, одним из самых распространенных инструментов осуществления политики в публичной сфере. При желании можно без сомнений назвать этот жанр (или *форму реализации публичности* [31, с. 60]) — устное выступление лидера перед народом — политическим архетипом. При использовании данного жанра его адресанты до сих пор предполагают актуализацию сразу нескольких традиционных интерпретативных аспектов. Во-первых, как пред-

полагается, должен актуализоваться аспект важности происходящего, значимости события, которое синхронизировано как исторический момент со временем и уже в силу такой синхронизации имеет особое значение для адресатов: предполагается, что у них возникнет желание хотя бы опосредованно присоединиться к этому, в некотором смысле сакральному, собранию. Присоединиться еще и по той причине, что собравшаяся аудитория, с одной стороны, есть репрезентация всей аудитории данной страны, ее микромодель, с другой — она все же имеет конкретный количественный состав, предполагающий наличие у каждого из присутствующих неких позитивных качеств, обеспечивающих доступ к участию в событии. И хотя бы опосредованное (медийное) присоединение к этой аудитории (вплоть до подражания ей — аплодирования, одобрения жестами и т.п.) должно быть естественным желанием политически активного индивида. Во-вторых, предполагается, что в условиях подобного вовлечения и сосредоточения адресанты будут интерпретировать транслируемые в выступлении смыслы (и их автора) в нужном адресанту позитивном ключе, фиксируя при этом ряд личностных преимуществ выступающего: ораторское мастерство, непосредственность, стиль одежды, умение общаться с людьми и др. В результате, как ожидается, должна возникнуть ситуация, в которой адресат этого акта публичности должен соответствующим образом, то есть позитивно, оценить адресанта вкуче с транслируемыми им смыслами и принять (начать принимать) соответствующие электоральные решения.

Однако сегодня выступление политика перед аудиторией как традиционный акт взаимодействия в рамках ПД имеет абсолютно иную оценочную базу и, соответственно, интерпретируется и понимается его «потребителями» совершенно иначе. Во-первых, синхронический аспект события более не имеет никакого значения — выступление можно будет посмотреть в любой день и в любой удобный момент времени в Интернете. Ситуация с моделированием эффекта присутствия при историческом событии, таким образом, теряет свою эффективность. Кроме того, в условиях новой культуры потребления информации — назовем ее *культурой highlights* — просмотр всего материала может быть для очень значительной части аудитории пустой тратой времени: всего через несколько минут в Сети появятся тезисы выступления с наиболее интересными его видеотрывками, а многочисленные сайты, работающие в жанре *explanatory journalism*, неоднократно разъяснят и переразъяснят смысл сказанного политиком. Во-вторых, сегодняшней адресант данного акта публичности изначально зафиксировывает условность (можно даже сказать — постановочность) ситуации с выступлением, так как в нынешних условиях любой политик мог бы донести свои мысли до любой аудитории (например, через тот же Твиттер или *self-tape*), распространив их в *YouTube* или *Facebook*. Почему же надо было собирать людей в зале? Или лететь в другой город и выступать перед людьми на площади, заставляя их стоять и слушать? Наконец, в-третьих, сам жанр подобного выступления с задействованием всей инфраструктуры для его организации, с одной стороны, и с пониманием возможности полу-

чения права (привилегированного доступа) самому быть в такой ситуации — с другой, значительно девальвирован в силу большой степени доступности самоорганизации овнешнения в этом жанре если не для каждого, но для многих: оказаться в роли выступающего перед «народом» (некой аудиторией) и получить профессиональную съемку этого события сегодня намного проще, чем когда бы то ни было. Соответственно адресат данного акта декодирует его в совершенно ином ключе, чем это предполагается практиками до-современного ПД; кроме того, если вдруг во время данного выступления произойдет нечто экстраординарное — кто-то упадет в обморок, сломается микрофон, через зал пройдет кошка и т.п., — можно быть уверенным, что это микрособытие, разойдясь на мэмы, перекроет по медийной значимости сущностную часть всего мероприятия.

Подобных примеров с несоответствием конвенционально закрепленной иллюкутивной цели актора ПД и реального перлокутивного результата в современной политической жизни более чем достаточно — она изобилует ими. Политически безупречная и мастерски оформленная с точки зрения художественности речь кандидата в президенты какой-либо страны по поводу, скажем, недопустимости расовой сегрегации может значительно уступить в степени событийной важности (и электоральному рейтингу) какому-нибудь оригинальному селфи (шутке, мэму, небольшому инциденту и др.) другого кандидата, так и не обозначившего свои взгляды на эту важную для страны проблему. Или эффективные, но очень общие по содержанию слоганы, не подкрепляемые осуществимой программой (*Другая Европа с Ципрасом, Время изменить Рим, Сделаем Америку вновь великой* и др.), могут привлечь большую массу избирателей, чем глубоко продуманные и классические по форме политические лозунги опытных политиков — вот типичная картина сегодняшней политической действительности. В условиях «безразличия к содержанию» (Бодрийяр), обесценивания и смешения смыслов сущностные характеристики политиков и их действия, демонстрируемые в ПД, очевидно девальвируются, а взамен обретает иную, гораздо большую ценность инструментарий популизма — инструментарий, позволяющий в условиях упраздненности всевозможных цензов транслировать любые смыслы в публичном пространстве в качестве политически значимых. И на этом фоне простые и несложные для интерпретации и понимания действия — пусть и не очень искушенных в политике публичных деятелей — действительно могут с успехом заполнить «святое место» субполюса политических и общественно значимых интеракций.

5

Таким образом, основной вопрос, который формулируется в контексте вышесказанного: в чем причина и каков генезис наблюдаемых метаморфоз в политическом бытии современных обществ? — на наш взгляд, может иметь следующие два ответа, который мы попытались обосновать в этой статье: **а) кардинальное изменение системы и правил взаимодействия в публичном пространстве** в силу наступления

определенных состояний современных обществ, в результате чего ПД претерпел существенные изменения; и б) наблюдаемый в наши дни **конфликт интерпретаций** (Рикер), или **перманентная неадекватность семиозиса**, происходящего в процессе политической коммуникации в современном развитом обществе. Иными словами, непонимание обществом/электоратом *традиционных* смыслов ПД, транслируемых *профессиональными политиками*, со всеми вытекающими из этого последствиями. В терминах прагматики это означает, что высказывания, продуцируемые политиками в рамках ПД, по тем или иным причинам утратили иллюкутивные функции и не приводят к конвенционально ожидаемым результатам. По сути — это разрушение традиционных конвенций относительно знаков «языка» политики в частности и смыслов политических интеракций в целом. При этом, что очень важно, в полной мере может идти речь о разрушении значительного числа конвенций *относительно смыслов социальных интеракций вообще*; именно поэтому роль коммуникативных аспектов в кардинальных переменах ПД и — шире — политического бытия современного развитого общества видится нам ключевой. Ведь представленные выше проблемы, связанные, по сути, с *пониманием* в публичном дискурсе, оказывают существенное воздействие на ключевые для социологии и политологии институты, дефиниции которых представляют коммуникацию (и ее ожидаемый результат — *понимание*) в качестве базового конституирующего элемента взаимоотношений индивидов внутри общества, как и существования самого общества. Правильное интерпретирование и понимание участниками социальной коммуникации субъективно подразумеваемых и одновременно конвенционально закрепленных в социальном узусе смыслов, выражаемых через действия, за которыми стоит ценностный выбор каждого члена общества, как в классической, так и в современной социологии постулируется в качестве залога существования общества как такового, так как оно не может существовать без интеракций (подразумевается — успешных в плане взаимопонимания), как и интеракция — без общества [24, с. 527]. Н. Луман утверждает:

Общество использует коммуникацию, и все, что ни приводило бы коммуникацию в действие, — есть общество. Общество конституирует элементарные единства (коммуникации), из которых состоит; и что бы ни было конституировано таким образом, становится обществом, становится моментом самого процесса конституирования [24, с. 540].

А. Т. Парсонс, комментируя постулаты Вебера, отмечает:

Правильная причинная интерпретация конкретного действия предполагает, что как внешний ход его, так и мотивы установлены правильно, а также что их связь друг с другом «*поддается пониманию*» (*understandable*) (курсив мой. — В. С.). Социальные отношения, следовательно, большей частью, а может быть, и исключительно заключаются в вероятности того, что при определенных обстоятельствах действия становятся предсказуемыми, независимо от того, на чем основана эта вероятность [29].

В свете сказанного заслуживает отдельного упоминания социологическая парадигма символического интеракционизма (Дж. Мид, Ч. Кули, Г. Блумер, И. Гофман). Напомним, что это одна из так называемых интерпретирующих микросоциологических парадигм, в которых поведение людей в обществе *par excellence* предстает как социальное действие, требующее коммуникации, интерпретации и взаимопонимания [37, с. 115]. Она основывается на том, что все формы взаимодействия людей в обществе подразумевают общение, базирующееся на определенных социальных символах: языке, телодвижениях, жестах, культурных символах и т. д. Люди, согласно Дж. Миду (американскому социологу, одному из основателей данной школы), не реагируют на внешний мир и других людей непосредственно, а осмысливают реальность в неких символах и, соответственно, продуцируют эти символы в ходе общения. Само существование общества сводится в этой парадигме к совокупности процессов коммуникации и обмена информацией, формирующих необходимую для совместной деятельности «общую собственность» всех людей — более или менее *одинаково понимаемые* цели, взгляды, ожидания и т. п. [10, с. 8].

В этой связи Е. Н. Шульга отмечает:

Символический интеракционизм выдвигает идею, согласно которой социальный мир людей может быть представлен как бесконечное множество разнообразных символов. Символы придают значимость человеческой жизни и создают тем самым основу для интеракции — взаимодействия людей друг с другом в процессе коммуникации. Но символ не просто обозначает какой-то предмет или событие. Символ описывает эти события особым образом — он опосредует и одновременно определяет реакцию на него. Это направляет восприятие человека на постижение значений тех общепринятых символов, которые обеспечивают интеракцию. Для осуществления интеракции каждый, кто вовлечен в коммуникативный процесс, должен распознавать и одновременно интерпретировать намерения других людей. Такой процесс обеспечивается благодаря «принятию роли», которая примиряет одного человека с другим в процессе общения; и эти роли могут меняться местами в процессе коммуникации [37, с. 114–115].

Эта идея, лежащая в основе парадигмы символического интеракционизма, достойна отдельного, более подробного исследования: представляется очевидным, что с учетом сегодняшних реалий она приобрела намного большую ценность, чем в период своего зарождения — в 20–30-х годах XX века.

Без определенного контекста (который, надеемся, нам удалось обозначить выше), ключевое значение феномена *понимания* в функционировании общества и продуцировании ПД может показаться тривиальным и самоочевидным. Разумеется, функционирование общества неразрывно связано с пониманием смыслов социального действия и стандартизации поведенческих моделей индивидов в обществе. Именно коммуникация и ее ожидаемый продукт — понимание — создают

интерпретацию, или толкование, поведения Других в обществе, что порождает феномен социального действия в его разновидностях: в нормативных действиях, которые полностью основаны на принятых нормах/конвенциях (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Ю. Хабермас); в драматургических действиях, в основе которых лежит самовыражение/самопрезентация человека, предполагающее понимание членами общества соответствующей воле актора идентификации его личности (И. Гофман); и тем более — в коммуникативных действиях, базирующихся на взаимодействии как минимум двух субъектов, которые стремятся к взаимопониманию и достижению согласия по поводу самой ситуации действия (Дж. Мид, Ч. Кули, Г. Гарфинкель). Именно аспект успешной коммуникации и понимания, по сути, лежит в основе *логического действия*, представленного В. Парето: «...Мы будем называть “логическими действиями” операции, которые логически соединены со своей целью не только по отношению к субъекту, выполняющему эти операции, но и для тех, кто обладает более широкими познаниями» [28]; то есть те действия индивида, смысл которых может быть однозначно интерпретирован и понят любым внешним наблюдателем и адресатом. Однако тривиальность и самоочевидность феномена понимания как ключевого аспекта социальных интеракций базируется прежде всего на ранее невыблемой данности о существовании конвенций, совместных смыслов, из которых состоит общий «жизненный мир» людей. Но дело именно в том, что столь необходимая для успешной коммуникации в обществе система совместных смыслов, как видим, подверглась серьезным изменениям. Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что разные части общества — в зависимости от степени вовлеченности их представителей в деятельность в публичной сфере с использованием современных инструментов и каналов коммуникации — с каждым днем все больше увеличивают интерпретационный разрыв между смыслами, которые должны были быть общими при осуществлении публичных интеракций. Взаимодействуя в публичном пространстве, они действуют как бы в параллельных мирах и могут рассчитывать лишь на относительное взаимопонимание.

***

В завершение хотелось бы в двух словах обозначить перспективы дальнейшего исследования затронутых вопросов. На наш взгляд, для выявления наиболее полной картины произошедших метаморфоз и понимания их генезиса следует обратить более пристальное внимание на особенности когнитивного механизма политического дискурса с демонстрацией тех критических воздействий, которым подвергся в этом плане ПД за прошедшее десятилетие и вследствие которых обрел дефиниции, значительно отличающие современный ПД от ПД предыдущего периода. Кроме того, одной из важных задач нам представляется демонстрация находящегося в процессе оформления *изомор-*

физма семиотических систем политики/власти и массовой культуры, в результате чего референциональная пустота ПД стала заполняться референтами массовой культуры — еще один феномен, возникший за прошедшее десятилетие. Решение этих задач, как и исследование ряда принципиально новых явлений, связанных с электоральным поведением в современном обществе, очевидно имеют принципиально важное значение для современной политологии.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк). М., 1966.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М., 1976.
3. Арендт Х. *Viva Activa*, или О деятельной жизни / пер. В. В. Бибихина. М., 2017.
4. Ачкасов В. А. Национал-популизм в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы: причины роста электоральной поддержки // Вестник МГИМО-Университета. 2011. №3. С. 145 — 149.
5. Баранов Н. А. Возрождение популизма: европейский опыт и российские практики // Вестник СПбГУ. 2015. №3. С. 25 — 36.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М., 1995.
7. Бершидский Л. Популистская революция в Европе? Пока еще нет // Bloomberg View. URL: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2016-11-14/europe-won-t-see-a-populist-trump-like-revolution-just-yet> (дата обращения: 22.12.2017).
8. Варенцова О. В. Три волны популизма в Латинской Америке // Вестник МГИМО-Университета. 2014. №6. С. 153 — 160.
9. Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича. М., 2011.
10. Гофман И. Г. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. ст. А. Д. Ковалева. М., 2000.
11. Громыко Ал. А. «Новый популизм» и становление постбиполярного мирового порядка // Современная Европа. 2016. №6. С. 5 — 10.
12. Дейк ван Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е. А. Кожемякина. М., 2013.
13. Демьянков В. З. Фреймовая семантика // Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 189 — 191.
14. Желтов М. Сложный выбор между евроскептиками, борцами за права животных и сторонниками Эрдогана // ИзбирКом. URL: <http://izbircom.com/2017/04/04/нидерланды-сложный-выбор-между-еврос/> (дата обращения: 22.12.2017).
15. Зегерт Д. Трансформация и развитие партий в Восточной Европе после завершения переходного десятилетия // Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства : сб. ст. / ред.-сост. Е. Ю. Мелешкина, Г. М. Михайлова. М., 2009. С. 32.
16. Золян С. Т. Семантика и структура поэтического текста. М., 2014.
17. Золян С. Т. Семиотика и прагмасемантика политического дискурса // Политическая наука. 2016. №3. С. 47 — 77.

18. Ильин М.В. Политический дискурс как предмет анализа // Политическая наука. 2002. №3. С. 11 – 12.
19. Карцев Д. Больше, чем партия. Что показали выборы в Голландии // Московский Центр Карнеги. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=68321> (дата обращения: 22.12.2017).
20. Кравченко Е.И. Теория социального действия: от Вебера к феноменологам // Портал Наука – Интернет России. URL: <http://www.nir.ru/sj/sj/sj3-01krav.html> (дата обращения: 22.12.2017).
21. Кузнецова Е., Химшиашвили П. Эксперты Кремля предсказали рост популизма в России по западной модели // РБК. URL: <http://www.rbc.ru/politics/24/04/2017/58fcb959a7947263bd9d666?from=main> (дата обращения: 22.12.2017).
22. Лапшин А.О. О новом популизме и глобализации (несколько замечаний) // Власть. 2017. №04. С. 16.
23. Лотман Ю.М. Звонячи в прагматическую славу // Избранные статьи : в 3 т. Таллин, 1992. Т. 2. С. 107 – 110.
24. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И.Д. Газиева ; под ред. Н.А. Головина. СПб., 2007. С. 527 – 541.
25. Маклюэн М. Понимание медиа. М., 2014.
26. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. М., 2015.
27. Нестеров А.Г. Движение «Пяти звезд» как феномен «протестной партии» в Италии XXI века // Научный диалог. 2016. №11 (59). С. 290 – 303.
28. Парето В. Логика иррационального. URL: http://lawbooks.news/sotsiologiya_910_912/vilfredo-pareto-logika-33494.html (дата обращения: 22.12.2017).
29. Парсонс Т. О структуре социального действия // Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/pars/03.php (дата обращения: 22.12.2017).
30. Согомоян В.Э. К определению понятия «публичность власти» // Вестник МГИМО-Университета. 2010. №4 (13). С. 98 – 105.
31. Согомоян В.Э. Публичность власти: определения понятия и типология форм/видов // Закон и жизнь. 2013. №10 (262). С. 59 – 62.
32. Согомоян В.Э. Метаморфозы коммуникации в публичном дискурсе // Политическая наука. №3: Политическая семиотика. М., 2016. С. 137 – 151.
33. Строганова А. Костюмы и голограммы: чем запомнится предвыборная кампания во Франции // Международное французское радио RFI. URL: <http://ru.rfi.fr/frantsiya/20170416-chem-zapomnitsya-predvybornaya-kampaniya-vo-frantsii> (дата обращения: 22.12.2017).
34. Фрэйзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1980.
35. Фуко М. Археология знания / пер. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. СПб., 2004.
36. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. С. Табачниковой. М., 1996.
37. Шюльга Е.Н. Символический интеракционизм и проблема понимания // Философия науки. Вып. 17. М., 2012. С. 113 – 127.
38. Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М., 2004.
39. Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации. М., 2016.
40. Global Trends: The Paradox of Progress // DNI. URL: <https://www.dni.gov/index.php/global-trends-home> and <https://www.dni.gov/index.php/global-trends/the-future-summarized> (дата обращения: 22.12.2017).
41. Laclau E. On populist reason. L., 2005.
42. Laclau E. The Rhetorical Foundations of Society. L. ; N. Y., 2014.
43. Levitsky S., Loxton J. Populism and Competitive Authoritarianism in the Andes // Democratization. 2012. №20 (1). P. 107 – 136.

44. Searle J. The Construction of Social Reality. N. Y., 1995.

45. Witte G., Beck L. Austria turns sharply to the right in an election shaped by immigration // The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/austrian-election-yields-a-hard-right-turn-as-conservative-and-nationalist-parties-gain/2017/10/15/d1dce850-ad22-11e7-9b93-b97043e57a22_story.html?utm_term=.e00d43a494b5 (дата обращения: 22.12.2017).

46. Weyland K. The Threat From the Populist Left // Journal of Democracy. 2013. № 24 (3). P. 18 – 32.

Об авторе

Согомонян Виктор Эрнестович, доктор политических наук, кандидат филологических наук, руководитель канцелярии экс-президента РА, старший научный сотрудник, Институт философии, социологии и права НАН, Армения.

E-mail: victorsoghomonyan@gmail.com

Для цитирования:

Согомонян В. Э. Трансформация коммуникативных характеристик политического дискурса в современном информационном пространстве // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 9, №1. С. 50 – 76. doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-5.

TRANSFORMATIONS IN THE COMMUNICATIVE CHARACTERISTICS OF POLITICAL DISCOURSE IN THE CURRENT INFORMATION SPACE

V. E. Soghomonyan¹

¹ Institute of Philosophy, Sociology, and Law, National Academy of Sciences of Armenia

44 Arami St, Yerevan, 0010, Armenia

Submitted November 08, 2017

doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-5

The article analyses the main causes and the genesis of transformations in political discourse (PD) and provides a comparative analysis of the present and earlier forms of PD. The author examines the ontology and principal characteristics of PD, describes the state of political discourse prior to its current transformation and identifies the key problems and actual results of political communication in modern society. Considering the rise of populism, the author stresses that the current problems stem from changes in communicative interactions caused by the emergence of new information technologies. Special emphasis is placed on the formation of public space as the only realm where political discourse is produced legitimately. Another focus is the current 'conflict of interpretations' in regard to the markers and symbols of political language. To identify the metamorphoses of PD and to understand their genesis, the author investigates the main features of and transformations in the cognitive mechanism of PD and traces the emergence of the isomorphism of semiotic systems characteristic of politics/authorities and mass culture. These processes cause the semantic space of PD to embrace mass culture referents.

Key words: political discourse, political language, populism, transformations in public communication, meaning formation in political discourse, political semantemes, uncontrolled information updates, culture of highlights.

References

1. Apresyan, Yu. D., 1966. *Idei i metody sovremennoi strukturnoi lingvistikii (kratkii ocherk)* [Ideas and methods of modern structural linguistics (short essay)]. Moscow. pp. 253–254.
2. Arutyunova, N. D., 1976. *Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problemy* [The sentence and its meaning: logic-semantic problems]. Moscow. pp. 357–370.
3. Arendt, Kh., 2017. *Viva Activa, ili O deyatel'noi zhizni* [Viva Activa, or About active life]. Moscow. pp. 55–66.
4. Achkasov, V. A., 2011. National populism in post-communist countries of Central and Eastern Europe: reasons for the growth of electoral support. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO-University], 3, pp. 145–149.
5. Baranov, N. A., 2015. Revival of populism: European experience and Russian practices. *Vestnik SPbGU* [Bulletin of SPSU], 3, pp. 25–36.
6. Berger, P., Lukman, T., 1995. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow. pp. 20–66.
7. Bershidskii, L., 2016. *Populistskaya revolyutsiya v Evrope? Poka eshche net.* [Populist revolution in Europe? Not yet]. Available at: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2016-11-14/europe-won-t-see-a-populist-trump-like-revolution-just-yet> [Accessed 22 December 2017].
8. Varentsova, O. V., 2014. Three waves of populism in Latin America. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO-University], 6, pp. 153–160.
9. Giddens, E., 2011. *Posledstviya sovremennosti* [Consequences of modernity]. Moscow. pp. 116–117.
10. Gofman, I. G., 2000. *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni* [Introducing yourself to others in everyday life]. Moscow. pp. 5–8.
11. Gromyko, A. A., 2016. "New populism" and the formation of a post-bipolar world order. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], 6, pp. 5–10.
12. Deik, T. van, 2013. *Diskurs i vlast'. Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power. Representation of language dominance and communication]. Moscow. p. 31.
13. Dem'yankov, V. Z., 1996. Frame Semantics. In: E. S. Kubryakova et al., eds. *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [A brief dictionary of cognitive terms]. Moscow. pp. 189–191.
14. Zheltov, M., 2017. *Slozhnyi vybor mezhdru evroskeptikami, bortsami za prava zhivotnykh i storonnikami Erdogana* [A difficult choice between Eurosceptics, animal rights activists and supporters of Erdogan]. Available at: <http://izbircom.com/2017/04/04/niderlandy-slozhnyi-vybor-mezhdru-evros/> [Accessed 22 December 2017].
15. Zegert, D., 2009. Transformation and development of the party in Eastern Europe after the end of the transitional decade. In: E. Yu. Meleshkina and G. M. Mikhailova, eds. *Politicheskaya konkurentsia i partii v gosudarstvakh postsovetskogo prostranstva* [Political competition and parties in the states of the post-Soviet space]. Moscow. p. 32.
16. Zolyan, S. T., 2014. *Semantika i struktura poeticheskogo teksta* [Semantics and structure of poetic text]. Moscow. pp. 42–43.
17. Zolyan, S. T., 2016. Semiotics and pragmasemantics of political discourse. *Politicheskaya nauka* [Political science], 3, pp. 47–77.
18. Il'in, M. V., 2002. Political discourse as a subject of analysis. *Politicheskaya nauka* [Political science], 3, pp. 11–12.
19. Kartsev, D. *Bol'she, chem partiya. Chto pokazali vybory v Gollandii* [More than a party. What the elections in Holland showed]. Available at: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=68321> [Accessed 22 December 2017].

20. Kravchenko, E.I. *Teoriya sotsial'nogo deistviya ot Vebera k fenomenologam* [Theory of social action from Weber to phenomenologists]. Available at: <http://www.nir.ru/sj/sj/sj3-01krav.html> sait [Accessed 22 December 2017].

21. Kuznetsova, E., Khimshiashvili, P. *Ekspery Kremlya predskazali rost populizma v Rossii po zapadnoi modeli* [Kremlin experts predicted the growth of populism in Russia by the Western model]. Available at: <http://www.rbc.ru/politics/24/04/2017/58fccb959a7947263bd9d666?from=main> [Accessed 22 December 2017].

22. Lapshin, A.O., 2017. On a new populism and globalization (a few comments). *Zhurnal Vlast'* [Journal Power], 4, p. 16.

23. Lotman, Yu. M., 1992. *Zvonyachi v pradʹdnyuyu slavu*. In: Yu. M. Lotman *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. Vol. 2. Tallinn. pp. 107–110.

24. Luman, N., 2007. *Sotsial'nye sistemy. Ocherk obshchei teorii* [Social systems. Essay on general theory]. St. Petersburg. pp. 527–541.

25. Maklyuen, M., 2014. *Ponimanie media* [Understanding Media]. Moscow. pp. 24–27.

26. Maklyuen, M., 2015. *Galaktika Gutenberga* [The Gutenberg Galaxy]. Moscow. pp. 207–211.

27. Nesterov, A.G., 2016. The "Five Stars" Movement as a phenomenon of the "protest party" in Italy of XIII century. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 11(59), pp. 290–303.

28. Pareto, V. *Logika irratsional'nogo* [The logic of the irrational]. Available at: http://lawbooks.news/sotsiologiya_910_912/vilfredo-pareto-logika-33494.html [Accessed 22 December 2017].

29. Parsons, T. *O strukture sotsial'nogo deistviya* [On the structure of social action]. Available at: http://www.gumer.in-fo/bibliotek_Buks/Sociolog/pars/03.php [Accessed 22 December 2017].

30. Sogomonyan, V.E., 2010. To the definition of the concept of "public power". *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO-University], 4(13), pp. 98–105.

31. Sogomonyan, V.E., 2013. Publicity of authority: definition of the concept and typology of forms / species. *Zakon i zhizn'* [Law and Life], 10(262), pp. 59–62.

32. Sogomonyan, V.E., 2016. Metamorphosis of communication in the public discourse. *Politicheskaya nauka* [Political science], 3, pp. 137–151.

33. Stroganova, A. *Kostyummy i gologrammy: chem zapomnitsya predvybornaya kampaniya vo Frantsii* [Costumes and holograms: what will be remembered pre-election campaign in France]. Available at: <http://ru.rfi.fr/frantsiya/20170416-chem-zapomnitsya-predvybornaya-kampaniya-vo-frantsii> [Accessed 22 December 2017].

34. Frezer, Dzh. Dzh., 1980. *Zolotaya vetv'* [Golden branch]. Moscow. p. 72.

35. Fuko, M., 2004. *Arkhologiiya znaniya* [Archeology of knowledge]. St. Petersburg. pp. 113–115.

36. Fuko, M., 1996. *Volya k istine. Po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The will to truth. On the other side of knowledge, power and sexuality. Works of different years]. Moscow. p. 21.

37. Shul'ga, E.N., 2012. Symbolic interactionism and the problem of understanding. *Filosofiya nauki* [Philosophy of science], 17, pp. 113–127.

38. Shchyuts, A., 2004. *Izbrannoe: mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected works: a world shining with meaning]. Moscow. pp. 499–517.

39. Eko, U., 2016. *Ot dreva k labirintu. Istoricheskie issledovaniya znaka i interpretatsii* [From the tree to the labyrinth. Historical research of the sign and interpretation]. Moscow. p. 466.

40. *Global Trends: The Paradox of Progress*. Available at: <https://www.dni.gov/index.php/global-trends-home> and <https://www.dni.gov/index.php/global-trends/the-future-summarized> [Accessed 22 December 2017].

41. Laclau, E., 2005. *On populist reason*. London. p. 72.

42. Laclau, E., 2014. *The Rhetorical Foundations of Society*. London, New York. p. 158.
43. Levitsky, S., Loxton, J., 2012. Populism and Competitive Authoritarianism in the Andes. *Democratization*, 20(1), pp. 107–136.
44. Searle, J., 1995. *The Construction of Social Reality*. New York. p. 8.
45. Witte, G., Beck, L. *Austria turns sharply to the right in an election shaped by immigration*. Available at: https://www.washingtonpost.com/world/europe/austrian-election-yields-a-hard-right-turn-as-conservative-and-nationalist-parties-gain/2017/10/15/d1dce850-ad22-11e7-9b93-b97043e57a22_story.html?utm_term=.e00d43a494b5 [Accessed 22 December 2017].
46. Weyland, K., 2013. The Threat from the Populist Left. *Journal of Democracy*, 24(3), pp. 18–32.

The author

Prof Viktor E. Soghomonyan, Head of the Office of the ex-President of the Republic of Armenia; Senior Research Fellow, Institute of Philosophy, Sociology, and Law, National Academy of Sciences of Armenia, Armenia.

E-mail: victorsoghomonyan@gmail.com

To cite this article:

Soghomonyan V. E. 2018, Transformations in the Communicative Characteristics of Political Discourse in the Current Information Space, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 1, p. 50–76. doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-5.

**ПОЗДНЯЯ ПОЭЗИЯ А. БАШЛАЧЁВА:
ВАРИАТИВНОСТЬ ИСПОЛНЕНИЯ И НОВЫЕ СМЫСЛЫ**

Ю. А. Говорухина^{1, 2}, Е. Ю. Ступакова³

¹ Филиал ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия» в Калининграде
236036, Россия, Калининград, Советский пр., 82

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

³ Сибирский федеральный университет
660041, Россия, Красноярск, Свободный пр., 79

Поступила в редакцию 07.12.2017 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-6

Рассматривается проблема вариативности синтетического текста, имеющего словесное, звуковое и перформативное воплощение. Опираясь на существующие в литературоведении опыт осмысления феномена синтетического искусства и методы его изучения, авторы формулируют теоретические и аналитические установки исследования: его объектом становится вербальный и музыкальный субтексты, каждый из которых выполняет смыслообразующую функцию; отклонение исполняемого текста от печатного значимо с точки зрения потенциалов смысла, при этом все варианты равнозначимы и равноправны; в исследовании вариативности текстов А. Башлачёва используется коррелятивный подход, предусматривающий смысловую соотнесенность субтекстов.

Материалом для статьи послужили поздние произведения А. Башлачёва, объединённые темой поэта и поэзии. Проявляется авторское представление о миссии поэта, трагичности его судьбы, неизбежности конфликтов между поэтом и властью, при этом и толпой. Данные идейно-содержательные компоненты складуются в основу коррелятивного анализа вариативности текстов Башлачёва. Сопоставляются его поздние печатные тексты и варианты их авторского исполнения. Выявляются разные формы отклонений: синтаксически немотивированные паузы, редуцирование пауз, звукоимитация, специфическое произношение, включение новых слов, частиц, междометий, перестановка фрагментов. В каждом случае обнаруживается приращение смысла. Башлачёв-исполнитель посредством разных форм отклонения от текста-оригинала (на уровне вербального и музыкального субтекста) актуализирует неявное содержание, направляя процесс смыслообразования в сознании реципиента. Отклонения нередко значительно корректируют изначальный текст, делая его более острым идейно, усиливая драматизм сюжетной ситуации выбора и трагичность звучания темы.

Ключевые слова: Башлачёв, рок-поэзия, субтекст, синтетическое искусство.

Рок-поэзия имеет особую природу, обуславливающую специфику ее исследования. Чаще всего она определяется как синтетическое искусство, включающее несколько компонентов (слово, музыка, «действие» и т.д.) [7]. Проблема синтетичности и вариативности рок-текста порождает дискуссионные моменты. Обозначим ряд вопросов, с тем чтобы определить актуальные для нас исследовательские установки.

Одним из дискуссионных является вопрос о компонентах, образующих песенный текст, *субтекстах*. С. В. Свиридов выделяет четыре субтекста: вербальный («литературная составляющая синтетического текста, имеющая устную природу»), музыкальный (аккомпанемент, мелодия и вокал), пластический (пластика голоса и тела), визуальный ряд («шоу») [8, с. 19–20]. Данное субтекстуальное деление принимается и используется И. В. Нефедовым и Е. В. Огрызко [5], Т. В. Цвигун [9].

В статье «Песенная поэзия как полисубтекстуальное образование» [2] и в монографии «Песенная поэзия XX века как текст» [3] В. А. Гавриков кладет в основу классификации субтекстов принцип их «происхождения» и выделяет аудиальные субтексты (музыкальный, шумовой, артикуляционный, вербальный), визуальные, пластики, имиджа, сюжетно-перформативный, декорационно-феерический, художественно-графический (оформление обложки) [2, с. 75]. Исследователь не принимает изначального деления генетических рядов звучащей поэзии (С. В. Свиридов, Д. И. Иванов) на субтекст и метатекст, подчеркивая открытость синтетического текста для новых субтекстов.

Понятие «невербальные способы смыслообразования» (В. А. Гавриков), на наш взгляд, наиболее полно отражает сущность данных компонентов песенных текстов и акцентирует роль их экстралингвистической составляющей (звука) в приращении смыслов.

С проблемой выделения в структуре синтетического текста субтекстов связан вопрос о вариантообразовании: один и тот же компонент (не только вербальный субтекст, но и паузы, голосовые особенности исполнения, аккомпанемент и т. д.) может по-разному эксплицироваться от варианта исполнения к варианту. Вслед за Ю. В. Доманским [4] и А. Н. Ярмо [10] мы считаем невозможным и непродуктивным определять канонический текст в ряду исполненных вариантов. Каждое исполнение, по сути, можно рассматривать как отдельный текст, равноправный в ряду существующих, поскольку выявляемые отклонения способны значительно изменить предполагаемый оригиналом смысл [10, с. 14].

В статье «Песня как речь и язык» [8] С. В. Свиридов выделяет случаи, когда изменения в исполнении того или иного произведения не носят творческого характера и потому не являются значимыми с точки зрения смысла: «Это оговорки, следы запоминания текста, сбои и прочие моменты, которые могли бы быть отнесены к категории *шума* (в коммуникативном смысле)» [8, с. 167]. Граница между существенными и несущественными отклонениями в исполнении трудноопределима. Исходя из этого, мы будем принимать во внимание любые вариантообразующие изменения в рок-тексте (в том числе те, которые отнесены С. В. Свиридовым к разряду случайных).

Сложность структуры песенной поэзии, ее синтетическая природа и полисубтекстуальный характер обусловили появление особого коррелятивного подхода к его анализу. Данный подход, актуальный и для нашего исследования, предусматривает рассмотрение всех составляющих синтетический текст субтекстов в их совокупности. В настоящее время именно этот подход стал наиболее востребованным среди исследователей русской песенной поэзии второй половины XX века. В статье «А. Башлачёв „Рыбный день“ (1984). Опыт анализа» [6] С. В. Свиридов

приводит своего рода алгоритм анализа песенной поэзии. Сначала, считает он, нужно рассмотреть вербальный ряд произведения (образы и мотивы). Далее следует обращение к «полю корреляций», то есть ритму и звуку. На третьем этапе посредством интерпретации выявленных особенностей и фактов делаются выводы о смысле синтетического текста в целом. «Обратный» путь предлагает В. А. Гавриков. На первом этапе он выявляет экстралингвистические особенности; на втором полученный материал рассматривается «через призму классического литературоведения» [2, с. 27]. Этот этап, по мысли ученого, «самый важный, так как именно здесь происходит „таинственная переплавка“ смысла синтетического в поэтический» [2, с. 29].

Мы будем следовать алгоритму, предложенному С. В. Свиридовым, двигаясь от интерпретации текста написанного к озвученному, выявляя новые смыслы. Кроме того, при анализе предполагается рассмотрение не одного варианта исполнения (одной фонограммы), а всех доступных, так как «текст» и «звук» могут претерпевать от исполнения к исполнению смыслообразующие изменения.

Взятые в совокупности, тексты 1986 года позволяют сформировать представление о концепции поэта и поэзии в позднем творчестве А. Башлачёва. Одному из манифестационных в данном тематическом аспекте произведений он дает аллюзивное название: «На жизнь поэтов» отсылает ко множеству текстов жанра «на смерть» («Смерть поэта», «На смерть Пушкина» М. Ю. Лермонтова, «На смерть князя Мещерского» Г. Р. Державина и др.). Башлачёв и ориентирует читателя на классическую традицию, и спорит с ней. В устных авторских предисловиях к стихотворению очевидно акцентирование адресованности произведения именно поэтам живым: «до сих пор живым поэтам», «всем живым поэтам, живым». В ироничном замечании Башлачёва: «Что толку писать песни на жизнь поэтов?» — имплицитно присутствует другой, противоположный смысл: «Что толку писать песни на смерть поэтов?» Писать, по его мнению, нужно «на жизнь»: поэт заслуживает не посмертной памяти, а того, чтобы быть услышанным и понятым при жизни.

В русле классической традиции в образе поэта Башлачёвым акцентируется пророческое начало, обладание знанием, недоступным другим, близость к истине. Поэт осуществляет «вечный допрос»², что можно интерпретировать двояко, но непротиворечиво: вопрошает истину и одновременно призывает власть, толпу к ответственности. Он «возводит» слова в «приметы», его глаза — «ведра внимательных глаз» (образ, который имплицитно включает семантику «глаза, полные слез»). Слезы здесь — и знак страданий, переносимых «в миру», и знак сознания истины. Поэт предстает как пророк и в тексте «Когда мы вместе» («Сбылось насквозь. // Да как не ворожить?»).

В поздних текстах Башлачёва находит отражение и типичная для русской поэтической традиции сакрализация образа поэта. Поэт у Башлачёва неизменно наделяется характеристикой святости. В произведении «На жизнь поэтов» она поддерживается образом чернорабочего ангела, повторением числа семь, обладающего сакральными смыслами.

² Здесь и далее тексты А. Башлачёва цитируются по изданию [1].

Мотив выбора — один из ключевых в произведениях о поэте и поэзии у Башлачёва. В стихотворении «На жизнь поэтов» выбор оказывается возможным и невозможным одновременно. С одной стороны, поэт делает выбор в пользу свободы: он «принял обет сделать выбор, ломая печать», то есть нарушить запрет говорить/творить. Это осознанный выбор боли, жизни как мучения. С другой стороны, этот выбор сделала прежде поэта сама жизнь: «Несчастливая жизнь! Она до смерти любит поэта. // И за семерых отмеряет. И режет. Эх, раз, еще раз!» («На жизнь поэтов»), «На Второй мировой поэзии // Призван годным и рядовым» («В чистом поле — дожди...»). Иной путь для поэта, по Башлачёву, невозможен: «не ждите иного расклада» («На жизнь поэтов»), «быть — не быть? В чем вопрос, если быть не могло по-другому» («Слыша В. С. Высоцкого (Триптих)»). Отсюда покорность судьбе: «и будь, что будет», «да наши песни нам ли выбирать?» («Когда мы вместе»), «я слышу звон. На том стою. А там глядишь — и лягу. // Бог даст — на том и лягу» («Случай в Сибири»). Поэт готов к смерти, принимаемой как должное: «и я готов на любую дыбу. // Подними меня, милая, ох!» («В чистом поле — дожди...»), «мой крест — знак действия, чтоб голову сложить» («Когда мы вместе»), «я иду на звон струны из твоей косы» («Пляши в огне»).

Жизнь поэта в рассматриваемых текстах определяется как мученическая. Путь поэта — обязательно трудный в наивысшей степени, его дорога «там, где станет невоготу» («В чистом поле — дожди...»), «там, где тяжело» («Тесто»). Постоянным у позднего Башлачёва становится также мотив жизни как ада. «Лад» как жизнь содержит и ад (лад). В этом же ключе можно интерпретировать название стихотворения «На жизнь поэтов»: страдания в жизни поэтов доведены до предела, жизнь становится равной смерти, а произведения «на жизнь» пишутся о том же, что и «на смерть». Образом, совмещающим жизнь и смерть, становится «знак кровоточия», который ставят поэты после строк: кровь как знак гибели и многоочие как знак незавершенного действия/жизни. Образ жизни поэта как ада находит свое воплощение также в песне «Пляши в огне»: призыв лирического героя «плясать в огне» — призыв принять муки, исполнить миссию.

Поэт Башлачёва неизменно выбирает роль борца с властью. Ему трудно «быть иконой» («На жизнь поэтов»), существовать в ограничивающих рамках, в несвободе «оклада», в мире, в котором контролируется сам акт говорения. В «На жизнь поэтов» Башлачёв перефразирует поговорку «Что у трезвого на уме, у пьяного — на языке»: «Что у всех на уме — у них [поэтов] на языке».

Прояснение концепции поэта и поэзии в поздних произведениях Башлачёва важно, оно становится отправной точкой для исследования отклонений звучащих субтекстовых вариантов от записей.

Синтаксически немотивированные паузы (далее в статье обозначены «/») и их редуцирование (далее «[/]») — один из частотных видов отклонений. Так, во всех вариантах исполнения песни «На жизнь поэтов» в повторяющихся словах «семь кругов беспокойного лада» фиксируется пауза, которую делает Башлачёв-исполнитель перед словом «лада». В результате выражение «круги ада», актуализирующееся в сознании реципиента в момент паузы, совмещается с неожиданным образом лада. Эту же функцию выполняет пауза в следующих примерах:

«Я воли не давал / ручьям», «не смог ударить в грязь / ножом», «все в твоих / ручьях» («Когда мы вместе»), «На Второй / мировой / поэзии» («В чистом поле — дожди...»), «дышать полной грудью / на ладан» («На жизнь поэтов»).

Отсутствие знаков препинания в строке «Святая вода на пустом киселе неживой» в тексте стихотворения «На жизнь поэтов» затрудняет ее понимание. В большинстве исполнений автор вводит длительные паузы: «Святая вода / на пустом киселе / неживой». Пауза перед «неживой» делает более очевидным отнесение эпитета «неживой» и фразеологического окказионализма «святая вода на пустом киселе» к образу поэта. Переносный смысл исходного выражения подвергается инверсии: поэт (вода) оказывается святым, толпа (кисель) — пустой, молчащей, а жизнь поэтов — полной горечи (вода, появляющаяся при варке киселя в седьмой раз, невкусная, горькая). Эту же функцию в стихотворении «На жизнь поэтов» выполняет пауза перед словом «жизнь» в строке «Пусть верит перу / жизнь, / как истина в черновике». Ее появление способствует более точной интерпретации субъекта и объекта сравнения: в печатном варианте субъектом является верование, в исполняемом — жизнь как черновик истины. В жизни истина предъявлена не прямо, потенции смысла в ней неявны, а подсказки — неочевидны. Поэзия выше жизни, она, по Башлачёву, «беловик», в котором запечатлена суть, в котором жизнь «переписана», осмыслена.

В ряде случаев введение синтаксически немотивированных пауз или редуцирование пауз значительно корректирует смысл печатного субтекста.

Так, в авторском исполнении «Песенки на лесенке» паузы не совпадают с пунктуацией печатного варианта. «Транскрипция» строки имеет вид: «Что ж ты, [/] недоволен / своей страной?» В результате к смыслу «доволен ли ты своей страной?» добавляется иной: «почему ты недоволен страной?» «Транскрипция» первой строфы стихотворения «Тесто»: «Да дыши во весь дух и тяни / там, [/] где тяжело — [/] // Ворвется в затяжку весна». Если печатный вариант данного фрагмента предполагает смысл «путь поэта всегда пролегает там, где тяжело, а его прохождение гарантирует наступление другого, лучшего времени, возрождения», то вариативность пауз формирует иной смысл: «исполни миссию, и другое время, возрождение наступит тогда, когда следовать предназначению будет тяжелее всего». Еще один пример подобного отклонения обнаруживаем в исполнении стихотворения «На жизнь поэтов». Паузы в одной из строк располагаются следующим образом: «Неважно, [/] когда / семь кругов беспокойного лада // позволят идти, / наконец, [/] не касаясь земли». Перенос автором паузы после «неважно» делает логический акцент на слово «когда». Таким образом, смысл «неважно, *что* было в пути, если этот путь, подобный кругам ада, приведет поэта к освобождению и святости» (предыдущая строка: «А что там было в пути? Метры, рубли... // Неважно...») меняется на другой, порождаемый субтекстом звучащим: «неважно, *когда* именно преодолённые муки приведут к освобождению».

Строки «И корни поладят с душой. / Разве что-то не так? / Вроде все, как всегда...» третьей части «Слыша В. С. Высоцкого (Триптих)» в озвученном варианте имеют вид: «И корни поладят / с душой [/] // Разве что-то не так? / Вроде все, как всегда». Паузы (вводимые и реду-

цированные) позволяют обнаружить неявный второй риторический вопрос: «Разве что-то не так с душой?» В трех других примерах редуцирование паузы или перенос ее через одно слово также продуцирует новые смыслы: «Только вечный огонь / все равно прогорит» (первая часть до паузы воспринимается как отдельное предложение, утверждающее существование только вечного огня, а не его «прогорание»), «Как положено, [/] все / еще раз положить на лопатки» (смысл «все положить на лопатки так, как нужно» меняется на «все, что уже положено, еще раз положить на лопатки»), «Ведь хорошо, [/] если хор / в верхней ноте подтянет» (перенос паузы вносит смысл: «хорошо не только если хор «подтянет», но и если он вообще есть»), «Так не ждал бы, [/] пока / дочитают до ста» (дополнительный смысл: «не ждать сейчас, пока, в данный момент, до наступления чего-либо»).

Логическое ударение в стихах «Я увидел тебя, Россия./ А теперь посмотри, где я» («В чистом поле дожди косые...») падает на слово «я», за счет чего усиливается противопоставление лирическим героем себя России. Его акцентированию также способствует синтаксически немотивированная пауза, отмечаемая в данном стихе: «Я / увидел тебя, Россия». В варианте первой редакции логическое ударение может падать на слове «где». В данном случае поэт обращает внимание России на свои мучения, «дыбу», на которую он поднят. Усиливается драматизм заключительной части, на первый план выступает уже не бунт лирического героя, а его мученическая судьба.

Частотным типом отклонения, связанным со звучанием голоса автора-исполнителя, является звукоимитация. Так, в песне «Когда мы вместе» (запись лета 1986 года) Башлачёв пропевает слово «обороты» так, будто описанное действие совершается здесь и сейчас: «Не бойся о-о-о-о-о-обороты брать!». В песне «В чистом поле — дожди...» междометие «ох» («И я готов на любую дыбу. // Подними меня, милая, ох!») исполняется с таким надрывом и протягиванием гласного, что у слушателей создается ощущение присутствия при мучительной сцене.

Особенно явным смыслопорождающим потенциалом в ряде исполнений обладает специфическое произнесение слов. Если в песне «Ванюша» Башлачёв лишь усиливает просторечность, пропевая «нонче» вместо «нынче», «Чё-то душно. Чё-то тошно. // Чё-то скушно» (вместо «чего-то»), «Привезите в женихи // Городского клоуна» («клоуна» вместо «клоуна»), то специфическое произнесение слова «поэт» в «На жизнь поэтов» с выделением «О» добавляет необходимый автору оттенок смысла: автор «приподнимает» поэта над действительностью/толпой, намекая на его высокую миссию.

Еще одно отклонение исполняемого текста от печатного — включение дополнительных слов, частиц, междометий или их замена на другие. Так, в исполнении Башлачёвым «Ванюши» в начале и конце стихов появляются междометия: «Ой-ой-ой, да вы ж задули // Святое пламя, ох!», «Ой, держись, Ванюха, они калечат!» В записи, известной как «Таганский концерт», Башлачёв исполняет две дополнительные строфы от лица женщины. На нескольких фонограммах междометие в стихе «Ох, держи, а то помру...» заменяется автором на имена собственные: «Вер, держи, а то помру» (записи от 18/20, 22 января и мая 1986 года) или «Нюся, держи, а то помру» (запись от июня/15 августа 1986 года).

Особенность авторского исполнения «На жизнь поэтов» — включение новых слов, междометий, частиц, привносящих дополнительные оттенки смысла. Так, в июньской записи песни 1986 года финальную строку «Короткую жизнь. Семь кругов беспокойного лада...» Башлачёв пропевает, называя каждый круг: «Короткую жизнь. [Раз, два, три, четыре, пять, шесть] Семь кругов беспокойного лада...» Каждая цифра — отдельный круг, знак важности и предельной сложности проживания и преодоления каждого.

Одной из показательных при рассмотрении вариативности вербального субтекста и значимой в плане смыслопорождения стала песня «Пляши в огне». В фонограмме от июня 1986 года и недатированной записи фиксируем следующее исполнение пятнадцатой строфы: «Мы облучены. // И я иду на звон струны из твоей косы». В записях 15 августа, лета и мая 1986 года союз «и» меняется на «но»: «Мы облучены. // Но я иду на звон струны из твоей косы». Во втором варианте противопоставление акцентирует осознанность выбора пути лирического героя. В первом же варианте этот смысл присутствует неявно. Другой пример вариативности — включение предложения «Другого нам не дано» (запись лета 1986 года) в конце первой строфы песни «Пляши в огне». Данный фрагмент отсутствует в других записях, а также в авторской распечатке и вносит неявный смысл — отсутствие выбора, невозможность другого пути для поэта.

Итак, сопоставление печатных текстов А. Башлачёва и вариантов их авторского исполнения позволяет обнаружить ряд разнотипных отклонений, каждое из которых привносит дополнительные смыслы. Новые смыслы, действительно, рождаются на границе текста и звука. Башлачёв-исполнитель актуализирует неявное содержание, направляя процесс смыслообразования в сознании реципиента. Отклонения нередко значительно корректируют изначальный текст, делая его более острым идейно, усиливая драматизм сюжетной ситуации выбора и трагичность звучания темы.

Список литературы

1. Башлачёв А. Стихи. М., 1997.
2. Гавриков В. А. Песенная поэзия как полисубтекстуальное образование // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. №1. С. 53–64.
3. Гавриков В. А. Песенная поэзия XX века как текст. Брянск, 2011.
4. Доманский Ю. В. Русская рок-поэзия: вопросы текстологии и издательская практика // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2002. №6. С. 97–103.
5. Нефедов И. В., Огрызко Е. В. Текст и рок-текст как художественный феномен // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. №2–1. URL: <http://publikacia.net/archive/2015/2/1/67> (дата обращения: 29.02.2017).
6. Свиридов С. В. А. Башлачёв. «Рыбный день» (1984). Опыт анализа // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2001. №5. С. 93–106.
7. Свиридов С. В. Рок-искусство и проблема синтетического текста // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2002. №6. С. 5–32.
8. Свиридов С. В. Песня как речь и язык // Поэзия и песня В. С. Высоцкого: Пути изучения : сб. науч. ст. Калининград, 2006.

9. Цвигун Т.В. Логоцентрические тенденции в русской рок-поэзии // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2002. №6. С. 104–114.

10. Ярко А.Н. Рок-песня в аспекте вариативности: синтетическая природа и парадигмальная закреплённость // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2008. №10. С. 6–20.

Об авторах

Говорухина Юлия Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; профессор, филиал ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия», Россия.

E-mail: yuliya_govoruhina@list.ru

Ступакова Елена Юрьевна, магистрант, Сибирский федеральный университет, Россия.

E-mail: stupakova.e.yu@yandex.ru

Для цитирования:

Говорухина Ю.А., Ступакова Е.Ю. Поздняя поэзия А. Башлачёва: вариативность исполнения и новые смыслы // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 9, №1. С. 77–85. doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-6.

THE LATE POETRY OF A. BASHLACHEV: CHANGES IN PERFORMANCE AND NEW MEANINGS

Yu. A. Govorukhina^{1, 2}, E. Yu. Stupakova³

¹ Kaliningrad branch of the N.G. Kuznetsov Naval Academy
82 Sovetsky Pr, Kaliningrad, 236036, Russia

² Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo Str., Kaliningrad, 236016, Russia

³ Siberian Federal University
79 Svobodny per., Krasnoyarsk, 660041, Russia

Submitted on December 7, 2017

doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-6

This article investigates variations in a synthetic text manifested in word, sound, and performance. Based on earlier literary studies of the synthetic art phenomenon and its relevant methods, the authors set a theoretical and analytical framework for this research. The object of the study is verbal and musical subtexts, each performing a meaning-construction function. The difference between the performed and written texts is significant from the perspective of the capacities of meanings. However, the performed and written variants of the same text are equivalent. The study of variations in A. Bashlachev's texts is based on comparison and meaning-based correlation between subtexts. The article examines A. Bashlachev's late works linked by the cross-cutting theme of poetry and the Poet. A. Bashlachev's vision of the Poet's mission and life tragedy and an inevitable conflict between the Poet, on the one hand, and the authorities and the crowd, on the other. Ideational components set a framework for a correlation analysis of variations in A. Bashlachev's texts. The authors compare Bashlachev's late written texts and their performed variants. The authors identify deviations from the written texts – syntactically unmotivated pauses, pause reductions, onomatopoeia, pro-

nunciation irregularities, inclusion of new words and interjections, and rearrangement of fragments. Each deviation produces an additional meaning. As a performer, A. Bashlachev alters the original text at the level of the verbal and musical subtexts to bring to the surface its implicit content. It affects the perception of meaning by the recipient. Deviations often introduce significant changes to the original text and make it more pungent and dramatic to emphasise the tragedy of the Poet.

Key words: Bashlachev, rock poetry, subtext, synthetic art.

References

1. Bashlachev, A., 1997. *Stikhi* [Poems]. Moscow.
2. Gavrikov, V. A., 2010. Song poetry as polysubtextual formation. *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of the A. S. Pushkin Leningrad State University], 1, pp. 53–64.
3. Gavrikov, V. A., 2011. *Pesennaya poeziya XX veka kak tekst* [Song poetry of XX century as a text]. Bryansk.
4. Domanskii, Yu. V., 2002. Russian rock poetry: questions of textology and publishing practice. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian rock poetry: text and context], 6, pp. 97–103.
5. Nefedov, I. V., Ogryzko E. V., 2015. Text and rock text as an artistic phenomenon. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual problems of the humanities and natural sciences], 2–1. Available at: <http://publikacia.net/archive/2015/2/1/67> [Accessed at: 29 February 2017].
6. Sviridov, S. V., 2001. A. Bashlachev. "Fish Day" (1984). Experience of analysis. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian rock poetry: text and context], 5, pp. 93–106.
7. Sviridov, S. V., 2002. Rock art and the problem of synthetic text. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian rock poetry: text and context], 6, pp. 5–32.
8. Sviridov, S. V., 2006. *A song like speech and language*. In: *Poeziya i pesnya V. S. Vysotskogo* [Poetry and song of V. S. Vysotsky: Ways of studying]. Kaliningrad.
9. Tsvigun, T. V., 2002. Logocentric tendencies in Russian rock poetry. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian rock poetry: text and context], 6, pp. 104–114.
10. Yarko, A. N., 2008. Rock song in terms of variability: synthetic nature and paradigmatic fixation. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian rock poetry: text and context], 10, pp. 6–20.

The authors

Dr Yulia Govorukhina, Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University; Professor, the Naval Academy of Russia, Russia.

E-mail: yuliya_govoruhina@list.ru

Elena Yu. Stupakova, MA student, Siberian Federal University, Russia.

E-mail: stupakova.e.yu@yandex.ru

To cite this article:

Govorukhina Yu. A., Stupakova E. Yu. 2018, The Late Poetry of A. Bashlachev: Changes in Performance and New Meanings, *Slovo.ru: baltiiskij accent*, Vol. 9, no. 1, p. 77–85. doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-6.

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АРГУМЕНТАЦИИ
В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ КОНЦА XIX ВЕКА
(на материале речи прокурора
в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»)**

М. В. Зрелова¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, 14
Поступила в редакцию 24.12.2017 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-7

Рассматриваются языковые средства выражения аргументации в судебном дискурсе на примере обвинительной речи прокурора – литературного героя романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Выявляются логические и психологические виды аргументации, характерные для судебных речей конца XIX века. Такие тексты отличаются сложными тезисно-аргументативными структурами с использованием многообразных прагматико-риторических средств, а также приемов и сложных предложений с разными типами связи. При этом убедительность речи прокурора достигается за счет чрезмерного эмоционального воздействия на присяжных заседателей. Делается вывод, что аргументативная речь судебных ораторов имеет свои отличительные особенности ввиду институционального характера данного дискурса, что предполагает наличие специфических языковых средств. Отмечается, что при употреблении языковых средств прагматико- и логико-риторического характера необходимо учитывать правила уместности их употребления. Злоупотребление риторическими приемами влечет непреднамеренные коммуникативные ошибки, которые могут привести к коммуникативному провалу. Однако в художественном произведении аргументативная речь с подобным набором языковых средств может усиливать не только эстетическое воздействие на читателя, но и композиционную, когнитивную, логическую, иллюкативную, экспрессивно-прагматическую рельефность и выразительность повествования.

Ключевые слова: аргументация, прагматика, риторика, когнитивный подход, судебный дискурс, художественный дискурс, обвинительная речь прокурора.

Интерес ученых к способам убеждающего воздействия при построении аргументированных высказываний, в частности в судебной речи, не перестает расти. Существует множество подходов к изучению аргументации, среди них логический, риторический, диалектический, или прагматодialeктический, когнитивный. «Каждая из этих моделей эффективна в своей области, однако каждая из них в отдельности ограничена и не может дать целостного воспроизведения аргументации в реальном тексте» [2, с. 140]. Целесообразнее изучать аргументацию и языковые средства ее выражения в совокупности подходов. На сегодняш-

ний день языковеды проводят исследования судебных речей «с позиций когнитивной лингвистики, которая позволяет объединить когнитивно- и коммуникативно-дискурсивные аспекты в процессе лингвокогнитивного анализа текста» [1, с. 173]. Однако системная модель аргументации, разработанная В. Н. Брюшинкиным, которую он определяет как «модель аргументации, соединяющую в себе логический, когнитивный и риторический подходы» [2, с. 140–141], на наш взгляд, является наиболее перспективной для анализа аргументации в тексте судебных решений в художественном произведении.

Отметим, что в случае с художественной речью следует говорить не об аргументации как таковой, с которой связывается прежде всего логическая составляющая коммуникативного процесса, а об убеждающем общении. Иными словами, как указывают И. Д. Копцев и Н. В. Кутдинова, убеждающее общение, в отличие от чисто аргументативного, предполагает наличие автосемантических форм речи, с помощью которых формулируется то, что затем становится предметом речевого акта убеждения, то есть аргументации [8, с. 172].

Судебная речь выступает основным способом коммуникации в суде, произносится во время судебного заседания и представляет собой «изложение выводов оратора по данному делу и его возражения другим ораторам (речь прокурора, речь адвоката, речь подсудимого в свою защиту, речь потерпевшего, реплика как особый вид судебной речи)» [1, с. 170]. Перечисленные виды судебных речей мы можем отнести, ссылаясь на К. А. Устинову [13, с. 127], к устным жанрам судебного дискурса, который, в свою очередь, является разновидностью дискурса юридического и, как следствие, обладает ярко выраженным институциональным характером [13, с. 125–126]. Данная особенность судебного дискурса и его жанров позволяет выделить его в качестве специального объекта анализа, что объясняется его когнитивно-дискурсивной спецификой [11].

Судебные речи главных участников судебного заседания — адвоката и прокурора — призваны выполнять следующие функции: «доказать факт виновности/невиновности обвиняемого, убедить состав суда в истинности данного факта и воздействовать на судей и присяжных в процессе судебных прений» [12, с. 5]. Таким образом, судебная речь — это убеждающая речь, поскольку «в основании судебного красноречия лежит необходимость *доказывать* и *убеждать*, то есть, иными словами, необходимость склонить слушателей присоединиться к своему мнению» [7, с. 84]. А убеждающая речь есть результат аргументационной речевой деятельности [12, с. 13], поскольку «*обоснование* и *убеждение* являются фундаментальными принципами аргументации» [4, с. 24].

Исходя из принятой нами системной модели, аргументацию будем понимать как «акт коммуникации, в котором некоторый субъект *сознательно* производит изменения в системе убеждений другого субъекта путем *обоснования* или *опровержения* убеждений» [2, с. 141–142] (курсив автора. — М. З.).

Итак, упомянутые выше функции судебной речи — доказательство, убеждение и воздействие — реализуются посредством использования

рационалистических, логических и риторических методов и приемов, имеющих под собой когнитивную основу, которая и предопределяет выбор тех или иных языковых средств для достижения конечного результата любого судебного процесса.

Наше исследование посвящено анализу языковых средств аргументации в художественном произведении XIX века — романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», в связи с этим необходимо учитывать, что набор языковых средств будет отражать специфику двух дискурсов — художественного и включенного в него судебного, а это значит, что аргументация, являясь средством создания художественного образа [3, с. 106] и будучи интеллектуально-речевой деятельностью субъекта, коррелирует с эстетической функцией языка, предполагающей преобладание разговорной речи и изобразительно-выразительных средств (тропов и фигур), которые и вне художественного дискурса широко используются в судебных речах для эмоционального воздействия на слушающих.

События в романе Ф. М. Достоевского происходят спустя примерно 16 лет после принятия Судебной реформы 1864 года, когда был введен суд присяжных и учреждена присяжная адвокатура. С этого времени в России начинает развиваться судебное красноречие, ставшее составной частью судебного ораторского искусства — эффективным средством воздействия на эмоции реципиентов, которое выступает как необходимый элемент убеждения [6, с. 8, 80–81].

Именно на эмоции суда и присяжных делает ставку прокурор в своей речи, поскольку, «когда какую-либо мысль нельзя доказать логически, оратор пытается воздействовать на чувства слушателей, стараясь этим заменить отсутствие аргументов» [6, с. 81]. Кроме того, прокурор в романе «злоупотребляет предположительными выводами и чрезмерно увлекается психологией, в результате чего обвинение превращается в беллетристику» [10], и «зачастую так увлекается вовлечением публики в ход своих мыслей, что уходит далеко от сути вопроса» [10, с. 32].

Проанализируем содержание речи прокурора на предмет наличия в нем аргументативной составляющей и выявим коммуникативно-прагматические особенности ее построения и стилистическую функцию используемых автором произведения языковых средств. Прежде всего необходимо отметить, что в обвинительной речи судебный оратор использует определенный и весьма разнообразный набор языковых средств и приемов, направленных на убеждение присяжных в виновности подсудимого. Большинство выдвигаемых им тезисов несет второстепенную нагрузку применительно к уголовному делу, а аргументы к ним по своей структуре являются, как правило, сочинительными (когда каждый из доводов, взятый в отдельности, недостаточен для доказательства) и подчинительными (когда аргументы поддерживают друг друга, выступают дополнительными доказательствами).

Следующие примеры демонстрируют логические способы косвенного доказательства и убеждения. Интересно, что в своей речи прокурор не останавливается на, казалось бы, доказанных тезисах, он выдвигает антитезисы, чтобы подкрепить достоверность первых.

Тезис 1: Смердяков не убивал Федора.

Серия аргументов: Обвинять Смердякова в убийстве — совершенный абсурд.

(1.1) «*Видите ли, господа присяжные заседатели, в доме Федора Павловича в ночь преступления было и перебывало пять человек: (1.1.1) во-первых, сам Федор Павлович, но ведь не он же убил себя, это ясно; (1.1.2) во-вторых, слуга его Григорий, но ведь того самого чуть не убили; (1.1.3) в-третьих, жена Григория, служанка Марфа Игнатьева, но представить ее убийцей своего барина просто стыдно. Остаются, стало быть, на виду два человека: подсудимый и Смердяков. (1.1.4) Но так как подсудимый уверяет, что убил не он, (1.1.5) то, стало быть, должен был убить Смердяков, другого выхода нет, ибо никого другого нельзя найти, никакого другого убийцы не подберешь. Вот, вот, стало быть, откуда произошло это “хитрое” и колоссальное обвинение на несчастного, вчера покончившего с собой идиота! Именно только по тому одному, что другого некого подобрать! Будь хоть тень, хоть подозрение на кого другого, на какое-нибудь шестое лицо, (1.1.6) то я убежден, что даже сам подсудимый постыдился бы показать тогда на Смердякова, а показал бы на это шестое лицо, ибо обвинять Смердякова в этом убийстве есть совершенный абсурд» (5, с. 959).*

Данный аргумент назовем аргументом к здравому смыслу и к призыву совести. Он по своей сути является аргументом к логике, но, несмотря на это, имеет сложную структуру, сочетающую множественную и подчинительную аргументации, когда, с одной стороны, аргументы не зависят друг от друга и, в принципе, равноценны, а с другой — поддерживают друг друга. Словами-индикаторами множественной аргументации послужили вводные слова: *во-первых, во-вторых, в-третьих*; индикаторами подчинительной аргументации выступают вводное сочетание *стало быть* и союзы *ибо, так как*.

Риторическими и грамматическими средствами, усиливающими убеждающее воздействие, в приведенных примерах являются: вводное выражение *видите ли* и традиционное для зала судебных заседаний обращение к присяжным — *господа присяжные заседатели* — с целью привлечь их внимание; противительный союз *но* с усилительной частицей *ведь*; частица *вот* в восклицательном предложении; градация (“*хитрое*” и *колоссальное обвинение*); лексические повторы).

Многочисленные лексические повторы в речи прокурора (выделены жирным шрифтом) выполняют суггестивную функцию, придают ей больше экспрессивности, что усиливает убеждающее воздействие на присяжных заседателей, поскольку таким образом оратор выделяет ключевое слово, на значение которого нужно обратить внимание. Следует отметить, что лексические повторы являются для обвинителя излюбленным приемом убеждения.

Антитезис 2: Смердяков, замыслив убийство, несмотря на свою трусость, рассказывает все обстоятельства заинтересованному лицу, чтобы заранее снять с себя обвинения.

Аргументы:

(2.1) «*Да, скажут мне, но ведь он сообщил от страха. Но как же это? Человек, не смигнувший задумать такое бесстрашное и зверское дело и потом исполнить его, — сообщает такие известия, которые знает только он в целом мире и о которых, если бы только он об них умолчал, никто и не догадался бы никогда в целом мире. Нет, уж как бы ни был труслив человек, а*

уж если такое дело задумал, то *уже* ни за что *бы* не сказал никому по крайней мере про пакет и про знаки, ибо это значило *бы* вперед всего себя выдать. Что-нибудь выдумал *бы* нарочно, что-нибудь налгал *бы* другое, если *уж* от него непременно требовали известий, а *уж* об этом *бы* умолчал! *Напротив*, повторяю это, если *б* он промолчал хоть только об деньгах, а потом убил и присвоил эти деньги себе, то *никто бы никогда в целом мире* не мог *обвинить его* по крайней мере в убийстве для грабежа, ибо денег этих ведь *никто*, кроме него, не видал, *никто* не знал, что они существуют в доме. Если *бы* даже и *обвинили его*, то непременно сочли *бы*, что он из другого какого-нибудь мотива убил. Но так как мотивов этих за ним *никто* предварительно не приметил, а все видели, *напротив*, что он барином любим, почтен бариновою доверенностью, то, *конечно бы*, его последнего и *заподозрили*, а *заподозрили бы* прежде всего такого, который *бы* имел эти *мотивы*, кто сам кричал, что имеет эти *мотивы*, кто их не скрывал, перед всеми обнаруживал, одним словом, *заподозрили бы сына* убитого, Дмитрия Федоровича. Смердяков *бы* убил и ограбил, а *сына бы* обвинили — ведь Смердякову-убийце *уж конечно* было *бы* это выгодно? Ну, так вот этому-то *сыну* Дмитрию Смердяков, замыслив убийство, и сообщает вперед про деньги, про пакет и про знаки — как это логично, как это ясно!» [5, с. 960—961].

Аргумент к данному антитезису, несмотря на свою сложную логическую структуру, представленный отрицающим модусом условия, выраженным сложноподчиненными предложениями с придаточной частью предполагаемого условия, из-за наличия в нем риторических тропов и фигур: лексических повторов, гиперболы (*в целом мире*), релятива (*Нет, уж как бы ни был труслив человек...*), риторических вопросов и восклицаний — имеет психоэмоциональную основу, и его можно было бы назвать аргументом от условного положения дел.

Кроме того, мы считаем, что данный аргумент не столь очевиден и даже несколько противоречит выдвигаемому тезису, поэтому его можно назвать софистическим.

Итак, подводя итог нашему анализу, можно сделать следующие выводы не только по приведенным примерам, но и по речи прокурора в целом.

1. Речь прокурора по своей структуре — с точки зрения построения аргументации — сложна, сочетает в себе множественную и сочинительную-подчинительную аргументацию. Прокурор, на наш взгляд, так строит свою речь осознанно, потому что, возможно, учитывает разнородность аудитории или не уверен в достаточности только одного довода, поэтому, как отмечают исследователи, «его речь иронична, что проявляется в тщательной передаче многословных, тяжеловесных, иногда спекулятивных инсинуаций по поводу мотивов убийства» [10, с. 33]; также прокурор «злоупотребляет предположительными выводами и чрезмерно увлекается психологией» [9].

2. С точки зрения выбора аргументов прокурор использует традиционные для того времени виды аргументации — как логические, так и психологические, при этом последними, на наш взгляд, злоупотребляет.

3. Обвинительная речь является классическим примером диалогизации монологического высказывания за счет употребления глаголов, побуждающих к действию (*вспомните; вспомним; уговоримся заранее: вы мне не верьте... но все-таки кое-что из слов моих не забудьте; заметьте и т.д.*); лекторского *мы*, которое объединяет оратора и состав суда в про-

цессе поиска истины («никогда бы мы без нее не узнали»; «И что же мы читаем почти повседневно?» и т. д.); приведением в своей речи несобственно-прямой и прямой речи свидетелей или участников судебного процесса («на заднем дворе без сапожек», как выразился давеча наш почтенный и уважаемый согражданин») и т. д.

4. Речь богата усилительными частицами и междометиями, которые используются как дополнительные средства придания речи эмоциональности: междометие *о* в восклицательных предложениях (частота употребления в речи прокурора — 42 раза), частицы *все-таки* (18 раз), *все же* (13 раз), *разве* (11 раз), *неужели* (2 раза).

5. Кроме того, аргументативная речь обвинителя богата прагматико-риторическими приемами коммуникации: речевые клише, характерные для судебного слушания, риторические вопросы, восклицания, повторы, тропы (метафоры, эпитеты, гиперболы). Отдельное внимание прокурор уделяет иронической форме изложения и анализа материалов суда, что придает его речи еще большую остроту и убедительность, несмотря на наличие судебных ошибок и неполную состоятельность приводимых аргументов.

В заключение добавим, что проведенный анализ доказал, что аргументативная речь судебных ораторов имеет свои отличительные особенности ввиду того, что судебный дискурс, являясь дискурсом институциональным, предполагает наличие вышперечисленных языковых средств. При этом применять языковые средства прагматико- и логикориторического характера необходимо с учетом правил уместности их употребления и ориентацией на собеседника. Злоупотребление риторическими приемами влечет за собой непреднамеренные коммуникативные ошибки, которые в последствии могут привести к коммуникативному провалу. Однако в художественном произведении аргументативная речь с подобным набором языковых средств усиливает не только эстетическое воздействие на читателя, но и композиционную, когнитивную, логическую, иллюкативную, экспрессивно-прагматическую рельефность и выразительность повествования.

Список литературы

1. Бачалиашвили О. В. Аргументация как речевое действие в судебном дискурсе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. Вып. 4, т. 1. С. 169–175.
2. Брюшинкин В. Н. Системная модель аргументации // Трансцендентальная антропология и логика : труды международного семинара «Антропология с современной точки зрения» и VIII Кантовских чтений. Калининград, 1999. С. 137–160.
3. Волков А. А. Теория риторической аргументации. 2-е изд., испр. и доп. М., 2013.
4. Демина Л. А. Теория и практика аргументации : учеб. пособие. М., 2014.
5. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М., 2016.
6. Ивакина Н. Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов) : учеб. пособие. 2-е изд. М., 2007.
7. Кони А. Ф. Избранные произведения : в 2 т. Т. 1: Статьи и заметки. Судебные речи. М., 1958.
8. Коцев И. Д., Кутдинова Н. В. К прагматике аргументативной речи в художественном дискурсе (на материале романа Т. Манна «Будденброки») // РАЦИО.ru. 2013. №11. С. 168–186.

9. Котов С.Л. Что имел в виду Достоевский? Российская адвокатура в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». 2014. URL: http://kotov-s-l.livejournal.com/#kotov_s_1262906 (дата обращения: 14.11.2017).

10. Нестеренко К.В. Анализ речей как способ характеристики героев и воссоздания фрагмента наивной картины мира «суд» (на примере романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы») // Научно-методический журнал. ХНПУ. 2012. №1–2 (46). С. 32.

11. Основы судебного речеведения : монография / под ред. М.В. Горбаневского. М., 2003.

12. Пиримова Н.В. Когнитивная обусловленность и стилевое своеобразие судебных речей Ф. Н. Плевако : дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2006.

13. Устинова К.А. Институциональные признаки судебного дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2011. Вып. 60, №33. С. 125–127.

Об авторе

Зрелова Маргарита Валерьевна, соискатель, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: libra_05@mail.ru

Для цитирования:

Зрелова М.В. Языковые средства выражения аргументации в судебном дискурсе (на материале речи прокурора в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы») // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №1. С. 86–93. doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-7.

LINGUISTIC MEANS EXPRESSING ARGUMENTATION IN JUDICIAL DISCOURSE LATE 19th: THE PROSECUTOR'S SPEECH IN DOSTOEVSKY'S *THE BROTHERS KARMAZOV*

M. V. Zrelova¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal
14 A. Nevskogo Str., Kaliningrad, 236041, Russia
Submitted on December 24, 2017
doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-7

*This article analyses linguistic means of expressing argumentation in judicial discourse as used in the prosecutor's speech in F.M. Dostoevsky's *The Brothers Karamazov*. The author identifies logical and psychological types of argumentation characteristic of the 19th-century courtroom speeches. Such speeches use a complex structure of theses and arguments and employ various pragmatic and rhetorical means and devices alongside compound and complex sentences. The force of persuasion of the prosecutor's speech depends on its emotional effect on the jury. The author concludes that the distinctive characteristics of speeches delivered to present arguments in court stem from the institutional nature of this type of discourse and the use of specific linguistic means. When employing pragmatic and logical and rhetorical linguistic means, it is necessary to follow the rules of usage and consider the suitability of such means. An excessive use of rhetorical devices leads to unintended communicative mistakes and may cause a communicative failure. In a work of fiction, such a use of a linguistic means can contribute to the overall aesthetic effect as well as to the compositional, cognitive, logical, illocutive, expressive, and pragmatic expressiveness of the narrative.*

Key words: *argumentation, pragmatics, rhetoric, cognitive approach, judicial discourse, literary discourse, prosecutor's speech.*

References

1. Bachaliashvili, O.V., 2013. Argument as the speech act in the judicial discourse. *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of the A. S. Pushkin Leningrad State University], 4(1), pp. 169–175.
2. Brjushinkin, V.N., 1999. The system model of argumentation. In: *Transcendental'naja antropologija i logika: Trudy mezhdunarodnogo seminara «Antropologija s sovremennoj točki zrenija» i VIII Kantovskih čtenij* [Transcendental Anthropology and Logic: Proceedings of the International Seminar "Anthropology from a Modern Perspective" and the VIII Kantian Readings]. Kaliningrad. pp. 137–160.
3. Volkov, A. A., 2013. *Teorija ritoricheskoj argumentacii* [The theory of rhetorical argumentation]. Moscow.
4. Demina, L. A., 2014. *Teorija i praktika argumentacii: uchebnoe posobie* [Theory and practice of argumentation: a tutorial]. Moscow.
5. Dostoevskij, F. M., 2016. *Brat'ja Karamazovy* [The Brothers Karamazov]. Moscow.
6. Ivakina, N.N., 2007. *Osnovy sudebnogo krasnorečija (ritorika dlja juristov)* [Foundations of forensic eloquence (rhetoric for lawyers)]. Moscow.
7. Koni, A.F., 1958. *Izbrannye proizvedenija. Tom 1. Stat'i i zametki*. Sudebnye reči [Selected works. Vol. 1. Articles and notes. Forensic speech]. Moscow.
8. Koptsev I.D., Kutdinova N.V. 2013. To speech pragmatic argument in the artistic discourse (on the material of the novel of T. Mann "Buddenbrooks"). *RACIO.ru*, 11, pp. 168–186.
9. Kotov, S.L., 2014. *Čto imel v vidu Dostoevskii? Rossijskaja advokatura v romane F. M. Dostoevskogo «Brat'ja Karamazovy»* [What did Dostoevsky mean? Russian bar in the novel F. M. Dostoevsky "The Brothers Karamazov"]. Available at: http://kotov-s-l.livejournal.com/#kotov_s_1262906 [Accessed 23 June 2017].
10. Nesterenko, K.V., 2012. Analysis of speeches as way characteristics of the characters and recreate the fragment of the naive picture of the world "the court" (on the novel by F. Dostoevsky "The Brothers Karamazov"). *Nauchno-metodičeskij žurnal* [Scientific-methodical journal], 1–2(46), pp. 32.
11. *Osnovy sudebnogo rečevedenija: Monografija / Pod red. prof. M.V. Gorbanevskogo*. [The Foundation of the court receivedany: Monograph / Under the editorship of Professor M. V. Gorbanevskaya]. Moscow, 2003.
12. Pirinova, N.V., 2006. *Kognitivnaja obuslovlennost' i stilevoe svoeobrazie sudebnyh rečej F. N. Plevako* [Cognitive conditionality and the stylistic peculiarity of the judicial speeches of F. N. Plevako]. Cand. philol. sci. diss. Taganrog.
13. Ustinova, K. A., 2011. Institutional characteristics of judicial discourse. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologija. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Ser.: Philology. History of Art], 33(60), pp. 125–127.

The author

Margarita V. Zrelava, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: libra_05@mail.ru

To cite this article:

Zrelava M. V. 2018, Linguistic Means Expressing Argumentation in Judicial Discourse late 19th: The Prosecutor's Speech in Dostoevsky's The Brothers Karamazov, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 1, p. 86–93. doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-7.

ИСКУССТВО «ЛЕВОГО НЕПРИЛИЧИЯ»
КАК СПОСОБ ДИСКРЕДИТАЦИИ ИМПЕРСКОЙ ВЛАСТИ:
ЭЙЗЕНШТЕЙН, БАБЕЛЬ, ЛУНАЧАРСКИЙ

М. П. Тренихина¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
105066, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20
Поступила в редакцию 20.06.2017 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-8

Исследование посвящено методу «левого неприличия», возникшему в русле левого искусства в начале Советского периода. Наша задача – дать определение данному методу, описать его приемы, а также выяснить, с какой целью он использовался в данный период. Мы предполагаем, что «левое неприличие» возникло в просоветском искусстве и было связано с тем, что советская власть испытывала потребность в легитимации, невозможной без дискредитации предшествующей имперской власти. В связи с этим «левое неприличие» было призвано дискредитировать имперскую власть, представить новый взгляд, новую оценку имперского наследия. Ключевой задачей данного метода стало принижение значимости и осмеяние этого наследия, что достигалось с помощью столкновения в одном пространстве или образе явлений «высокого» (предметов, касающихся религиозного культа или имперской власти) и «низкого» (предметов, касающихся «низменных» физиологических процессов или сексуальности) порядков. В данной работе дается определение «левого неприличия» и описывается история его возникновения, а также предлагается сопоставительный анализ фильма С. Эйзенштейна «Октябрь», публицистической работы А. Луначарского «Почему мы охраняем дворцы Романовых (Путевые впечатления)» и рассказа И. Бабеля «Дорога». Анализ данных произведений позволяет продемонстрировать, как реализовались на практике приемы «левого неприличия», а также предположить, насколько они были эффективны за счет того количественного эффекта, который виден в них даже современному читателю или зрителю.

Ключевые слова: *левое искусство, левое неприличие, авангард, раннесоветское искусство.*

При исследовании метода раннесоветского искусства, получившего название «левое неприличие», мы попытались дать его определение, рассмотреть историю его возникновения и развития, стоявшие перед ним задачи и приемы, с помощью которых они решались, а также проанализировать несколько примеров использования этого метода в разных видах искусства.

Прежде чем перейти к разговору о «левом неприличии», необходимо определить границы более широкого понятия – «левое искусство». Впервые оно возникает в трудах советских авангардистов начала 1920-х годов, когда слова «левое» и «правое» были частью политического словаря и использовались для выражения дихотомии «прогрессивное (социалистическое, марксистское) – консервативное (капиталистическое)».

В наиболее широком смысле под левым искусством понимается все искусство авангарда — в противоположность традиционному, консервативному искусству. Однако важно учитывать тесную связь этого понятия с политикой. Поскольку слово «левый» стало частью политического словаря, цели искусства, названного левым, тоже воспринимаются как политические и видятся, в первую очередь, в борьбе с капиталистическим (а в случае с раннесоветским искусством — имперским) устройством мира [6].

Термин «левое неприличие» входит в употребление после публикации в журнале «Зрелища» статьи левовца Бориса Арватова «Театральная парфюмерия и левое неприличие», в которой он заявляет о важнейших последствиях этого явления в искусстве:

А. Удар по самым священным традициям буржуазной эстетики, по Маргаритам и Фаустам, по соловьиным вздохам и Настям с разукрашенного «Дна».

Б. Разрушение стены между матерьялами быта и матерьялами сцены: отныне нет той сферы быта, которая была бы запретной для художника, — театр отныне *деэстетизирован* [1, с. 7].

Несмотря на то что статья Арватова посвящена театру, в ней утверждаются принципы, характерные для «левого неприличия» в любом виде искусства, будь то театр, кинематограф или живопись. Важнейшим, безусловно, является принцип деэстетизации, а также обращения к низменным предметам быта, что позволяет совершить этот «удар по самым священным традициям буржуазной эстетики» и делает этот удар наиболее эффективным.

Как работает «левое неприличие», за счет чего происходит деэстетизация и десакрализация бывших когда-то традиционными ценностей? Суть этого приема или, по выражению Юрия Цивьяна, «революционного жеста»² заключается в том, чтобы «перевернуть ценностный мир» путем «обмена местами высокого и низкого», «державного верха и телесного низа» [7, с. 183]. В качестве яркого примера подобного «обмена» Цивьян приводит появившуюся в 1905 году в сатирическом журнале карикатуру, поводом к которой стал манифест Николая II, обещающий конституционные свободы (рис. 1). На первый взгляд, картинка,

Рис. 1. Карикатура «Орел-оборотень»

² Книга Ю. Цивьяна «На подступах к карпалитике: движение и жест в литературе, искусстве и кино» посвящена изучению жестов в искусстве. При этом автор рассматривает не только жесты, буквально изображенные в произведении искусства, но и жесты, заложенные в нем и необходимые для его понимания (см. далее пример изображения, которое требует перевертывания).

озаглавленная «Орел-оборотень», изображает имперского двуглавого орла, однако догадливый читатель журнала, перевернув карикатуру, «превратит орла-оборотня в потерявшего стыд (и штаны) русского царя и узнает, что именно, приподняв мантию, царь этой конституцией показал русскому народу» [7, с. 183].

В данной статье не анализируются все ситуации использования приема «левого неприличия» с целью дискредитации и десакрализации имперской власти и присущих ей ценностей. В частности, не рассматривается левый театр, где этот прием зародился, использовался особенно часто и, по свидетельствам современников, успешно, в силу того, что о нем остались в основном письменные свидетельства (воспоминания современников, рецензии театральные критиков и т. д.), а это существенно затрудняет анализ. Остановимся на тех случаях, когда этот прием использовался для десакрализации пространств имперской власти, в частности императорских покоев, и рассмотрим три примера из разных сфер культуры и искусства: фрагмент фильма Сергея Эйзенштейна «Октябрь», подробно проанализированный Ю. Цивьяном, рассказ Исаака Бабеля «Дорога» и, наконец, письма наркома просвещения Луначарского «Почему мы охраняем дворцы Романовых (Путевые впечатления)».

Начнем с текста Луначарского, во-первых, исходя из хронологической логики: работа впервые была опубликована в «Красной газете» в 1926 году, за два года до выхода фильма Эйзенштейна и за шесть лет до публикации рассказа Бабеля. Во-вторых, этот текст — благодаря должности автора — имел большое влияние на современников и формировал определенный фон, придавая (в некоторой степени) «левому неприличию» статус официального курса советской культуры. Сосредоточимся на последнем из трех писем, составляющих текст Луначарского, так как именно в нем он подробно описал покои семьи Романовых, используя приемы «левого неприличия».

В изображении покоев Николая II, на наш взгляд, Луначарский в максимальной степени реализовал ярчайшие штампы «левого неприличия» (характерно, что именно последний царь из династии Романовых подвергся наибольшему нападкам: перед советской властью стояла цель дискредитировать, в первую очередь, непосредственно предшествовавшую ей эпоху Николая II):

А дальше — партикуляризм Николая II. Квартира намного уютнее, потолки выше, напущено много мнимого изящества. <...> Его тянет к еще большему «уюту», он все заплывивает фотографическими карточками, мелкими, грошовыми безделушками, открытками и пятикопеечными иконами. Он и его семья неудержимо скользят до обстановки горничной при среднебуржуазной семье. И к этому еще какой-то странный привкус, какой-то странный запах: около изголовья масса икон, из них некоторые с корявыми надписями Распутина; горят лампы на деревянном масле, а тут же клозет. Восседавая там на троне, Николай может обозревать дорогие лики своих родственников. Особенно любит он вешать в клозетах портрет красивой сестры своей жены. Такое смешение мещанской безвкусицы и самого тупого, безумного мистицизма и непроходимой, болезненной половой пошлости, что изо всех этих покоев уходишь с каким-то содроганием гадливости [5].

Луначарский в этом отрывке упоминает множество предметов интерьера, которые можно условно разделить на три пласта. Первый — высокий, пласт религии, высокой духовной культуры: «масса икон», «лампады на деревянном масле». Второй — относительно нейтральный (хоть и оцениваемый Луначарским негативно) пласт «мещанского уюта», или, как называет его Цивьян, китча: «фотографические карточки», «грошовые безделушки», «открытки», «пятикопеечные иконки». И, наконец, третий — низкий пласт физиологии: «клозет», «трон» (здесь, безусловно, в переносном, саркастическом смысле).

Анализируя монтаж Эйзенштейна в «Октябре», Цивьян пишет, что режиссер предлагает поверить «в пространство не менее скандальное, чем пространство фильмов Бунюэля, — царскую квартиру, где в центре спальни красуется унитаз...» [7, с. 205], однако мы видим, что этот конструкт — не революционная придумка Эйзенштейна, как считает Цивьян, а всего лишь реализация схемы, уже заданной Луначарским³. Безусловно, сомнений в том, что это именно «конструкт», а не реальное описание царских покоев, не возникает, а планы дворца свидетельствуют о том, что «клозет» и царские покои были разными помещениями (рис. 2).

Рис. 2. План дворца Романовых

Не менее важным представляется отметить игру со вторым, ироничным значением слова «трон», которое использует Луначарский. Это как раз классический случай переворота, обмена местами «державного верха» и «телесного низа». Здесь Луначарский задействует штамп, который прежде уже использовался в театре и кинематографе. Впервые он был использован, вероятно, в спектакле «Земля дыбом», поставленном в театре Мейерхольда, — об этом упоминает Арватов в своей статье («...когда вместо трона Мейерхольд выкатил на сцену “ведро”...» [1]). По воспоминаниям современника И. Ильинского, «Зайчиков, играв-

³ К сожалению, в своей работе Ю. Цивьян говорит лишь о связи приемов Эйзенштейна с левым театром, а вот о работах Луначарского не упоминает, хотя, как нам кажется, это важное звено в развитии «левого неприличия».

ший какого-то царя или императора, по ходу действия должен был на глазах у зрителей садиться на горшок для отправления естественных надобностей» [3, с. 181]. Подобный пример приводит и Цивьян, описывая обнаруженный им документальный фильм 1922 года [7, с. 189].

Итак, мы видим, что текст Луначарского не только хорошо вписывался в традицию «левого неприличия» в искусстве и реализовал некоторые его штампы, он также легитимизировал эту традицию, сделал ее в каком-то смысле магистральной и задал схему дальнейшего ее использования.

Фильм Эйзенштейна (в частности, эпизод «Спальня царицы») был подробно проанализирован в работе Цивьяна, поэтому мы лишь суммируем здесь ключевые положения, касающиеся нашей темы. Цивьян отмечает, что Эйзенштейн, создавая свою интерпретацию изображаемых событий, опирается в значительной степени не на исторические документы, которые были доступны ему в полном объеме, а на газетные слухи и народную молву об императорской семье⁴. Известно, что в этих слухах императрица Александра Федоровна нередко фигурирует как «неверная жена», распространено представление о ее развратности и интимной связи с Распутиным⁵. Вероятно, этим отчасти может объясняться то, что Эйзенштейн переносит действие из кабинета царя в спальню царицы, — подобная смена пространства вместе с ходившими в то время слухами уже задают сцене оттенок неприличия.

Цивьян отмечает, что «скандальное», по его выражению, пространство, «где в центре спальни красуется унитаз и где матрос, всего лишь повернув голову, “переводит взгляд” с иконы на биде» [7, с. 205–206], возникает только в процессе повторного монтажа, в первой версии картины действие происходит в нескольких помещениях. Цивьян говорит об изменении Эйзенштейном монтажного решения как о проявлении его гениальности и новаторства, однако, проанализировав тексты Луначарского, мы можем предположить, что результат «интеллектуального монтажа»⁶ Эйзенштейна — не принципиальное и «скандальное» новаторство, а следование уже заданной схеме, оправдание зрительских (и партийных) ожиданий.

В главке «Левое неприличие в “Октябре”» [7, с. 189–200] Цивьян подробно описывает штампы этого жанра, использованные Эйзенштейном. Перечислим лишь основные из них. Прежде всего, это очередная вариация на тему «трон-горшок» и т.п.: матрос приподнимает обивку кресла царицы и обнаруживает скрытый в нем унитаз. Еще один инвариант данного мотива обыгран с помощью визуального каламбура: за крупным планом фотографии Николая II с подписью «Nicku сокольничий» (охотник на уток) следует кадр с гигиенической уткой.

⁴ Подобные слухи о разных членах императорской семьи описаны в работе историка Б. Колоницкого «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны» [4].

⁵ Подробнее см. [4, с. 241–374].

⁶ Собственный термин Эйзенштейна-теоретика, который использует и Ю. Цивьян.

Важным элементом также является десакрализация религиозного культа, которая происходит на нескольких уровнях. Первый из них — столкновение религии и китча, простых предметов бытового уюта. Аналогичный прием мы встречаем и у Луначарского, когда он упоминает «пятыкопеечные иконки» в ряду с другими бытовыми «безделушками». Второй, еще более скандальный уровень десакрализации — столкновение предметов религиозного культа с предметами из богатой эротической коллекции царской семьи, также реализуемое Эйзенштейном.

Монтаж Эйзенштейна внутренне сложно устроен и, действительно, «интеллектуален». Возможно, не все его элементы считывались публикой с первого просмотра (и еще сложнее считывать их сейчас, находясь вне контекста актуальных слухов той эпохи, повлиявших на картину), однако общая прагматика сцены в спальне царицы понятна и точно совпадает с прагматикой фрагмента текста Луначарского. Задача обоих — дискредитировать предшествующую власть путем десакрализации пространств, в которых жили ее прежние держатели.

Обратимся теперь к рассказу Бабеля «Дорога», опубликованному в 1932 году. Нужно сразу отметить, что акцент на «левом неприличии» здесь существенно менее силен, чем в фильме Эйзенштейна (отчасти это обусловлено тем, что к началу 1930-х годов данный прием стал куда менее востребован и распространен), однако важно рассмотреть и его, чтобы показать, как один и тот же прием используется в разных видах искусства. Действие второй части рассказа происходит в Аничковом дворце, где располагались покои Александра III и его жены, матери Николая II, «вдовствующей императрицы» Марии Федоровны. Рассмотрим фрагмент из рассказа:

— <...> Мне лакеи рассказывали — Александр Третий был завзятый курильщик: табак любил, квас да шампанское... А на столе у него, погляди, пятачковые глиняные пепельницы да на штанах — латки...

И вправду, халат, в который меня облачили, был засален, лоснился и много раз чинен.

Остаток ночи мы провели, разбирая игрушки Николая Второго, его барабаны и паровозы, крестильные его рубашки и тетрадки с ребячьей мазней. Снимки великих князей, умерших в младенчестве, пряди их волос, дневники датской принцессы Дагмары, письма сестры ее, английской королевы, дыша духами и тленом, рассыпались под нашими пальцами [2, с. 242].

Герой (прототипом которого предположительно является сам автор), прибывший с фронта в Петербург, встречается со своим товарищем по службе Калугиным в Аничковом дворце, где они разбирают вещи, принадлежавшие царской семье. Схожа сама ситуация рассказа и фильма Эйзенштейна: вторжение чужаков, носителей революционного сознания, в пространство имперской власти, взгляд на это пространство носителями новой культуры.

Нужно отметить, что в рассказе практически никакой роли не играет религиозная символика (за исключением упоминания крестильных

рубашек в ряду других бытовых предметов). Снижение и десакрализация пространства имперской власти здесь происходит прежде всего за счет вывода на первый план бытового пласта: в тексте Бабеля и уже упоминавшийся прежде китч («пяточковые глиняные пепельницы»), и элементы быта с упоминанием физиологических аспектов (использование халата — предмета предельно домашнего, интимного гардероба, и особенный акцент на его поношенности, «засаленности»).

Мы рассмотрели три примера использования приемов левого неприличия в разных видах искусства: литературе, публицистике и кинематографе. И можем заключить следующее: несмотря на то, что метод зародился и получил наибольшее распространение в визуальном искусстве (авангардный театр, карикатуры, пропагандистский кинематограф), он успешно использовался и в искусстве не визуальном. Метод «левого неприличия» приобрел популярность из-за того, что новая советская власть испытывала потребность утвердиться посредством отвержения, снижения, дискредитации ценностей предыдущей — имперской — власти. Одним из наиболее очевидных способов подобной дискредитации была десакрализация личных покоев членов царской семьи (а через это пространство — и самих Романовых). Десакрализация осуществлялась при помощи приемов «левого неприличия», которое подразумевало столкновение и перемену местами пластов «высокого» (атрибутов имперской власти и религиозного культа) и «низкого» (предметов бытовой и физиологической сторон жизни). Подобные приемы позволяли создать ироническую, высмеивающую имперские ценности картину, что и сделало их сильным инструментом новой идеологии.

Список литературы

1. *Арватов Б.* Театральная парфюмерия и левое неприличие // Зрелища. 1923. №31/32. С. 7.
2. *Бабель И.* Дорога // Собрание сочинений : в 4 т. М., 2005. Т. 1.
3. *Ильинский И.* Сам о себе. М., 1961.
4. *Колоницкий Б.* Образы императрицы Александры Федоровны в годы Первой мировой войны и массовая культура революционного времени // «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 241 — 374.
5. *Луначарский А. В.* Почему мы охраняем дворцы Романовых (Путевые впечатления) // Об изобразительном искусстве. М., 1982. Т. 2. С. 161 — 177. URL: http://lunacharsky.newgod.su/lib/russkoe-sovetskoe-iskusstvo/pochemu-my-ohranaem-dvorcy-romanovyh#ТОС_id659234 (дата обращения: 28.11.2017).
6. *Малютин А.* К вопросу о сущности понятия «левое искусство». URL: <http://www.1917.com/Gallery/ProletCritica/1118916025.html> (дата обращения: 05.12.2017).
7. *Цивьян Ю.* На подступах к карпалистике: движение и жест в литературе, искусстве и кино. М., 2010.
8. *Анализ киносценических образов.* URL: <http://www.actorskino.ru/kino-rossii-1895-1930/421-analiz-kinoscenicheskix-obrazov.html> (дата обращения: 26.11.2017).

Об авторе

Тренихина Мария Павловна, магистрант, НИУ «Высшая школа экономики», Россия.

E-mail: tmpsesc95@yandex.ru

Для цитирования:

Тренихина М. П. Искусство «левого неприличия» как способ дискредитации имперской власти: Эйзенштейн, Бабель, Луначарский // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №1. С. 94–102. doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-8.

THE ART OF 'LEFTIST OBSCENITY' AS A WAY TO DISCREDIT THE IMPERIAL REGIME: THE WORKS OF EISENSTIEN, BABEL, AND LUNACHARSKY

M. P. Trenikhina¹

¹ Higher School of Economics National Research University

20 Myasnienskaya Str., Moscow, 101000, Russia

Submitted on June 26, 2018

doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-8

This study deals with the method of 'leftist obscenity,' which emerged within left art in the early Soviet period. The article aims to define this method, describe its procedures, and identify the purpose it served at the time. The author assumes that 'leftist obscenity' arose within pro-Soviet art, when the Soviet government was seeking legitimation, which was impossible without discrediting the imperial regime. 'Leftist obscenity' was intended to discredit the imperial regime and to give a new perspective on the imperial heritage. The method aimed to diminish and ridicule that heritage. This was achieved by causing 'high' (objects of religious worship or imperial power) and 'low' (objects relating physiological processes or sexuality) phenomena to collide within the same space or image. This article provides a definition of 'leftist obscenity', traces the emergence of the phenomenon, and analyses S. Eisenstein's film 'October', A. Lunacharsky's essay 'Why we guard the palaces of the Romanovs (travel impressions)', and I. Babel's short story 'The Road.' The analysis of these works shows how the method of 'leftist obscenity' was employed in practice and leads to the conclusion that the method worked by producing a comic effect, which is easily communicated to the modern reader or the viewer.

Key words: left art, leftist obscenity, avant-garde, early Soviet art.

References

1. Arvatov, B. 1923. Theatrical perfumery and left indecency. *Zrelishcha* [Spectacles], 31/32, p. 7.
2. Babel, I., 2005. Road. In: I. Babel!. *Sobranie sochinenii. T. 1.* [Collected works. Vol. 1]. Moscow.
3. Il'inskii, I., 1961. *Sam o sebe* [About myself]. Moscow.
4. Kolonitskii, B., 2010. The images of the Empress Alexandra Feodorovna during the First World War and the mass culture of revolutionary time. In: B. Kolonitskii. «*Tragicheskaya erotika*»: *Obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi mirovoi voiny* [«Tragic Erotic»: Images of the Imperial Family during the First World War]. Moscow. pp. 241–374.

5. Lunacharskii, A. V., 1982. Why we guard the palaces of the Romanovs (Travel impressions). In: A. V. Lunacharskii. *Ob izobrazitel'nom iskusstve. T. 2* [On fine art. Vol. 2]. Moscow. pp. 161–177. Available at: http://lunacharsky.newgod.su/lib/russkoe-sovetskoe-iskusstvo/pocemu-my-ohranaem-dvorcy-romanovyh#TOC_id659234 [Accessed 21 November 2017].

6. Malyutin, A. *K voprosu o sushchnosti ponyatiya «levoe iskusstvo»* [To the question of the essence of "left art"]. Available at: <http://www.1917.com/Gallery/ProletCritica/1118916025.html> [Accessed 21 November 2017].

7. Tsiv'yan, Yu., 2010. *Na podstupakh k karpalistiche: dvizhenie i zhest v literature, iskusstve i kino* [On the approaches to carpalistics: movement and gesture in literature, art and cinema]. Moscow.

8. *Analiz kinostenicheskikh obrazov* [Analysis of the movie images]. Available at: <http://www.actorskino.ru/kino-rossii-1895-1930/421-analiz-kinostenicheskix-obrazov.html> [Accessed 21 November 2017].

The author

Maria P. Trenikhina, Master's degree student, Higher School of Economics National Research University, Russia.

E-mail: tmpsesc95@yandex.ru

To cite this article:

Trenikhina M.P. 2018, The Art of 'Leftist Obscenity' as a Way to Discredit the Imperial Regime: the works of Eisenstien, Babel, and Lunacharsky, *Slovo.ru:baltiiskij accent*, Vol. 9, no. 1, p. 94–102. doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-8.

УДК 821.161.1.0; 82-941

II МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «АГИОГРАФИЯ В РУССКОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ»

Л. Г. Дорофеева¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, 14
Поступила в редакцию 18.12.2017 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-9

Представлена информация о прошедшем 9 – 10 октября 2017 года в БФУ им. И. Канта Международном научном семинаре «Агиография в русском культурном пространстве». Очерчено проблемное поле изучения феномена русской агиографии, обозначены ключевые проблемы, которые стали предметом дискуссии, и намечены перспективы будущих исследований.

***Ключевые слова:** русская словесность, агиография, история, культура, жанр, медиовистика, герменевтика.*

Агиография, или, иначе, житийная литература, занимающая особое место в истории русской словесности, изучается крайне мало, что и делает особо значимыми проводимые в БФУ им. И. Канта международные научные семинары по данной теме.

9–10 октября 2017 года в Институте гуманитарных наук БФУ им. И. Канта состоялся II Международный научный семинар «Агиография в русском культурном пространстве», продолживший начатую в прошлом году работу по осмыслению феномена святости в русской истории, словесности, культуре. Семинар был организован БФУ им. И. Канта совместно с Калининградской епархией РПЦ и администрацией городского округа «Город Калининград», а именно ее структурным подразделением – Комитетом по образованию. Этот союз обусловлен спецификой проблематики, включающей богословскую и историко-церковную составляющую, и решаемых семинаром задач, одной из которых, помимо собственно научной цели, является образовательно-просветительская.

В приветственном слове к организаторам и участникам конференции директор Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта *Татьяна Валентиновна Цвигун* отметила важность изучения христианских корней русского культурного пространства.

Протоиерей *Георгий Урбанович*, руководитель Духовно-Просветительского центра Калининградской епархии, поблагодарил участников конференции за внимание к столь значимым для понимания истоков и сути русской культуры темам и подчеркнул важность междисциплинарного подхода в исследовании феномена агиографии.

Людмила Григорьевна Дорофеева, профессор Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта, организатор семинара, сформулировала главную его цель: «Наша дискуссия призвана представить русскую агиографию в разных аспектах — с точки зрения истории православной святости, соотношения с агиологией как богословской дисциплиной, влияния агиографической традиции на развитие языка, словесности, искусства, педагогики».

Конечно, эти задачи семинара относятся к общим, составляя ядро научных дискуссий каждого года. При этом 2017 год для нашей страны стал знаковым, поэтому не случайно центральной в содержании семинара стала проблема изучения житий новомучеников и исповедников российских XX века в связи с общей для страны темой подведения итогов столетия (1917–2017), что обусловило содержание и логику программы.

На пленарном заседании 9 октября прозвучали доклады ведущих специалистов в этой области. Первый пленарный доклад протоиерея *Георгия Митрофанова*, профессора Санкт-Петербургской духовной академии, кандидата философских наук, доктора богословия — «Собор новомучеников и исповедников Русской Православной Церкви XX века как агиологический феномен» — содержал факты о периоде репрессий 1917–1930-х годов и о мученическом подвиге русских священников и мирян. Раскрывая основные этапы и особенности коммунистических гонений на Православную церковь в России, показывая на конкретных фактах и цифрах широкомасштабность и поразительную жестокость расправ большевиков над духовенством, монашеством и мирянами, протоиерей Георгий Митрофанов остановился на ряде имен святых новомучеников и исповедников 1917–1940-х годов, канонизированных Православной церковью в 2000-е годы, раскрывая смысл их мученического и исповеднического подвига.

Продолжила эту тему с привлечением уникальных архивных материалов *Лидия Алексеевна Головкова*, старший научный сотрудник отдела Новейшей истории РПЦ ПСТГУ. В ее докладе «Эпоха репрессий и подвиг святых. Святейший Патриарх Тихон» сделан акцент на атмосфере эпохи, которую вершили и те, кто творил зло, подвергая мучениям и убивая священнослужителей и мирян, и те, кто был гоним и мучим, кто принимал с кротостью и смирением страдания и лишения в тюрьмах и лагерях. Особое внимание было уделено личности святого патриарха Тихона, юбилей интронизации которого приходится также на 2017 год — год столетия восстановления патриаршества в России.

Кандидат филологических наук, кандидат богословия, научный сотрудник отдела древнеславянских литератур Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, преподаватель Московской православной духовной академии *Михаил Викторович Первушин* в своем докладе «Взгляд автора епархиальных ведомостей на современные ему события

в России конца 1917 года» познакомил аудиторию с публикациями авторов епархиальных ведомостей духовной академии указанного периода, представив также редкие сведения о сложном и противоречивом восприятии предреволюционной и революционной действительности самими священнослужителями. Это позволило докладчику еще с одного ракурса представить эпоху и поднять проблему изучения материалов периодических изданий как исторического источника.

Во второй части пленарного заседания прозвучали сообщения, содержащие материалы по проблеме изучения феномена русской агиографии. Доктор философских наук, профессор **Сергей Владимирович Корнилов** (Калининград) в своем докладе «*Житие в хронотопе древнерусской культуры*» рассмотрел основные этапы развития русской агиографии в контексте культуры и в типологическом аспекте. Доклад доктора филологических наук **Александра Николаевича Ужанкова** (Москва) «*"Блажен муж бояйся Господа, в заповедех Его восхощет зело". Отражение "Нагорной проповеди" Спасителя в подвиге страстотерпчества первых русских святых кн. Бориса и Глеба*» обратил внимание слушателей к истокам русской святости и подвигу страстотерпчества Бориса и Глеба. Главной в этом докладе стала мысль о евангельском основании святости первых русских святых, воплотивших заповеди блаженства в своем подвиге непротивления и кроткого смирения.

Завершил пленарную часть семинара **Валерий Владимирович Лепехин**, доктор филологических наук, профессор Сегедского университета (Сегед, Венгрия) сообщением «*Слово о Гелиане Михайловиче Прохорове*», вызванным утратой, которую понесла отечественная медиэвистика с уходом из жизни российского филолога и богослова, одного из ведущих специалистов в области древнерусской и византийской литературы, главного научного сотрудника отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН (Пушкинский дом) — Гелиана Михайловича Прохорова.

Продолжил работу семинара первого дня круглый стол по теме «*Агиография как духовный и культурный феномен: проблемы междисциплинарного изучения*», который носил дискуссионный характер. К обсуждению были предложены следующие вопросы: категориальный аппарат в изучении агиографической литературы; феномен святости как предмет междисциплинарного изучения: богословие, философия, история, филология; агиография и иконография как единый текст; современные жития и агиографическая традиция. Все доклады были построены в дискуссионном развороте.

С программным докладом «*Агиография: проблемы методологии изучения*» выступил профессор **Александр Николаевич Ужанков** (Москва); он очертил основные методологические принципы изучения средневековых текстов, в частности житий. Доклад **Людмилы Григорьевны Дорофеевой** (Калининград) «*Агиография новомучеников и исповедников российских XX в. Проблемы изучения*» очертил ряд проблем изучения русской агиографии XX века: отсутствие внимания к этой активно развивающейся области словесности, разностилевой характер агиографических текстов, сложность в отношении составителей житийных текстов к агиографическому канону и т. д.

Интерес слушателей вызвал доклад протоиерея **Ильи Шапиро** (Москва) по теме «*Иеротопия в гимнографии новомучеников*», где основным был богословский аспект осмысления современной гимнографии, феномен которой совершенно не изучен.

В пространство Святой Руси обратил участников круглого стола проф. **Валерий Владимирович Лепяхин** (Венгрия), представив доклад «*Житие и икона. На примере трех икон преподобного Сергия*». В его выступлении основной стала мысль о неразрывном единстве житийного текста и иконы, представляющих, по сути, единый агиографический текст.

К изучению жития святого XIX века — святителя Феофана Затворника — обратился доктор филологических наук, профессор БФУ им. И. Канта **Владимир Хамитович Гильманов** в докладе «*Жизнь как духовная молитва в житии Св. Феофана Затворника*», и это стало еще одним открытием возможностей герменевтического понимания агиографического произведения.

Не меньшим открытием стал и материал, представленный в докладе **Ларисы Арнольдовны Юрвичишине**, члена рабочей группы при Комиссии по канонизации святых и изучению истории Тихвинской епархии (Санкт-Петербург) «*Преображение мира святостью. Петербургская старица Матрона Босоножка: жизнь как путь любви*», где рассказывалось об идущем процессе подготовки к канонизации известной Санкт-Петербургской старицы Матроны, почитаемой как блаженная.

Завершился первый день работы Международного семинара интереснейшей экскурсией «Соборы Калининграда», во время которой его участники смогли познакомиться благодаря блестящему сопровождению доктора философских наук, профессора **Ирины Сергеевны Кузнецовой** с историй Кафедрального собора на острове Канта, а также увидеть росписи Кафедрального собора Христа Спасителя, представленные **Инной Валерьевной Аполонской**, руководителем Музея церковного искусства «Ковчег» Православной гимназии г. Калининграда.

Во второй день семинара были проведены открытые лекции для студентов БФУ им. И. Канта и педагогов Калининграда. **Александр Николаевич Ужанков** предложил свои разгадки тайны авторства «Слова о полку Игореве» студентам бакалавриата и свое прочтение древнерусской «Повести о Петре и Февронии» учителям Калининграда, собравшимся в конференц-зале Православной гимназии. А с проблемами изучения древних памятников познакомил студентов и педагогов-русистов **Михаил Викторович Первушин** на лекции «*Как правильно читать древние памятники. Проблемы методологии*».

Секционные заседания «Агиография: философские аспекты», «Житийная традиция в русской литературе», «Язык древнерусской агиографии» прошли в Институте гуманитарных наук БФУ им. И. Канта, а также в храме Св. Александра Невского, где работала четвертая секция — «Агиография в изобразительном искусстве», привлекая к участию студентов колледжа, иконописцев и просто интересующихся проблемами иконописи. На заседаниях секций прозвучали доклады **Валерия Владимировича Лепяхина**, **Нины Сергеевны Кутейниковой**, протоиерея **Ильи Шапиро** и других участников семинара.

На завершившей работу семинара секции «Агиография в изобразительном искусстве» прозвучали доклады: **Нины Сергеевны Кутейниковой**, члена-корреспондента РАН, кандидата искусствоведения, профессора института имени И. Е. Репина, заслуженного деятеля искусств РФ (Санкт-Петербург) «Новопрославленные святые Санкт-Петербурга. К истории иконописания XX – нач. XXI вв.»; **Дмитрия Геннадьевича Мироненко**, кандидата искусствоведения, заведующего иконописно-реставрационной мастерской Св. Иоанна Дамаскина в Свято-Троицкой Александро-Невской лавре, преподавателя иконописного отделения Санкт-Петербургской духовной академии, иконописца, реставратора (Санкт-Петербург) «Из опыта работы над образами новопрославленных святых в иконописной мастерской Александро-Невской лавры»; **Натальи Владимировны Шамардиной**, доктора искусствоведения, профессора БФУ им. И. Канта (Калининград) «Святитель Петр, митрополит Московский: опыт реконструкции иконописного наследия»; **Валерия Владимировича Лепехина**, доктора филологических наук, профессора Сегедского университета (Сегед, Венгрия) «Об особенностях иконографии образов Пресвятой Троицы, Сретения и Преображения»; протоиерея **Ильи Шапиро** (Москва) «Триединство Страстей, Смерти и Воскресения в богослужении и росписи храма, посвященного новомученикам» и **Инны Валерьевны Аполонской** (Православная гимназия, Калининград) «Образы святых в росписях монументальной храмовой декорации Калининграда».

Эта секция стала чрезвычайно важной в работе семинара и вызвала большой интерес участников. При этом нужно сказать, что предвзял открытие семинара мастер-класс «Рисунок лика икон», который провел для студентов Калининградского колледжа и иконописцев Калининградской епархии **Дмитрий Геннадьевич Мироненко**, кандидат искусствоведения, заведующий иконописно-реставрационной мастерской Св. Иоанна Дамаскина в Свято-Троицкой Александро-Невской лавре, преподаватель иконописного отделения Санкт-Петербургской духовной академии, иконописец, реставратор (Санкт-Петербург).

Таким образом, II Международный семинар «Агиография в русском культурном пространстве» обозначил ряд новых аспектов в изучении феномена русской агиографии в ее парадигме от Средневековья к современности, дал новые импульсы к ее исследованию, которое продолжится и в научных статьях его участников, и в будущих семинарах.

Об авторе

Дорофеева Людмила Григорьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: lgdorofeeva@mail.ru

Для цитирования:

Дорофеева Л. Г. II Международный научный семинар «Агиография в русском культурном пространстве» // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №1. С. 103–108. doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-9.

THE 2ND RESEARCH WORKSHOP 'HAGIOGRAPHY
IN RUSSIAN CULTURAL SPACE'

L. G. Dorofeeva¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo Str., Kaliningrad, 236016, Russia

Submitted on December 18, 2017

doi:10.5922/2225-5346-2018-1-9

This article is a review of the 2nd research workshop 'Hagiography in Russian cultural space,' which was held on October 9 – 10, 2017, at the Immanuel Kant Baltic Federal University. The author defines the scope of Russian hagiography studies, identifies key problems discussed, and outlines prospects for further research.

Key words: *Russian philology, hagiography, history, culture, genre, Medieval studies, hermeneutics.*

The author

Prof Lyudmila G. Dorofeeva, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: lgdorofeeva@mail.ru

To cite this article:

Dorofeeva L.G. 2018, The 2nd Research Workshop 'Hagiography in Russian Cultural Space', *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 1, p. 103 – 108. doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-9.

ТРЕБОВАНИЯ К ПОДГОТОВКЕ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи – до 1,5 а.л., научного сообщения – до 0,5 а.л. (включая заглавие, аннотацию, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках).

4. Все присланные в редакцию рукописи проходят двойное слепое рецензирование, а также проверку по системе «Антиплагиат», по результатам чего принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Уровень оригинальности авторских материалов по данным системы «Антиплагиат» должен составлять не менее 80 % (с учетом оформленного цитирования и самцитирования).

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Для рассмотрения редакционной коллегией статья может быть отправлена по электронной почте главному редактору либо ответственному редактору журнала. Также статья может быть подана на рассмотрение через электронную форму на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/>

7. Решение о публикации (доработке, отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК, который должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

- название статьи строчными буквами на русском и английском языках;
- аннотацию на русском и summary на английском языке (200–250 слов).

Аннотация располагается перед ключевыми словами после заглавия, summary – после статьи перед references;

- ключевые слова на русском и английском языках (4–10 слов). Располагаются перед текстом после аннотации;

- список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5.-2008, и references на латинице (Harvard System of Referencing Guide);

- сведения об авторе(-ах) на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, место работы, e-mail, контактный телефон, почтовый адрес места работы).

2. Оформление списка литературы.

- Список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5.-2008, приводится в конце статьи в алфавитном порядке без нумерации. Сначала перечисляются источники на русском языке, затем – на иностранных языках.

Если в списке литературы есть несколько публикаций одного автора одного года издания, то рядом с годом издания каждого источника ставятся буквы а, б и др. Например:

Брюшинкин В. Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148 – 167.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Кант И. Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Кант И. Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht; Boston ; L., 1992.

• Источники, опубликованные в интернет-изданиях или размещенные на интернет-ресурсах, должны содержать точный электронный адрес и обязательно дату обращения к источнику (в круглых скобках) по образцу:

Walton D. A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (дата обращения: 09.11.2009).

3. Оформление references.

В английский блок статьи необходимо добавить список литературы на латинице (references), оформленный по требованиям *Harvard System of Referencing Guide*: сначала дается автор, затем год издания. В отличие от списка литературы, где авторы выделяются курсивом, в references курсивом выделяется название книги (журнала). В квадратных скобках дается перевод на английский язык названия указанного источника, если он составлен не на латинице. Например:

Книга на кириллице: Borisov, K. G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovanija processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh sojazej v sovremennoj vseobshhej sisteme gosudarstvo* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern system of universal], Moscow, 363 p.

Книга на латинице: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Журнальная статья на кириллице: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja priority mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of international scientific and technological cooperation between Russia], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available at: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Журнальная статья на латинице: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

Более подробно с правилами составления references можно ознакомиться на сайте: libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. Оформление ссылок на литературу в тексте.

• Ссылки на литературу в тексте даются в круглых скобках: автор или название источника из списка литературы и через запятую год и номер страницы: (Кант, 1994а, с. 197) или (Howell, 1992, p. 297).

• Для многотомных изданий – автор или название источника из списка литературы, затем через запятую со строчной буквы номер тома и номер страницы: (Шопенгауэр, 2001, т. 3, с. 22).

5. Предоставленные для публикации материалы, не отвечающие вышеизложенным требованиям, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены в **электронной форме** в формате А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/journals/slovoru/pravila-oformleniya/>

Порядок рецензирования рукописей

1. Все рукописи, поступившие в редколлегию, проходят двойное слепое рецензирование.

2. Главный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования определяются с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии устанавливается:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом имеющейся по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале.

5. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, главный редактор журнала направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная к публикации хотя бы одним из рецензентов, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлекцией.

9. После принятия редколлекцией решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редакции журнала в течение пяти лет.

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

2018

Том 9

№ 1

Редактор *Л. Г. Ванцева*. Корректор *Е. А. Алексеева*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 01.03.2018 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 9,8
Тираж 100 экз. Заказ 58

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6